

СМЕНА

№5 МАЙ

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

2016

6+

ПЯТНАДЦАТЫЕ МОЛОДЕЖНЫЕ ДЕЛЬФИЙСКИЕ ИГРЫ РОССИИ

22-27 апреля 2016 года

Тюменская область

Неизвестное об известном

Владимир Куницын **Просто Мария** 4

Нам пишут

Ольга Чашкина **Письмо** 14

Из российской истории

Светлана Бестужева-Лада **Первый после Бога**.....16

Литературные страницы МСПС

Иван Переверзин **Постижение любви** 28

Замечательные современники

Юрий Осипов **Олег Меньшиков:
«Войти в свою дверь»** 52

Елена Воробьева **Ксения Рыжкова: «Очень хочу
станцевать роковую Кармен»** 66

Олег Юзифович **Александр Василенко:
«Госдуме нужны
профессионалы»**..... 106

Шедевры

Ирина Опимах **Врубель. Последняя
работа мастера**..... 72

Поэзия

Алексей Борычев **Поэзия**..... 83

Неизвестное об известном

Валентин Осипов **Пока жив, и... на свободе** 88

Рассказ

Хелью Ребане **Беспригрешная лотерея**119

Минувшее

Алла Зубкова **Частная жизнь Ивана Грозного**124

Детектив

Наталья Солдатова **Выстрел из прошлого**..... 142

Кроссворд. Эрудит**188**

**Главный редактор,
генеральный директор**

Кизилев Михаил Григорьевич

**Заместитель главного
редактора**

Чичина Тамара Васильевна,
tomasmena@mail.ru

Арт-директор

Веселова Надежда Александровна

**Директор
по распространению**

Яркина Мария Александровна,
sales@smena-online.ru

Web-редактор

Калиша Людмила Григорьевна,
smena24@mail.ru

Корректор

Чекова Валентина Михайловна

Обложка

Фотоэтиюд Ульяны Кизиловой

Иллюстрации

Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:
Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
тел. (495) 612-15-07,
е-mail: jurnal@smena-online.ru
www.smena-online.ru

© **ООО «Журнал «Смена»**

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано:

**ОАО «Можайский
полиграфический комбинат».**

143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Тел. 8-495-745-84-28, 8-49638-20-685

Тираж — 8200

Зак. № 2721

Цена свободная

Номер подписан в печать: 18.04.2016

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

«Как-то российский император пожелал раздобыть для себя «маленьких африканят с хорошими способностями». В Африку ехать далеко и боязно — поэтому русский посол в Константинополе проведал, что в темнице при дворе султана томится маленький арап знатного рода, и вознамерился выкупить его и переслать в подарок Петру I. Освободив мальчика из заключения, он счастливо переправил его в Россию, в царский дворец. Этот «африканенок» впоследствии стал прадедом А.С. Пушкина — Абрамом Петровичем Ганнибалом.

Денис **Логинов** «Африканский принц»

«В мучительно-трагической жизни Михаила Булгакова, какая мало кому из больших русских писателей выпадала в прошлом веке, ему удалось устоять перед всеми соблазнами и искушениями, кроме одного — искушения государственным признанием. Но... не получилось. Пришлось с горечью осознать, что между ним и Сталиным никакой мистической, как ему казалось, связи не было и нет. Зато уже существовал роман «Мастер и Маргарита», который вынес приговор тирану и его эпохе. Булгаков до последнего часа правил и дописывал свое бессмертное произведение. Увы, все в его жизни окончилось до срока. И не так, как надо...

Юрий **Осипов** «Искушение Булгакова»

«Склиф», у «Склифа», про «Склиф» — эти расхожие фразы частенько встречаются в разговорах о болезнях и операциях, но никто уже не задумывается, почему один из крупнейших медицинских центров Москвы так называется. Кто же был тот человек, имя которого стало фактически нарицательным?..

Светлана **Бестужева-Лада** «Светя другим, сгораю сам»

«Известный режиссер театра и кино, актер, сценарист, театральный педагог, заслуженный артист России Дмитрий Брусникин запомнился зрителям еще по сериалу «Петербургские тайны», где он великолепен в роли князя Шадурского. На сегодняшний день в его арсенале множество фильмов и сериалов: «Марш Турецкого», «Сыщики», «Огнеборцы», «Любовь на острие ножа...» и другие. Беседу с ним провела журналистка Елена **Воробьева**.

«Детектив Андрея **Дышева** «Убить остров»

Владимир Куницын

**«Гвардии сержант
Октябрьская Мария
Васильевна похоронена
в Смоленске
на Кутузовском кладбище,
у кремлевской стены,
на высоком берегу
Днепра, рядом с героями
Отечественной войны
1812 года».**

**Эта нелепейшая фраза,
созданная на просторах
интернета,**

Просто Мария

растиражирована в тысячах статей. В Смоленске нет ни Кутузовского кладбища, ни кремля. Место захоронения Марии Октябрьской находится в получасе ходьбы от берега Днепра, а первая могила появилась в этом месте лишь в 1943 году, после освобождения города от немецко-фашистских захватчиков.

О гвардии сержанте Октябрьской написано немало. В ее честь названы

улицы, установлены памятники и мемориальные плиты. Сняты фильмы. Казалось бы, что можно еще сказать?

А сказать всегда есть что. И мы поставили себе целью среди нагромождения выдумок и мифов, небылиц и нелепиц, ошибок очевидцев, попытаться восстановить историю женщины, настоящей героини советской земли.

Наиболее популярная версия от Интернета гласит, что «согласно церковно-приходской книге, Маша Гарагуля родилась 16 августа 1902 года в Крыму. В селе Кият, что недалеко от Джанкоя. Ныне это село Ближнее Красногвардейского района республики Крым». Может быть, и так. Но точно утверждать это пока нет никаких оснований. Дело в том, что в непосредственной близости от

Джанкоя до революции располагались целых три села с названием Кият.

По неподтвержденным данным, отец отвез Машу в возрасте одиннадцати лет к родственникам в Джанкой. При этом в метрике заменил год рождения девочки на 1905-й. Сделал он это для того, чтобы ребенка взяли в школу — переростков не очень жаловали, могли

и не взять. Так и пошла Мария по жизни с исправленной метрикой, даже в наградных документах указывали 1905-й год рождения.

С национальностью, как и с годом рождения, тоже определенная путаница. Трудно представить, что девочка с фамилией Гарагуля происходит из многодетной русской семьи. Скорее уж, из украинской. Но в наградных документах четко указано — русская. Почему такая путаница? Да потому, что тогда мы жили в одной стране и не делились на Украину, Россию, Грузию или Молдавию. Зачастую мы не знали национальность наших лучших друзей, и это нас совершенно не волновало. Как не волновало и тех, кто заполнял наградные документы на Марию Васильевну Октябрьскую, даже не подозревая, какую фами-

лию она носила до замужества. Мы были единым и, как в то время казалось, неделимым советским народом.

В 1919 году, окончив 6 классов, Маша вернулась домой — умерла мама, и нужно было помогать отцу по хозяйству. Но уже через два года она переехала в Симферополь. Сначала устроилась на табачную фабрику, над которой шефствовали Симферопольские кавалерийские курсы, и там познакомилась с курсантом Ильей Федотовичем Рядненко, участником гражданской войны, сражавшимся в дивизии Котовского. Позже был консервный завод, а затем, окончив соответствующие курсы, она стала работать на телефонной станции. Знакомство с курсантом Ильей не только продолжалось, а закончилось свадь-

*Октябрьская
Мария
Васильевна*

Слева:
*передача
танка
«Боевая
подруга»
экипажу*

бой в 1925 году. В загсе новобрачные взяли себе в честь революции фамилию Октябрьские.

Пятнадцать лет прожили, как и большинство семей красных командиров. Мотались по гарнизонам, меняя казенные квартиры, заводили, а часто и теряли друзей, чья судьба разбрасывала по дальним уголкам родины, и служили. Служили вместе, хотя в рядах Красной армии числился только комиссар Илья Федотович Октябрьский.

Мария окончила курсы медсестер, стала «ворошиловским стрелком», выучилась на шофера, великолепно овладела пулеметом. Муж тоже не терял времени даром, дослужился до комиссара полка, принял участие в Финской войне. В 1940 году, после освобождения Бессарабии, супруги были направлены в Кишинев, где и застала их Великая Отечественная.

Уже на следующий день, 23 июня, они расстались. Мария Васильевна

*Экипаж
танка
«Боевая
подруга»*

вместе с семьями комсостава уехала в Томск, а Илья Федотович — в Москву на ускоренные курсы. Оттуда он был направлен на должность военного комиссара 206 стрелковой дивизии.

Беда пришла в конце лета — почтальон принес похоронку. В именном списке безвозвратных потерь начальствующего состава сказано, что Октябрьский Илья Федотович, 1900 года рождения, убит в бою 9 августа 1941 года. Похоронен на даче Совнаркома в Киеве.

Как пережила Мария потерю любимого человека, знать может только она сама, да ее родная сестра, с которой они жили в Томске.

Война разрушила жизненное счастье Марии Васильевны, оставив

в душе лишь единственное желание — отомстить врагу. За последующие полтора года оно ничуть не ослабло.

Сначала были три попытки уйти на фронт и три отказа военкомата. Изнуряющая работа без выходных и отпусков под общим девизом: «Все для фронта, все для победы», деньги, внесенные в фонд обороны, и телеграмма Сталину, в которой основными словами стали «хочу отомстить».

5 марта 1943 года газета «Красное знамя» опубликовала две телеграммы.

***Москва, Кремль
Председателю Государственного
Комитета Обороны.
Верховному главнокомандующему.***

*Дорогой Иосиф Виссарионович!
В боях за Родину погиб мой муж —
полковой комиссар Октябрьский
Илья Федотович. За его смерть, за
смерть всех советских людей, заму-
ченных фашистскими варварами, хо-
чу отомстить фашистским собакам,
для чего внесла в госбанк на постро-
ение танка все свои личные сбере-
жения — 50 000 рублей. Танк прошу
назвать «Боевая подруга» и напра-
вить меня на фронт в качестве води-
теля этого танка. Имею специаль-
ность шофера, отлично владею пу-
леметом, являюсь «ворошиловским
стрелком». Шлю Вам горячий при-
вет и желаю здравствовать долгие,
долгие годы на страх врагам и на
славу нашей Родины.*

*ОКТЯБРЬСКАЯ Мария Васи-
льевна. г. Томск, Белинского, 31*

Это потом уже появились всякие вымыслы, что Октябрьская купила танк и отправилась на нем воевать. Сделать она этого не могла. Т-34, производства Омского завода, в 1943 году стоил 312 000 рублей. Мария Васильевна просто попросила дать имя танку. И, в обход военкомата, направить ее на фронт мстить за мужа.

Сталин ответил так:

**Томск, ул. Белинского, 31
тов. ОКТЯБРЬСКОЙ
Марии Васильевне**

*Благодарю Вас, Мария Васи-
льевна, за Вашу заботу о бронетан-
ковых силах Красной Армии. Ваше
желание будет исполнено. Примите
мой привет.*

И. СТАЛИН.

Он выполнил свое обещание. В мае 1943 года Октябрьскую призвали в армию, и она прошла в Омске учебу на механика-водителя.

К сорок третьем году, при каждом заводе, выпускающем танки, уже были созданы запасные полки, в которых происходило так называемое, «сколачивание» экипажей боевых машин и формирование маршевых рот. При заводе №174 состоял 9-й запасной танковый полк, там же дислоцировался и 4-й учебный, который готовил специалистов-танкистов.

Курс механика-водителя в этом учебном полку занимал четыре месяца. Ежедневно по 14 часов, включая два часа самоподготовки. Затем две недели уже в 9-м запасном.

В сентябре 1943 года и собрался экипаж танка «Боевая подруга»: командир Петр Чеботько, имевший военный опыт, башенный стрелок Геннадий Ясько, стрелок-радист Михаил Галкин и механик-водитель Мария Октябрьская.

Поскольку запасной полк находился при заводе, то участие членов экипажа в сборке танков было очень распространенным явлением. Подобная практика позволяла начать изучение своей боевой машины, на которой придется воевать, еще до ее окончательной сборки.

Где и как танк, выходящий с завода, получил бортовую надпись — «Боевая подруга», доподлинно неизвестно. Хотя в Интернете вам мо-

гут предложить фотографию, на которой якобы запечатлен момент передачи боевой машины экипажу Октябрьской.

Этот танк к Марии Васильевне не имеет никакого отношения. На нем воевал героический экипаж под командованием Кирилла Ивановича Байды. Машина была подбита во время Курской битвы 3 августа 1943 года. Экипаж в тот раз уцелел.

В Смоленске, на улице Марии Октябрьской висит памятная табличка: «Улица названа в честь Героя Советского Союза МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ОКТЯБРЬСКОЙ, водителя танка «Боевая подруга», сражавшейся на смоленской земле.

К сожалению, воевать на смоленской земле танку «Боевая подруга» не довелось. Двадцать пятого сентября 1943 года войска под командованием генерала армии Соколовского освободили Смоленск. Второго октября закончилась операция «Суворов», и Смоленщина была полностью освобождена от фашистов. Восьмого октября на станции Вышегор, почти в сотне километров от областного центра, разгрузилась маршевая рота, в составе которой находилась «Боевая подруга». Танк отправился в Витебскую область и влился в состав 26-й Ельнинской гвардейской танковой бригады 2-го Тацинского корпуса под командованием генерал-майора Бурдейного Семена Алексеевича.

*Гвардии
сержант
Октябрьская
Мария
Васильевна*

«Боевая подруга» отличилась в первом же бою. Во время атаки на Новое село, Лианозовского района, Витебской области, уничтожила противотанковое орудие и около полусотни фашистов. Танк был подбит. Два дня танкисты пулеметным и артиллерийским огнем вместе с пехотой сдерживали атаки немцев. А по ночам ремонтировали танк. «Боевая

подруга» смогла вернуться в расположение батальона своим ходом. Во время боя Октябрьская была ранена, однако не покинула машину. В медсанбат отправилась только после возвращения.

18 января 1944 года экипаж «Боевой подруги» принял участие в бою за совхоз Крынки. Мария Васильевна гусеницами своего танка разда-

вила три пулеметных гнезда и два десятка фашистов. Но машину снова подбили выстрелом противотанковой пушки из засады. Гусеница оказалась поврежденной. Несмотря на это, в последние секунды, уже двигаясь по инерции, Октябрьская сумела направить танк в небольшой овраг, где скрыла его от прямого огня орудия.

Экипаж немедленно приступил к восстановлению гусеницы, но немцы открыли минометный огонь, и один из осколков попал в голову Марии Васильевны.

Из-под огня отважную женщину вытащил экипаж. В полевом госпитале ей сделали операцию и в этот же день перевезли в Смоленск.

28 января 1944 года командир 26 танковой бригады, гвардии полковник Нестеров, подписал наградной лист с просьбой представить Марию Васильевну к ордену Отечественной войны II степени. В разделе «Конкретное изложение подвига» он указал оба боя танка «Боевая подруга» — за Новое село и за совхоз Крынки.

А спустя два дня командир танкового корпуса, гвардии генерал-майор Бурдейный, собственноручно внес исправление в наградной лист: «Награждаю орденом Отечественной войны I степени».

Этот орден был вручен Октябрьской во фронтовом госпитале в Смоленске.

К сожалению, состояние Марии Васильевны ухудшалось. Врачи оказались бессильны, и 15 марта 1944 года она скончалась.

Шло время, и подвиг женщины, наравне с мужчинами вставшей на защиту Родины, стал выглядеть по-другому. 3 июня, через два с половиной месяца после смерти Октябрьской, полковник Нестеров вновь заполнил наградной лист на механика-водителя «Боевой подруги». В разделе «Конкретное изложение подвига» все те же два боя — за Новое село и Крынки. Но теперь он написал, что гвардии сержант Октябрьская достойна высшей награды Родины — Золотой звезды героя. Посторонне.

2 августа 1944 года механику-водителю 2 батальона 26 гвардейской танковой Ельнинской бригады 2 гвардейского Тацинского корпуса Октябрьской Марии Васильевне было присвоено звание Героя Советского Союза.

Похоронена Октябрьская там, где она скончалась — в Смоленске, в сквере Памяти Героев, недалеко от могилы Михаила Егорова, который в сорок пятом, вместе с Мелитоном Кантарией, водружал Знамя победы над рейхстагом, а двадцать пять лет спустя зажигал вечный огонь в этом сквере в память о Марии Васильевне и других героях, павших за свободу своей Родины — Союза Советских Социалистических Республик. □

Нам пишут

Ольга Чашкина, 12 лет,
г. Москва

От нашей семьи во время Великой Отечественной войны принимал участие в боях дедушка моей мамы, а мой прадедушка — Липатов Александр Петрович.

Прадедушка родился в 1919 году в деревне Дергаево Раменского района Московской области. За 12 лет до начала войны жители трех деревень: Дергаево, Дементьево, Сафоново — создали совместное коллективное хозяйство, в котором работали и выращивали картошку и овощи, растили свиней, коров, лошадей. Такие коллективные хозяйства назывались колхозами. В 16 лет прадедушка пошел работать в колхоз. В это время для перевозки продукции колхоз начал закупать грузовые машины. В то время машин было очень мало, и профессия водителя была редкой, поэтому руководители колхоза приняли решение отправить прадедушку учиться на шофера.

Когда в июне 1941 года началась война с фашистами, прадедушка был уже опытным водителем грузовой машины.

Поздней осенью 1941 года его призвали в армию и, так как он был хорошим шофером, направили на курсы танкистов. Курсы и создание танковой бригады проходили на территории Горьковской области, теперь она стала называться Нижегородской областью.

После окончания курсов прадедушку назначили водителем танка марки Т-70. Это, по классификации, легкий танк, разработанный конструкторами в октябре 1941 года и принятый на вооружение Советской армии в январе 1942 года. Экипаж танка состоял из двух человек.

Командиром танка после окончания танкового училища был назначен лейтенант Андрей Пузырников. Он был моложе прадедушки, ему был все-

го 21 год, а прадедущке — 23 года. Вместе они на полях сражений провели 4,5 месяца.

Мне запомнился рассказ прадедущки о последнем бое их экипажа с фашистами.

Обычно бойцам командиры объявляют о предстоящем бое накануне. Наши танки были замаскированы от противника на возвышенности опушки леса. Августовским утром предстояло наступление на позиции врага.

На рассвете танкисты находились у своих танков и всматривались в сторону фашистских укреплений. И когда увидели в бинокли, что в 1,5 км от них немцы бегают с факелами по деревне и поджигают дома, то появилось огромное чувство ненависти и злости.

По команде танки пошли в наступление, встречая огонь немецкой артиллерии. После получасового боя немецкие пушки умолкли, а немецкие солдаты стали отступать. В это время командир Пузырников дал команду прадедущке повернуть танк в сторону горящей деревни. Метров через триста снаряд противника попал в гусеницу танка, и танк остановился. Лейтенант Пузырников сказал: «Саша, подожди, я сейчас посмотрю, что произошло», и открыл люк. Но, не успев подняться, тут же, истекая кровью, упал внутрь танка.

В боевых действиях в неподвижном танке находиться долго — смертельно опасно. Прадедущка через люк водителя вытащил раненого командира и стал отползать от танка. Они попали под огонь вражеских автоматчиков, и прадедущке прострелили обе ноги, после чего двигаться было уже невозможно.

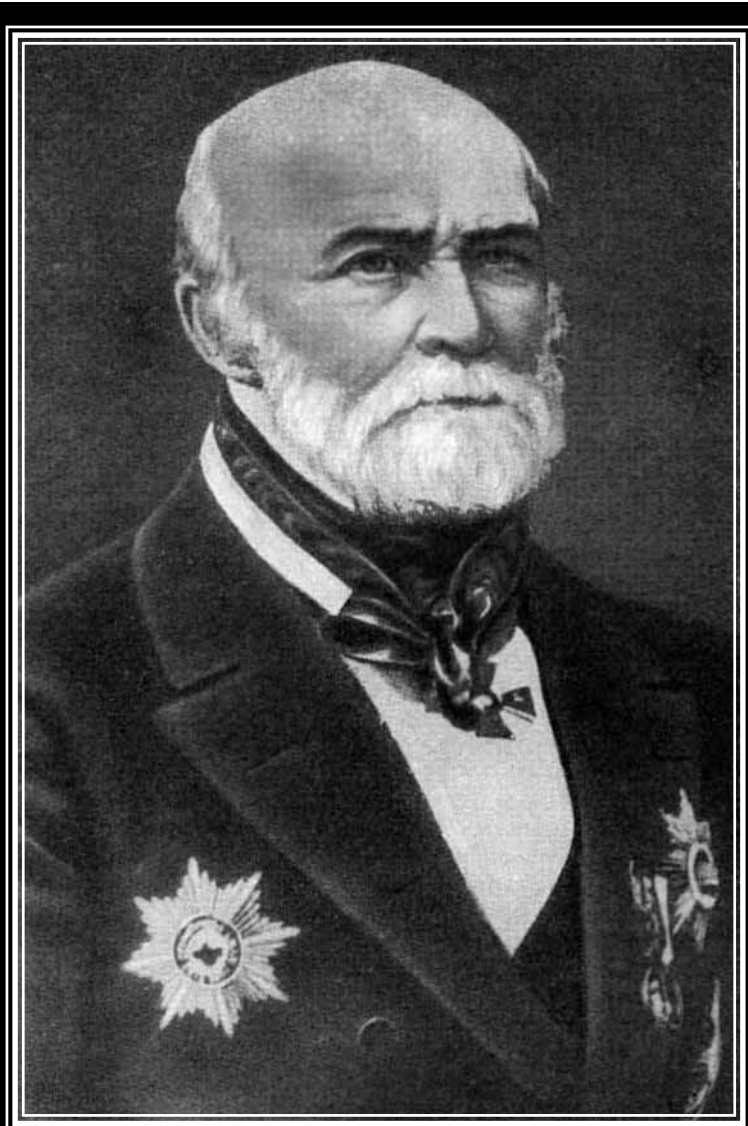
Наши войска продвинулись вперед, отгоняя противника, и помощь санитаров пришла только к вечеру. Командир, Андрей Пузырников, после тяжелейших ранений в грудь, скончался, не дождавшись помощи на месте боя.

А прадедущка попал в госпиталь, где лечили его поврежденные ноги. Оттуда он написал письмо домой, в деревню своей маме, которая скоро приехала к нему с радостными слезами — она думала, что его нет в живых, так как танк немцы все же сожгли, и командование танковой части направило домой извещение о том, что он погиб.

После этого ранения прадедущка был признан непригодным к службе в армии. Ему дали удостоверение инвалида Великой Отечественной войны II группы.

Прадедущка умер три года назад, прожив долгую, достойную жизнь.

Прошло много десятилетий с того боя, а до последних дней жизни у него перед глазами стоял молодой командир — лейтенант Пузырников. Ему было всего 21. □

ПЕРВЫЙ
после
БОГА

Светлана
Бестужева-Лада

Николай Иванович Пирогов

**Русский хирург
и анатом,
естествоиспытатель
и педагог, создатель
первого атласа
топографической
анатомии,
основоположник
военно-полевой
хирургии, основатель
анестезии,
член-корреспондент
Санкт-Петербургской
академии наук.
Количество людей,
спасенных им
от неминуемой
смерти, не поддается
исчислению.
Не зря благодарные
пациенты
(да и многие коллеги)
называли Пирогова
«Первым после
Бога» — настолько
невероятным было то,
чего он смог достичь
в медицине.**

Родившийся 25 ноября 1810 года в Москве младший (четырнадцатый) ребенок в семье казначея практически не имел шансов «выйти в люди», то есть получить достойное образование и профессию. Даже учитывая то, что восемь его братьев и сестер умерли в младенчестве, у семьи едва хватало денег на то, чтобы прокормить и одеть шестерых детей.

Помог, как это часто бывает, случай. Известный московский врач, профессор Московского университета Е. Мухин, близкий друг семьи, заметил незаурядный ум и способности младшего Пирогова и стал давать ему уроки частным порядком, а также снабжал необходимыми для учебы книгами.

В результате уже в четырнадцать лет Николай поступил на медицинский факультет Московского университета, для чего ему пришлось прибавить себе два года, но экзамены он сдал не хуже своих старших товарищей. Если не лучше.

Пирогов учился легко и учился бы еще легче, если бы ему не приходилось постоянно искать приработки, чтобы помогать семье. А это отнимало много драгоценного времени. Наконец Николаю удалось устроиться на должность прозектора в анатомическом театре. Эта работа не только неплохо оплачивалась, но и дала ему бесценный медицинский опыт, а также породила твердую уверенность в том, что он должен стать хирургом.

Университет Николай окончил одним из первых по успеваемости и в

качестве награды был направлен для подготовки к профессорской деятельности (в современном понимании — в аспирантуру) в один из лучших в то время в России Юрьевский университет в городе Дерпт (современный Тарту).

В хирургической клинике Дерпта Пирогов проработал пять лет, с блеском защитил диссертацию и в двадцать шесть лет получил звание профессора хирургии. Кстати, диссертация молодого ученого не была обычной компиляцией работ других специалистов: он первым изучил и описал расположение брюшной аорты у человека, пути кровообращения при ее непроходимости, объяснил причины послеоперационных осложнений. (Между прочим, даже в наше время не каждый врач знает об особенностях этого важнейшего внутреннего органа.)

Казалось бы, карьера состоялась, можно возвращаться в Россию и заниматься лечением больных. Но Пирогову полученных знаний и навыков было мало: из Дерпта он отправился в Берлин учиться у прославленных хирургов того времени. К его глубокому изумлению, все мало-мальски известные специалисты были знакомы с его диссертацией, спешно переведенной на немецкий язык.

Учителя, сочетавшего в себе все то, что искал в идеальном хирурге Пирогов, он нашел не в Берлине, а в Геттингене, в лице профессора Лангенбека. Геттингенский профессор учил его чистоте хирургических

приемов, некоторым только ему известным хитростям при проведении операций, рассказывал о возможных неожиданных казусах, возникающих в ходе оперативного вмешательства.

По дороге из Германии в Россию Пирогов тяжело заболел и вынужден был остановиться в Риге на лечение. Едва поправившись, он стал

оперировать в городской больнице. Первой его операцией там была ринопластика: безносому цирюльнику он выкроил новый нос. За пластической операцией последовали другие — ампутации, удаления опухолей. Пирогов стал местной знаменитостью, и при этом страстно желал вернуться в Москву. Но не получилось — оттуда пришло непри-

ятное известие: обещанную ему московскую кафедру отдали другому кандидату. Зато он получил клинику в Дерпте, там же написал одну из самых своих значительных работ: «Хирургическая анатомия артериальных стволов и фасций», которую снабдил рисунками, разительно отличавшимися от существовавших тогда анатомических атласов и таблиц.

А позже пришло, наконец, и долгожданное разрешение от начальства отправиться на стажировку во Францию. Едва оказавшись в Париже, он поспешил к известному профессору хирургии и анатомии Вельпо и застал его за чтением... «Хирургической анатомии артериальных стволов и фасций».

цины — госпитальную хирургию, и руководил ею.

Поскольку в обязанности Пирогова входило обучение военных хирургов, он занялся изучением распространенных в те времена хирургических методов. Многие из них были им в корне переработаны; кроме того, Пирогов разработал ряд совершенно новых приемов, благодаря чему ему удавалось чаще, чем другим хирургам, избегать ампутации конечностей. Один из таких приемов до настоящего времени называется «Операция Пирогова».

В поисках действенного метода обучения Пирогов решил применить анатомические исследования на замороженных трупах. Сам он называл этот метод «ледяной анатомией». Так

В

четырнадцать лет Николай поступил на медицинский факультет Московского университета, для чего ему пришлось прибавить себе два года. Учился он легко, и мог учиться еще лучше, если бы не приходилось постоянно искать приработки, чтобы помогать семье

В парижских клиниках Николай Иванович не нашел ничего, о чем бы уже не знал, и вернулся в Россию.

Здесь, в 1841 году он был приглашен на кафедру хирургии в Медико-хирургическую академию Петербурга, где проработал более десяти лет и создал первую в России хирургическую клинику, в которой основал еще одно направление меди-

родилась новая медицинская дисциплина — топографическая анатомия. Спустя несколько лет Пирогов издал первый анатомический атлас под заглавием «Топографическая анатомия, иллюстрированная разрезами, проведенными через замороженное тело человека в трех направлениях», ставший незаменимым руководством для врачей-хирургов.

С этого момента хирурги получили возможность оперировать, нанося минимальные травмы больному. Этот атлас и предложенная Пироговым методика стали основой всего последующего развития оперативной хирургии.

Затем Николай Иванович получил, на первый взгляд, довольно странное назначение — его назначали директором Инструментального завода. Он согласился и со всем пы-

Самой подходящей из них показала ему Екатерина Дмитриевна Березина, девушка из родовитой, но сильно обедневшей семьи. Состоялось торопливое скромное венчание. О любви ни с той, ни с другой стороны речи не шло: Пирогову было некогда — его ждали великие дела, и он просто запер жену в четырех стенах их съемной квартиры. Екатерина Дмитриевна умерла на четвертом году супружества, оста-

В

1841 году Пирогов был приглашен на кафедру хирургии в Медико-хирургическую академию Петербурга, где проработал более десяти лет и создал первую в России хирургическую клинику. В ней он основал еще одно направление медицины — госпитальную хирургию

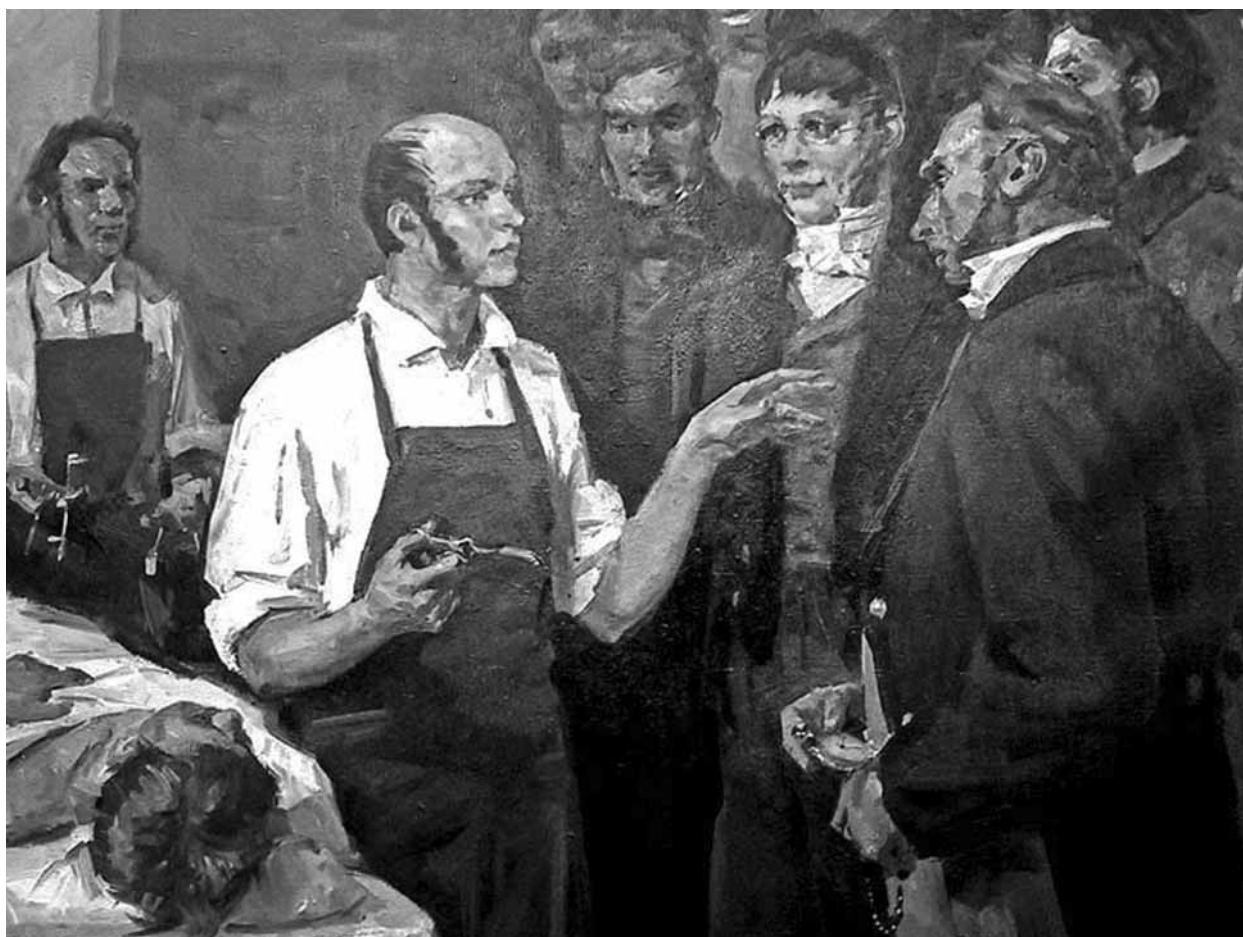
лом начал придумывать инструменты, которыми любой хирург сделает операцию хорошо и быстро. В то же время его просили консультировать в разных больницах, и он соглашался на все предложения.

В результате двух лет такой поистине каторжной работы Пирогов тяжело заболел, отравленный госпитальными миазмами и дурным воздухом мертвецкой. Полтора месяца он не мог подняться, жалел себя, растревлял душу горестными раздумьями о прожитых без любви годах и одинокой старости, перебирал в памяти всех, кто мог бы принести ему семейную любовь и счастье.

вив Пирогову двух сыновей — второй стоил ей жизни.

Но в тяжкие для Пирогова дни горя и отчаяния случилось великое событие — высочайше был утвержден его проект первого в мире Анатомического института.

После смерти Екатерины Дмитриевны Пирогов остался один. «У меня нет друзей», — признавался он с обычной прямоотой. А дома его ждали мальчики, сыновья Николай и Владимир. Пирогов дважды неудачно пытался жениться по расчету, чего он не считал нужным скрывать от себя самого, от знакомых, да, похоже, и от девиц, намечаемых в невесты. Немудрено, что эти по-

пытки не увенчались успехом. К тому же Пирогову было просто некогда тратить время на ухаживания по всем правилам.

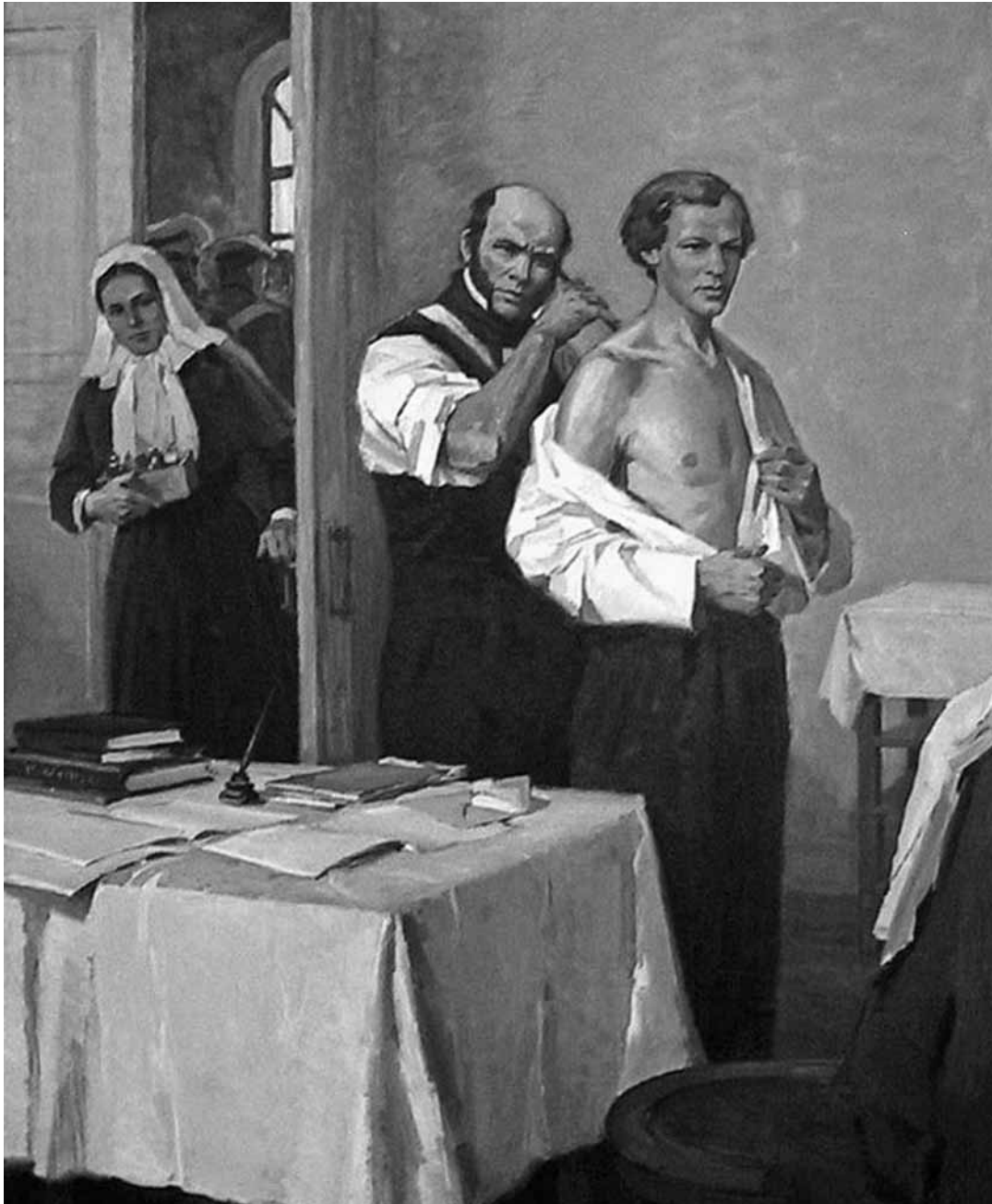
В небольшом кружке знакомых, где он иногда проводил вечера, ему рассказали про двадцатидвухлетнюю баронессу Александру Антоновну фон Бистром, внучатую племянницу мореплавателя И. Ф. Крузенштерна.

Пирогов сделал баронессе Бистром предложение, и она согласилась. Здесь уже можно говорить о взаимной симпатии, если не о большем. Свадьбу играли в гончаровской усадьбе Полотняный Завод, причем таинство венчания было совершено

20 июня 1850 года в местном Преображенском храме.

В 1846 году было проведено первое испытание эфирного наркоза. В России первую операцию под наркозом сделал товарищ Пирогова по профессорскому институту Федор Иванович Иноземцев. А когда Николай Иванович принял участие в военных действиях на Кавказе, он провел уже около 10 тысяч операций под эфирным наркозом.

Во время последующей Крымской войны Пирогов счел своим гражданским долгом отправиться в Севастополь. Он добился назначения в действующую армию. Опе-

рируя раненых, Пирогов впервые в истории медицины применил гипсовую повязку, которая позволила ускорить процесс заживления переломов и избавила многих солдат и офицеров от уродливого искривления конечностей.

По его инициативе в русской армии была введена новая форма медицинской помощи — появились сестры

милосердия. Таким образом, именно Пирогов заложил основы военно-полевой медицины, а его наработки легли в основу деятельности военно-полевых хирургов, их использовали и советские хирурги в годы Великой Отечественной войны.

Важнейшей заслугой Пирогова является внедрение в Севастополе совершенно нового метода ухода

за ранеными. Метод заключается в том, что раненые подлежали тщательному отбору уже на первом перевязочном пункте, в зависимости от тяжести ранений, одних немедленно оперировали в полевых условиях, тогда как другие, с более легкими ранениями, эвакуировались в глубь страны для лечения в стационарных военных госпиталях.

За заслуги в оказании помощи раненым и больным Пирогов был награжден орденом Святого Станислава I степени, дававшим право потомственного дворянства. А солдаты, которых он лечил, искренне считали его первым после Бога, как человека, который вытаскивал, ка-

был уйти из Медико-хирургической академии.

Словно в насмешку его назначили... попечителем Одесского и Киевского учебных округов. Но это назначение имело любопытные последствия: встретились два человека, именам которых суждено было навеки остаться в русской истории.

В 1855 году, в бытность свою старшим учителем Симферопольской гимназии, Д.И. Менделеев, у которого были серьезные проблемы со здоровьем (подозревали даже, что у него чахотка), по просьбе петербургского врача Н.Ф. Здекауэра, был принят и осмотрен Н.И. Пироговым. Констатируя удовлетворительное состояние пациента, вели-

В результате двух лет каторжной работы Пирогов тяжело заболел, отравленный госпитальными миазмами и дурным воздухом мертвецкой. Полтора месяца он не мог подняться, жалел себя, расстраивал душу горестными раздумьями о прожитых без любви годах и одинокой старости, перебирал в памяти всех, кто мог бы принести ему любовь и семейное счастье

залось бы, безнадежно раненных из-за роковой черты.

После падения Севастополя Пирогов вернулся в Петербург, где на приеме у Александра II доложил о бездарном руководстве армией князем Меншиковым. Царь не захотел прислушаться к его советам, и с этого момента Николай Иванович впал в немилость. Он вынужден

кий хирург заявил: «Вы нас обоих переживете». Прогноз этот не только вселил в будущего великого ученого уверенность в благосклонности к нему судьбы, но и сбылся.

В признанной классической статье «Вопросы жизни» Пирогов рассмотрел фундаментальные проблемы воспитания. Он показал нелепость сословного воспитания, раз-

лад между школой и жизнью, выдвинул в качестве главной цели воспитания формирование высоко нравственной личности, готовой отрешиться от эгоистических устремлений ради блага общества. Ученый считал, что система образования должна строиться на научной основе, от начальной до высшей школы. Тогда это прозвучало, как откровение. Но его попытки реформировать сложившуюся систему школьного образования привели к конфликту с властями, и ему пришлось

им и членам их семей любую, в том числе медицинскую, помощь.

Один из кандидатов, глава русского землячества Гейдельберга, провел сбор средств на лечение Гарибальди и уговорил Пирогова осмотреть его. От денег Пирогов отказался, но к Гарибальди поехал. Он обнаружил у него не замеченную другими всемирно известными врачами пулю и настаивал на его освобождении из плена, в результате чего итальянское правительство освободило Гарибальди. По всеоб-

К

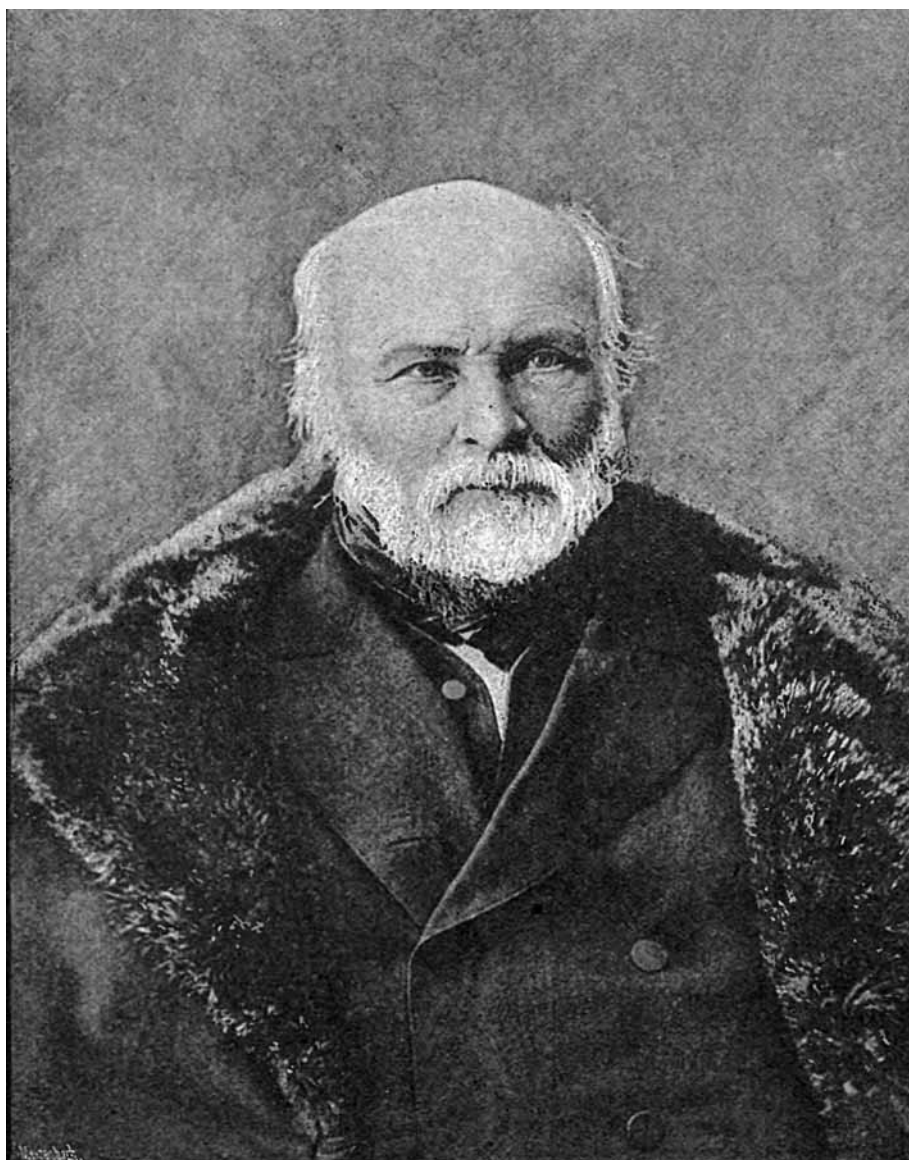
огда началась Крымская война, Николай Иванович счел своим долгом отправиться в Севастополь. Он добился назначения в действующую армию. Оперировав раненых, Пирогов впервые в истории медицины применил гипсовую повязку, которая позволила ускорить процесс заживления переломов и избавила многих солдат и офицеров от уродливого искривления конечностей

оставить свой пост. Пирогова не только не назначили министром народного просвещения, но и отказались даже сделать товарищем (заместителем) министра, а вместо этого «сослали» руководить обучающимися за границей русскими кандидатами в профессора. Он выбрал своей резиденцией Гейдельберг, куда прибыл в мае 1862 года, и где проработал до 1899 года. Там он не только выполнял свои обязанности, часто выезжая в другие города, где учились кандидаты, но и оказывал

своему мнению, именно Н.И. Пирогов тогда спас ногу, а, скорее всего, и жизнь осужденному.

После этого Гарибальди принял участие в войне Пруссии и Италии против Австрии, что вызвало неудовольствие австрийского правительства, и «красный» Пирогов был вообще уволен с государственной службы, даже без права на пенсию.

В расцвете творческих сил Николай Иванович уединился в своем небольшом имении «Вишня» неподалеку от Винницы, где организовал

бесплатные больницу и аптеку, а землю раздарил крестьянам. Он ненадолго выезжал оттуда за границу для чтения лекций, так как был членом нескольких иностранных академий. А на более продолжительный срок лишь дважды покидал имение: первый раз — в 1870 году, во время франко-прусской войны, будучи приглашен на фронт от имени Международного Красного Креста, и второй раз — в 1877-1878 годах несколько месяцев работал на фронте во время русско-турецкой войны.

Когда император Александр II посетил Болгарию, он вспомнил о Пирогове как о несравненном хирурге и лучшем организаторе медицинской службы на фронте. Несмотря на свой пожилой возраст (тогда Пирогову исполнилось уже 67 лет), Николай Иванович согласился отправиться в Болгарию при условии, что ему будет предоставлена полная свобода действий.

Его желание было удовлетворено, и 10 октября 1877 года Пирогов прибыл в деревню Горна-Студена,

Забальзамированное тело Н.И. Пирогова сохраняется уже 135 лет в мавзолее близ Винницы

недалеко от Плевны, где располагалась главная квартира русского командования.

Он организовал лечение солдат, уход за ранеными и больными в военных больницах в Свиштове, Згалева, Болгарене, Горна-Студена, Велико-Тырново, Бохот, Бяла, Плевне. С 10 октября по 17 декабря 1877 года Пирогов проехал свыше 700 км на бричке и санях по территории, занятой русскими между реками Вит и Янтра.

Николай Иванович посетил 11 русских военно-временных больниц, 10 дивизионных лазаретов и 3 аптечных склада, дислоцированных в 22-х разных населенных пунктах, леча и оперируя как русских солдат, так и многих болгар.

В 1881 году Н.И. Пирогов стал пятым почетным гражданином Мо-

сквы «в связи с пятидесятилетней трудовой деятельностью на поприще просвещения, науки и гражданственности». К этому времени он уже был членом-корреспондентом Санкт-Петербургской академии наук, Медико-хирургической академии и Германской академии естествоиспытателей «Леопольдина».

В мае 1881 года в Москве и Петербурге торжественно отмечали пятидесятилетие научной деятельности Пирогова. Однако в это время ученый уже был неизлечимо болен. Его страшно мучили боль и раздражение на слизистой твердого неба. Н.В. Склифосовский, после тщательного медицинского обследования, установил наличие рака верхней челюсти. И 5 декабря 1881 года, в 20 часов 25 минут Николай

Иванович пирогов скончался в своем имении.

Но и собственной смертью он сумел себя обессмертить. Незадолго до кончины ученый сделал еще одно открытие — предложил совершенно новый способ бальзамирования умерших. Тело Пирогова было баль-

может быть поставлен рядом с Ларреем.

Богатая коллекция документов, связанных с жизнью и деятельностью Н.И. Пирогова, его личные вещи, медицинские инструменты, прижизненные издания его произведений хранятся в фондах Воен-

З

а заслуги в оказании помощи раненым и больным Пирогов был награжден орденом Святого Станислава I степени, дававшим право потомственного дворянства. А солдаты, которых он лечил, считали его первым после Бога, как человека, который вытаскивал безнадежно раненных из-за роковой черты

замировано, положено в склеп, и сохраняется ныне в Виннице, в черту которого вошло имя, превращенное в музей.

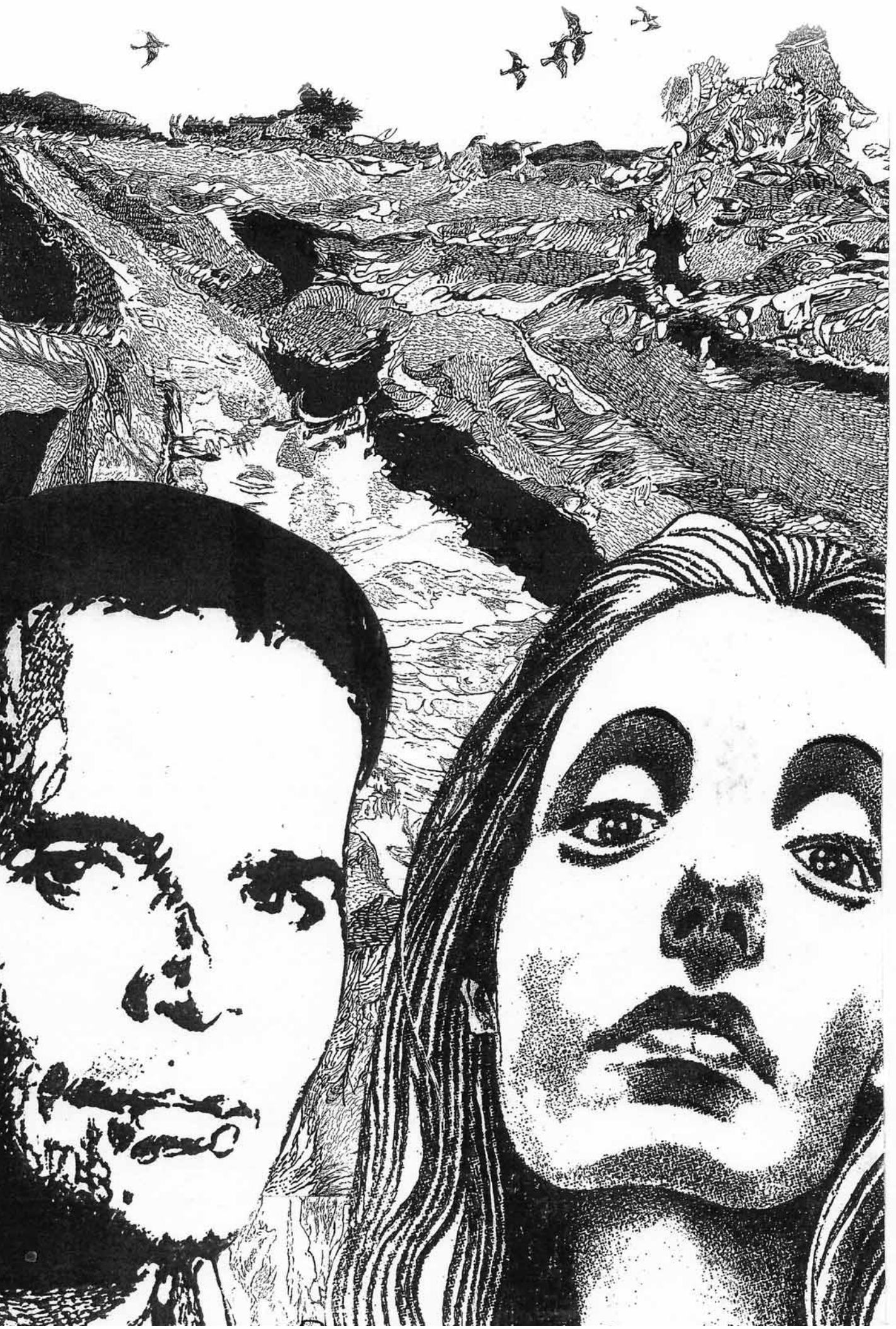
После смерти Пирогова в его память было основано Общество русских врачей, регулярно созывавшее Пироговские съезды. Пироговское общество, существовавшее в 1881–1922 годах, представляло собой одно из самых авторитетных объединений русских врачей всех специальностей.

Основное значение деятельности Николая Ивановича Пирогова состоит в том, что своим самоотверженным и часто бескорыстным трудом он превратил хирургию в науку, вооружив врачей научно обоснованной методикой оперативного вмешательства. По вкладу в развитие военно-полевой хирургии он

но-медицинского музея в Петербурге. Особый интерес представляют двухтомная рукопись ученого «Вопросы жизни. Дневник старого врача» и оставленная им предсмертная записка с указанием диагноза своей болезни.

В советское время памятники Пирогову были установлены в Москве, Ленинграде, Севастополе, Виннице, Днепропетровске, Тарту, а в Болгарии открыт парк-музей «Н.И. Пирогов».

Память о великом хирурге сохраняются и сейчас. Ежегодно в день его рождения присуждаются премия и медаль его имени за достижения в области анатомии и хирургии. Имя Пирогова носят 2-й Московский, Одесский и Винницкий медицинские институты, а также оно присвоено Российскому национальному исследовательскому медицинскому университету. □

Иван Переверзин

ПОСТИЖЕНИЕ

Роман

1

Белокурая женщина двадцати с небольшим лет, в элегантном, из тонкого бархата, домашнем халатике светло-желтого цвета, так идущем к ее слегка смуглому, трогательно-нежному лицу, с тонкими, словно мастерски вырезанными скальпелем, темными бровями-скобками, с сочными чувственными губами, сидела на деревянной двуспальной кровати, аккуратно застеленной жаккардовым светло-коричневым одеялом, в небольшой, но уютной, только что убранной до блеска спальне. Она держала в тонких изящных руках, с длинными, как у одаренных музыкантов, пальцами, пришедший с утренней почтой последний номер когда-то очень модного почти у всех советских женщин столичного журнала «Работница» и, неспешно перелистывая страницы, с интересом рассматривала чертежи кройки понравившегося платья. В окно, выходящее на заснеженный, но вечно зеленый сосновый бор, вечернее зимнее солнце все скупее и скупее бросало тусклый, серый, зимний свет. С началом сумерек сгущающийся до плотной непроглядности и повисающий на ветвях деревьев белыми клоками взлохмаченной ваты белесый туман говорил о том, что с началом февраля мороз на дворе к вечеру не только не ослабел с началом февраля, а, наоборот, словно решившись дать подступающей весне решительный бой, только крепчал и крепчал.

Однако в уютной небольшой двухкомнатной квартире от хорошо протопленной и аккуратно побеленной, умело сложенной из местного кирпичасырца, печки было тепло, только из самого низа углов, видно, строителями плохо проконопаченных, несло небольшим сквозняком. Сам дом представлял собой одноэтажное строение, рубленное, как исстари было заведено на русском Севере, «в лапу», — из толстенных, чуть ли не в обхват, высушенных за несколько летних месяцев сосновых, словно вылитых из меди, с двух сторон окантованных бревен, с двухскатной шиферной крышей, с крыльцом под тесовым навесом.

Вокруг дома возвышался метра на полтора невысокий, легкий штакетный забор, но с глухой калиткой, к внешней стороне которой был приколот самодельный деревянный почтовый ящик с фанерной крышкой без какого-либо замка. Перед прямоугольными окнами, обрамленными синей обналичкой с фасадной стороны дома, в узком, но длинном палисаднике выглядывали из-под снега голые кусты черной смородины и боярышника, чьи гроздья, все еще не склеванные снегирями и воробьями, ярко алели на белом снеговом фоне, радуя вдохновенный взгляд. Видать, при установке в стенные проемы оконных блоков строители, как ни утепляли коноплей и мхом зазоры, все же через них на улицу упрямо выходило тепло, незаметное для человеческого глаза, но тотчас почувствованное воробьями и синицами.

И эти шустрые, смышленные птицы еще до наступления холодов над окнами между карнизом и стеной устроили несколько уютных маленьких гнезд, в которых и переживали успешно жестокие морозы с воющими, особенно сильно по ночам, долгими вихрастыми вьюгами. Муж женщины, заметив спасительные пристанища милых ему сердцу птах на высоких меднокорых соснах, стоявших в пяти метрах от дома, прикрепил два скворечника собственной постройки и каждое утро, перед тем как отправиться на работу, насыпал в них от души по целой горсти то золотистых зерен овса, то ядреной гречневой крупы. Может быть, поэтому птицам и не было никакого дела до мерзлых ягод боярышника, как бы сытно они ни алели, матово переливаясь в блескучих солнечных лучах...

Неожиданно на улице раздался резкий, на морозе вдвое сильнее звучащий, стук по дереву, похожий на удар клювом дятла. Женщина посмотрела в сторону окна большими карими глазами, немного грустными, будто говорящими: «А счастье-то ведь было совсем, совсем рядом, на расстоянии протянутой руки, но опять, к сожалению, ускользнуло по воле Божьей...» Стук, однако, не повторился, и она снова вернулась к своему увлекательному занятию, одному из немногих увлечений, что были ей доступны в этом старом поселке лесозаготовителей и крестьян, а также

охотников, еще хорошо помнящем опального писателя Короленко, оставившегося по дороге к месту своей якутской ссылки на ночлег в одном из окраинных домов, стоящем на высоком, левом берегу величественной, всегда полноводной реки Лены.

Женщина была на четвертом месяце беременности — в ее чреве зарождалась новая человеческая жизнь. Ощущение этого каждой клеточкой тела и души наполняло сознание лучезарным светом умиления, а сердце от радости заставляло сладко замирать. Дело в том, что она, к своему глубокому огорчению, за последнее время тяжело пережила несколько выкидышей — и порой, впадая в отчаяние, стала горько думать, что никогда не сможет иметь ребенка, лишится возможности испытать самое великое женское счастье. Но в этот раз плод укрепился настолько, что врачи выписали ее из районного роддома, где она лежала на сохранении.

Женщина, оставшись довольна своим выбором кройки платья, которое решила как можно скорее заказать в местном ателье, закрыла журнал и, мечтательно представив, как же она будет красиво, даже обворожительно выглядеть в нем, подняла голову, чтобы посмотреть на себя в зеркало-трюмо, стоящее напротив. От резкого движения головы ее каштановые густые, вьющиеся волосы рассыпались и упали на по-детски худенькие и потому кажущиеся еще трогательнее плечи. «А что, — подумала она, вглядываясь в свое лицо, — беременность ничуть не сказалась на моей молодой красоте. Я по-прежнему свежа, солнечна, с той чарующей магией нежности, которая заставляет мужские сердца мгновенно вспыхивать, как сухая хвоя на летнем ветру, огнем восхищения, а незнакомых женщин с самолюбивой, саднящей завистью долго смотреть вслед. Ну, вот и хорошо! Ну, вот и замечательно!..»

В северном поселке тружеников поля, лесозаготовителей и охотников она оказалась из-за перевода мужа на новую, более высокую должность, о чем в первый раз услышала случайно. Произошло это, когда она, находясь на институтской летней практике в Министерстве сельского хозяйства северной республики, как-то, выкроив время из ежедневной работы на опытных семенных участках, забежала «на минутку» в главное управление «Сельхозхимии» навестить пожилого начальника отдела кадров Петра Сергеевича Широкого. Он, то ли потому, что ему симпатичная девушка напоминала кого-то из близких знакомых или родных, то ли потому, что хотел ей, оказавшейся за тысячи километров от родного дома, чисто человечески хоть чем-то помочь, стал от чистой души по-отечески опекать молодую студентку. Постучавшись и услышав: «Заходите!», она вошла

в кабинет в тот момент, когда Петр Сергеевич, только что закончив говорить по телефону, положил трубку с печатью явного недовольства на хмурым лице. И, словно ища у своей молодой подшефной поддержку, угрюмо, по-стариковски проворчал:

— Опять, как мерзлый снег на голову, начальство свалилось на мою душу срочным указанием подготовить приказ заместителя министра о назначении новым председателем одной из наших структур в Ленском районе какого-то Анатолия Петровича Иванова.

— И это вас расстроило?!

— Немного есть! Но ты, Мария, не обращай на меня внимания! Чего только в нашей работе не бывает!

— Извините, как это не обращать?! Я же за вас переживаю!

— Спасибо, дочка!.. — растроганно произнес пожилой начальник и уже совершенно миролюбиво признался: — Не люблю, когда занимаются кадровой чехардой! Тем более что уж больно молод этот Иванов, представляешь, — ему еще и тридцати-то нет! — а его уже в одночасье назначают руководителем районного масштаба! Справится ли?

— А я думаю, вы зря переживаете, поскольку наверху кого попало на ответственную должность не назначат! — как бы отвечая на вопрос своего покровителя, уверенно сказала Мария.

— Может, ты, дочка, и права... Я внимательно ознакомился с его послужным списком — и он, честно говоря, меня впечатлил. Представляешь, это новый назначенец, видать, и правда, с головой — всего за каких-то три года прошел путь от рядового мастера до начальника крупного строительного управления! Ничего подобного в своей более чем тридцатилетней кадровой практике не припомню. Однако управлять районной организацией — это совсем другой уровень. Ладно, как говорится, проживем — увидим! И все-таки я, кажется, свое отработал!..

— Это почему же? — с грустью спросила Мария.

— Хотя бы потому, что больно уж ворчливым становлюсь, — лукаво улыбнувшись подслеповатыми синими глазами с мелкой сетью старческих морщин, словно лучики, разбегавшимися по сухому лицу, хрипловато ответил Петр Сергеевич.

Тот год для студентов, перешедших на пятый курс Омского института сельского хозяйства, практика была преддипломной, растянувшейся до конца лета. Надо было произвести не только в полном объеме опыты по воздействию новых минеральных удобрений на развитие культурных растений и эффективности различных химикатов, в том числе ядов-пестицидов, от всевозможных вредных насекомых, но и дожидаться результатов,

а потом еще и описать всю проведенную за практику работу в качестве пояснительной записки к диплому. Так что на родину Мария возвратилась лишь в начале осени, подгоняемая жгучим ожиданием солнечной встречи с любимым человеком, студентом того же института, только учащимся на другом факультете.

Но вместо ожидаемого с таким нетерпением счастья ей пришлось пережить, с разными временными интервалами, несколько одинаково неожиданных, тяжелых душевных потрясений. В первую очередь — это то, что ненаглядный, с которым она надеялась связать свою девичью судьбу, на поверку оказался совсем не тем рыцарем без страха и упрека, за кого себя выдавал, добиваясь взаимности. Пока она была на практике, он, как последний негодяй, изменял ей направо и налево. К глубокому сожалению, в длинном списке покоренных им девичьих сердец оказалось и дорогое ей сердце, — можно сказать, единственной подруги, с которой все годы учебы жила в одной комнате институтского общежития. И она, с помянутой душой, в надежде хоть как-то отвлечься от внезапного, как снежный взрыв в ледяной мороз, свалившегося на нее несчастья, поддавалась уговорам матери — выйти замуж по расчету за своего ровесника, соседского парня, год назад выучившегося на врача, — ведь брак по тогдашним правилам позволял не попасть под выпускное распределение, — и остаться в губернском городе.

Молодые подали заявление в загс и начали неспешно готовиться к бракосочетанию. И вдруг, когда в самом известном городском ателье уже было пошито на заказ прекрасное — белое-белое, как лебединое крыло, да еще и с длинным шлейфом, — свадебное платье, когда было приготовлено необходимое приданое, когда гости, проживавшие в дальних местах нашей необъятной отчизны, уже выехали на торжество, и оставались только сутки до торжественной минуты — она, к своему ужасу, глубоко и спасительно поняла, что стоит на самом пороге роковой ошибки, после которой вряд ли что можно будет исправить без новых глубоких душевных и моральных потерь и потрясений. И, словно слыша голос с небес, говорящий «Подожди! Остановись!», решительно заявила родным, что жениха своего не любит и никогда не сможет полюбить — и потому никакой свадьбы не будет! Что же касается народной поговорки, отрезала: «Стерпится-слюбится — это не про меня!» Сердобольная мать от слов горячо любимой дочери сначала пришла в такое душевное смущение, что даже на время потеряла дар речи, потом принялась слезно уговаривать:

— Да что же ты, глупая, делаешь?! В какое неудобное положение ставишь своих родителей? Позоришь нас перед всем честным народом?! С какими глазами я теперь должна ходить по поселку? Что скажу соседке,

поверившей мне, да и тебе тоже! Ой, горе-то мое какое! И за что? Уж, не за то ли, что всю жизнь, работая пекарем, можно сказать, в адских условиях, последние жилы из себя вытягивала, чтобы только получше одеть тебя, посытней накормить?! Себе во многом отказывала, а тебе — ни в чем!..

— Ну, вот уже рекой и попреки пошли!.. И зачем?! — с обидой сказала Мария. — Мама, милая моя, неужели сама не понимаешь — я права, за исключением того, что раньше не опомнилась! Или тебя в самом деле не волнует, как я буду век коротать с нелюбимым, через себя рожать от него детей?! Если это так, то твои слезы и причитания ровным счетом ничего не значат! — И, больше не говоря ни слова, уйдя в себя, стала укладывать свои нехитрые вещи, в основном из одежды, в чемоданы.

Отец же, Василий Сергеевич, всю жизнь проработавший в совхозных мастерских токарем и по праву считавшийся у начальства на хорошем счету, уже давно выйдя на пенсию, занимался домашним хозяйством, но продолжал оставаться по-молодому сухим, поджарым, только несколько медлительным, скорее всего, оттого, что всегда любое дело, прежде чем начать, тщательно и подолгу обдумывал. И теперь, переживая не меньше жены за дочь, тем не менее, хранил глубокое молчание, лишь ходил взад-вперед по родительской спальне с узкими подслеповатыми окнами, из которых виднелась порыжевшая от сильного степного зноя трава во дворе. Потом вообще вышел из дома, чтобы в сарае, приспособленном под домашнюю мастерскую, за починкой кузовного мотороллера хотя бы чуть-чуть унять вдруг охватившее душу волнение — шутка ли, дочь впервые уезжала из родного гнезда не на месяц и не на два, а, по меньшей мере, — на год. И куда же, куда?! Известно одно — на Север, причем, крайний! Но он такой большой, что и за жизнь не обойти! И в какой из его многочисленных районов будет по институтскому направлению определена самая младшенькая дочка, потому и больше других детей самая дорогая его сердцу, только один Бог знает!

В большой конуре, любовно сколоченной из обрезных досок и стоящей рядом с калиткой, лежал здоровый, вислоухий и лохматый сторожевой пес, положив угрюмую морду на крепкие когтистые лапы, с добрый кулак величиной. Весенним, сильно палящим зноем он уже к обеду был утомлен настолько, что тяжело дышал, вывалив свой алый язык, с которого обильно капал пот. Как мухи, особенно — пауты, гудя, словно бомбовозы, ни досаждали ему, он лишь вяло, словно нехотя, отмахивался от них хвостом-метелкой. Даже пробовал ловить этих в тоску надоевших, больно кусающих насекомых, но — безуспешно! В воздухе время от времени только раздавалось хлесткое клацанье, похожее на быстрое передвижение винтовочного затвора, вострых, саблеобразных клыков впустую закрываемой пасти.

Перед ним взад-вперед важно прохаживался годовалый рыжий кот, с грязными подпалинами на животе, с отмороженными зимой, в лютую стужу, и разодранными в боевых поединках ушами. При этом он ну совершенно не обращал никакого внимания на пса, словно его вообще в ограде не было! И неспроста. В первый же день, как мать Марии, Надежда Ивановна, после смерти от старости любимой кошки принесла его и опустила с рук на землю, поросшую низкой, но довольно густой травой, собака тотчас с грозным рычанием, быстро переходящим в злобный лай, волоча за собой гремящую цепь, набросилась на незваного гостя. Но тот, вместо того чтобы испуганно пулей отскочить на безопасное место, всем своим гибким телом пружинисто выгнулся, взметнул хвост трубой, сильно распушил его, вмиг взвихрил шерсть на загривке и с грозно суженными глазами, налившимися кровью, ни секунды не раздумывая, пошел в атаку...

Пес сначала от такой невиданной кошачьей наглости перестал лаять, потом, то ли в самом деле посчитав котяру за непобедимого противника, то ли просто растерявшись от неожиданного отпора, стал медленно, не выпуская из поля зрения атакующего, пятиться, пока, наконец, не уперся задом в угол своей конуры. А кот, видя, что своей грозной решимостью всерьез напугал здоровенную псину, окончательно осмелев, сел прямо перед ним — и передними лапами надавал по собачьей морде столько кошачьих пощечин, сколько посчитал нужным, чтобы сразу и окончательно поставить точку в вопросе, кто теперь во дворе хозяин.

Надежда Ивановна смотрела на это, можно сказать, «земное чудо», и глазам своим не верила, хлопая себя ладонями по бедрам, она раз за разом удивленно восклицала: «Надо же, какого я себе кота для ловли мышей и крыс завела! Но что же он вытворяет! Пусть рослый, но, по сравнению с псом, всего лишь — мышь! — а, тем не менее, как его построил-то, как построил! — ну, точно зверь какой-то!» — и, окончательно придя в себя, забежала в дом. С трудом смирив забившееся часто сердце, тяжело переводя дыхание, она сбивчиво, но восхищенно рассказала мужу обо всем увиденном во дворе, надеясь, по крайней мере, на его ответную добродушную реакцию. Однако он, как всегда, молча, с хмурым лицом, мол, что это за такая дурная привычка от дел отвлекать в то самое время, когда оно, наконец, стало так спориться, и, не отрывая глаз от подошвы сапога, которую подбивал при помощи мелких сапожных гвоздиков и молотка с короткой рукой, недовольно проворчал:

— Ну, мать, раз тебе уже всякие неземные чудеса стали среди бела дня казаться, то ты действительно состарилась, причем, не в хорошую сторону — в детство, что ли, впадаешь!..

— Это я-то старая!.. А ты-то сам тогда кто?!.. Пень замшелый, ведь настолько оглох, что я уже и не помню, когда с тобой спокойно-то разговаривала, пока аж в самое ухо не закричу, ответа от тебя ждать, что у моря погожей погоды!..

На том старики и разошлись. Вообще — они жили душа в душу! Да иначе и быть не могло, ведь поженились по любви. И какой! Он, едва вернувшись со службы, отбил ее у городского парня-ухаря! Словно в благодарность за это, Надежда Ивановна сначала порадовала благоверного дочерью, за ней — сыном, а потом, уже на самом излете васильковой, ясной молодости, еще одной девочкой-красавицей — Марией. И хотя каждая копейка, приносимая родителями в дом, давалась с большим трудом, семья жила в относительном достатке. Дети являлись для родителей в семье тем животворным, крепким цементом, благодаря которому даже в самые тяжелые времена, связанные, в первую очередь, с желанием Василия Сергеевича выпить лишнюю рюмку водки, переживались удачно. Но надо, справедливости ради, отдать хозяину дома должное за то, что он никогда во хмелю не скандалил, а поутру мучился не столько глубоким похмельем, сколько от сознания того, что снова не удержался, хватанул проклятой больше, чем следовало.

Дети, как окрепшие за лето птицы по осени, встав на трепетные жизненные крылья, разлетались в разные стороны. Старшая дочь, довольно поздно выйдя замуж, переехала к мужу, инженеру по образованию, в Ульяновск. Сын, плотник, слава Богу, нашел себе жену рядом — в областном центре. Мария, поступив в институт, больше жила в городе, чем дома. Но из поселка к ней в любой нужный день можно было на рейсовом автобусе съездить, проведать ее студенческое житие, привести всяких гостинцев с поля да с огорода, ведь, что ни говори, а родителям всегда хочется своим чадам подложить в тарелку один-другой кусочек вкусной, с душой приготовленной пищи.

Но вот пришел черед и с младшей дочерью расставаться! А легковерно думалось: пять лет учебы — это же так много! Когда еще они пролетят! Но все-таки пролетели, да так быстро, что аж не верится!.. Как же теперь родители, оставшись совсем одни, будут жить? От этого оцепенения вынужденной разлуки становилось еще горше, еще больнее на душе. Как будто жизнь вдруг, ни с того ни с сего, потеряла всякий смысл... И хотя все было совсем не так, как же порой бывает трудно смириться с судьбой, чтобы снова жить с ней в согласии...

И все же упрямые думы о разлетевшихся по стране детях, чем бы родители ни занимались, всегда остаются на первом месте. С какой тревогой, надеждой, исполненных вечной любовью, они ждут от них любой весточки:

звонка, телеграммы! А целое письмо, еще даже до конца не прочитанное, вообще становится предметом не проходящего счастья, о котором хочется — неважно, трещит ли зимняя стужа, или палит летний зной, — скорее рассказать по секрету всему свету: соседям, старым знакомым, просто первым встречным, и при этом обязательно подчеркнуть, каких они воспитали добрых, заботливых детей, а, вернувшись домой, снова и снова перечитывать чуть ли не по слогам каждую строчку, каждое слово, словно слышать из далекого далека дыхание и биение сердец своих дорогих кровинок.

Наконец, выглянув из-за приоткрытой двери, Василия Сергеевича позвала жена. Вконец расстроенная внезапным отъездом дочери, она уже не плакала, но на опухшем от слез лице лежала печальная тень. Ничего не поделаешь — поскольку дочь не вняла ее мольбам, коли разлуки с ней не миновать, то остается в душе смириться с разлучницей-судьбой и по-матерински тепло проститься... Когда отец вошел в дом, чемоданы уже были закрыты на замки. И он с грустью в карих глазах, повидавших сполна за долгую жизнь всякого — и горького, и сладкого, — то ли спросил, то ли просто сказал:

— Ну что, присядем на дорожку!

— Давайте! — согласилась мать.

Мария, как стояла у чемоданов, так и села на один из них, а родители, потерянные, опустили на стоящую напротив, заправленную тонким, коричневого цвета одеялом с двумя подушками, положенными друг на друга, кровать. На минуту в комнате повисла тревожная, давящая на душу, как тяжелый камень, тишина. «Ну, кажется, пора», — хмуро произнес отец и, подхватив сильными руками оба чемодана, направился на улицу. Следом за ним вышли и дочь с матерью. Уже у рейсового автобуса, перед самой посадкой, Мария, следуя бытующей в народе с незапамятных времен поговорке: «Долгие проводы, лишние слезы...», поочередно быстро обняла готовых разрыдаться родителей, вошла в салон. Села на обитое коричневой кожей сиденье у окна и, махала рукой до тех пор, пока сгорбленные, как бы жалкие до боли в сердце, фигуры родных, все уменьшаясь и уменьшаясь, не пропали из виду, смотрела на них грустным взглядом, чувствуя, как горячие слезинки сбегают по щекам... Потом не стал виден и поселок хлебобобов и животноводов с красивым названием «Соловьевка», где Мария родилась, окончила с отличием школу, откуда, слово жаворонок из гнезда, вылетела для получения желанного высшего образования в областной центр.

Природа, кроме броской и в то же время нежной красоты, щедро наделила ее и пронизательным, любознательным умом, желанием в любом

стоящем деле докопаться до истины, чего бы это ей ни стоило. Такие редкие качества, скорее всего, присущи талантливым следователям, вообще, работникам правоохранительных органов. Да она с юных лет, начитавшись милицейских детективов, мечтала стать юристом, чтобы работать в прокуратуре, но в то советское время поступить в соответствующий институт без предварительной юридической практики было практически невозможно. Вот и пришлось, не теряя времени, как можно скорее получить высшее образование — чтобы в случае выхода, естественно, по любви, замуж, быть независимой, самодостаточной. И она решила поступить в сельскохозяйственный институт, тем более что этим самым, только на более высоком уровне и в ином качестве, она смогла бы продолжить дело родителей, всю свою трудовую жизнь посвятивших сельскому хозяйству, отдавших ему не только здоровье, но и тепло беспокойных сердец, что позволяло им даже в самые трудные времена смотреть на жизнь с непоколебимым оптимизмом.

Сразу за поселком потянулась обширная южно-сибирская степь с колочками — островками белоствольных берез, шумящих на вольном ветру светло-зелеными лиственными кронами. Вокруг них на одних полях уже вовсю росла густая, словно конская грива, изумрудная озимь, от обильно выпавшей на рассвете росы переливавшаяся в золотистых теплых лучах червленым серебром, а на других, только что вспаханных, целыми стаями важно расхаживали по вывернутым земляным, суглинистым, бурым пластам темно-коричневые, с черными, загнутыми книзу клювами, сороки, с удовольствием кормясь червями, личинками насекомых. Хотя корму на полях было — хоть отбавляй! — но все равно, движимые своими драчливыми натурами, они то и дело с картавыми криками, широко расправив крылья, воинственно набрасывались друг на друга, пытаясь отстоять, как им казалось, более «урожайные» места.

Златоперое солнце в пронзительно синих весенних небесах уже вовсю расправило животворные крылья, все быстрее с каждым их взмахом прогревая дрожащий, словно влажное марево, свежий воздух и больно слепя глаза. Это заставило Марию отвернуться от окна, задернуть шторку и, словно вокруг, кроме нее, не было других пассажиров, погрузиться в свои дорожные мысли. А как иначе, ведь она впервые в жизни встала на самостоятельный путь, полный таких трудностей, каких, из-за своей молодости, невозможно было и представить. Но сколько она ни думала о будущем, в густом, клубящемся тумане надвигающегося времени ничего толком разглядеть не смогла. Помня, прежде всего, о своих горячо любимых родителях, успокаивающе подумала: «Ладно, как-нибудь в разлуке с родными отработаю в далекой Якутии хотя бы год, а там, может, и подвернет-

ся случай, который позволит вернуться...» Светло улыбнулась про себя своей надежде и, утомленная борьбой последних дней, прежде всего с собой, даже не заметила, как погрузилась в тревожный дорожный сон.

2

Председатель республиканского объединения «Сельхозхимия» Ляпунов, одновременно являющийся первым заместителем министра, был человек на закате активных, исполненных стремления жить и трудиться по полной сил. Он оставался по-спортивному поджарым, с седыми волнистыми волосами, зачесанными назад, умудренный жизнью, как, может, никто другой, поскольку она нещадно била его и под дых, и по голове. От природы уравновешенный в своих поступках и словах, любящий и прекрасно знающий доверенное ему дело, он давно пригляделся к одному из своих председателей в районных структурах сельского хозяйства — молодому парню Анатолию Петровичу Иванову, полному энергии и здоровья, а главное — буквально горевшему на работе. И как-то в телефонном разговоре с ним узнал, что ему в хозяйство срочно требуется агрохимик. Вскоре сбегавшая из-под венца, можно сказать, куда глаза глядят, красивая девушка — дипломированный специалист, явилась под его начальственные очи в ожидании высокого решения своей дальнейшей, теперь уже рабочей судьбы. Не долго думая, Ляпунов тут же предложил ей место в районном объединении «Сельхозхимия», которое возглавлял этот парень.

Однако, когда о принятом решении первый заместитель министра по телефону сообщил молодому председателю, тот стал резко возражать, мотивируя свое поведение тем, что, мол, под его началом не детский сад, а огромное производственное объединение, где надо с первого же дня работать, засучив рукава, а не тратить время на приобретение производственных навыков, особенно сейчас, накануне самой ответственной страды на селе — посевной. И все-таки Ляпунов, проявив в очередной раз убедительность, настоял и даже добился заверения, что новоиспеченный агрохимик будет обеспечен отдельным жильем. Но Анатолий Петрович, замотавшись с горячей работой, в которую никогда иначе, как с головой, не погружался, вскоре напрочь забыл о звонке своего непосредственного начальника.

А перед самой посевной выехал на пару дней в совхоз «Ньюский» проверить, как идут дела с внесением органических удобрений непосредственно под вспашку у механизированного отряда. Директором совхоза

год назад был назначен Петр Сергеевич Кудрявцев, мужчина пятидесяти лет, крутого нрава, тучный, с квадратным лицом, до этого успевший поработать несколько лет председателем районного объединения «Сельхозхимия», того самого, куда в председательское кресло судьбоносный ветер занес Анатолия Петровича. У него с самого начала не сложились с новым директором нормальные отношения, как того требовала совместная работа по повышению урожайности полей, причем не по его вине... Дело в том, что Петр Сергеевич, переходя в совхоз, самовольно забрал с собой совершенно новый колесный вездеход на базе ГАЗ-63 и дюралевую лодку «Крым» с подвесным мотором «Вихрь» — все, что ему, заядлому рыбаку и охотнику, требовалось для удовлетворения своего промыслового азарта. Об этом Анатолий Петрович узнал, знакомясь с материально-технической частью баланса.

Вызвал в кабинет заведующего гаражом Бухарова, молодого парня, высокого, ладно сложенного, с курчавыми темными волосами, очень даже симпатичного, но с какой-то необъяснимой, как бы не проходящей печалью в глазах, и, предложив ему сесть за стол напротив, не отводя от него вопросительного взгляда, строго спросил:

— Как могло произойти, можно с полным основанием сказать, хищение технических средств, находящихся у вас в подотчете, за которые вы отвечаете своим карманом и должностью?

— Вы о вездеходе и лодке с мотором? — дрогнувшим голосом, удрученно-насторожено уточнил завгар.

— О них самых! Хорошо, хоть помните!

— Все произошло просто... Приехал из совхоза водитель. Петр Сергеевич дал мне указание передать ему ключи от машины и сказал, что именно необходимо срочно погрузить в нее.

— А он вас ознакомил с соответствующим приказом министра?!

— Нет, хотя я его о нем спрашивал! Но он закричал, чтобы я не лез, куда не следует, в противном случае, мне здесь не работать!

— Ну и дела! Можно сказать, приходит с улицы человек, дает, как у себя дома или во дворе, незаконные указания — и вы, вместо того чтобы его вежливо куда-нибудь подальше послать, так испугались за свою карьеру, что стали фактически соучастником серьезного преступления, подпадающего под уголовно наказуемую статью!

— Что же теперь делать? — упавшим голосом спросил Бухаров.

— Пока только одно, как можно скорее возвращать наш вездеход! — резко ответил Анатолий Петрович.

Задумавшись, он вышел из-за стола и стал ходить взад-вперед по еще пахнувшему свежей олифой паркету, хоть и постеленному недавно, но,

видать, не качественно, и потому издававшему, словно жалуясь на нерадивых строителей, старческий глухой скрип. Невольно подумалось: «С этой чертовой перестройкой, на какой ляд затеянной, так сверху никто до сих пор и не объяснил, люди напрочь потеряли голову и способность принимать верные решения! Иначе бы никогда человека, который всю трудовую жизнь проработал в торговле, в основном среди женщин, но, к сожалению, так и не перестал быть в высшей степени хамом и наглецом — и уже только поэтому не имел никакого морального права руководить людьми, не назначили бы директором совхоза. И какого! — с тысячью гектаров посевных площадей, вдвое больше стадом крупного рогатого скота и, наконец, — с полуторатысячным трудовым коллективом. А если учесть, что совхоз, можно сказать, создан на голом поле — без того же жилья для специалистов управления, ремонтных мастерских, гаражей, крайне необходимых в северных условиях, чтобы сотни машин и тракторов содержались в тепле, а не на сорокаградусном морозе, где самая пустячная поломка оборачивается огромной, почти неразрешимой проблемой, то башка вообще перестает понимать кадровую политику руководства Министерства сельского хозяйства. Словно там сидит какой-то, специально посланный врагами социализма мерзавец, непостижимым образом получивший огромные права — и теперь вовсю использующий их во вред государству! Нет, лучше об этом вообще не думать, а то мозги, какими бы не были молодыми, совсем набекрень съедут!..»

И Анатолий Петрович, желая как можно скорее вернуться к начатому им разговору с Бухаровым, произнес:

— Я правильно думаю, что никакие мои доводы, уговоры, увещевания, наконец, призывы к совести на Кудрявцева не подействуют?

— Вполне! Только унижитесь перед ним, ведь кроме всевозможных оскорблений, хотя бы заключающихся в том, что по сравнению с ним вы, извините, салага, у которого еще материнское молоко на губах не обсохло... Такие люди, как он, признают только силу!

— Значит, с ее позиций и будем действовать! Случайно не знаешь, где он в совхозе вездеход держит?

— Если верить нашим водителям, на днях возившим минеральные удобрения и полиэтиленовую пленку в совхоз, то у механика центрального гаража во дворе дома, за глухими воротами!

— Да еще и под охраной огромного сторожевого пса!

— А у вас откуда такие детали?! — удивился Бухаров.

— Понимаешь, я с этим механиком Рудольфом Никитиным очень хорошо знаком, поскольку он — родной брат моей первой жены!

— Ах, вот оно что! И какие будут указания?

— Сегодня в ночь выедем на моем «уазике» в совхоз. На месте разберемся, как будем забирать вездеход. Но, думаю, и дураку ясно, что мой бывший родственник кабину держит закрытой на ключ, поэтому до отъезда надо придумать, как ее будем открывать!

— Это излишне, поскольку у меня остался запасной!

В совхозный поселок Анатолий Петрович и Бухаров приехали в три часа ночи, перед самым началом рассвета, когда люди, окончательно разоспавшись, видят беспробудные сны. «Уазик» оставили в проулке за три дома от Никитинского двора. На пустынной улице, предательски залитой июльской прозрачной синевой, стояла глубокая тишина, лишь летучие мыши, целыми стаями проносясь над головами, стремительными, шороховыми взмахами перепончатых крыльев, словно ножницами, стригли предрассветный воздух, да назойливые комары, летая над головой, все противно зудили и зудили, как заведенные.

— Значит, поступим так! — обращаясь к Бухарову, сказал Анатолий Петрович. — Поскольку собака должна, как обычно, находиться за оградой, в огороде, я найду с его стороны. Надеюсь, пес меня помнит, поэтому, услышав мой голос, лаять не будет... Как только открою ворота, ты тотчас залазишь в кабину и, подав мне заводную ручку, включаешь заднюю скорость. Пока я, вращая коленчатый вал, буду выкатывать с соблюдением строжайшей тишины машину, ты подберешь необходимые провода зажигания и, по моей команде, замкнешь их. Ну а когда двигатель заведется, то гони на всех парах напрямик в город. Меня не жди — уж больно хочется все-таки разбудить Рудольфа, чтобы через него передать самый поучительный привет его теперешнему начальнику Кудрявцеву! Надо наглецу не на словах, а на деле, дать понять, что если он не уважает меня, то пусть хотя бы побаивается!

Удивительно, но все получилось так, как Анатолий Петрович спланировал: и злющий пес, сидящий на длинной цепи, еще издали, учуяв чужого, но знакомого человека, лишь взвизгнул, а когда он подошел к нему, и вообще дружелюбно замахал хвостом, и ворота оказались закрытыми изнутри лишь на металлический крючок, а вездеход и вовсе стоял с баком, заправленным по самую горловину, так что, когда двигатель на больших оборотах шумно загудел, ни в Никитинском доме, ни в стоящем напротив — соседском, никто не проснулся. Вокруг продолжала струиться прозрачная синева, не прорезанная световыми потоками вдруг загоревшихся окон. Как радость удачи ни распирала грудь Анатолия Петровича, он, хотя и крещеный, но продолжавший в душе оставаться язычником, верившим в природные небесные силы, но той истаивающей, как пасхальная свеча, ночью,

впервые вопросительно подумал: «Если не Бог, то кто же мне помог восстановить попорченную справедливость, приняв вызов, одержать пусть небольшую, но победу?..»

Через несколько дней Анатолий Петрович, приехав на очередное заседание исполкома, увидел Кудрявцева, стоящего у входных двустворчатых дверей зала заседаний и явно поджидавшего его. Когда он подошел к нему, тот сделал вид, что ничего обидного для себя в возврате вездехода не видит, даже за руку поздоровался и, показывая на Иванова рукой, с добродушно-поощрительной улыбкой сказал проходящему мимо начальнику управления сельского хозяйства Паку:

— Дорогой Владимир Андреевич, а смена нам с вами, и в самом деле, более чем достойная подрастает!

— Согласен! — не останавливаясь, коротко ответил тот.

— Благодарю за комплимент! — ухмыльнулся Анатолий Петрович. — Но я больше рад тому, что вы умеете держать удар, по крайней мере, смогли понять меня, ведь действительно, если бы я не вернул вездеход, то перестал бы себя уважать и как руководителя, и как человека! А чтобы не ходить у вас, скажу так, в долгах, я настаивать на возвращении лодки с мотором не буду, только надо соответствующим приказом министра передать их с баланса на баланс... И чем быстрее это будет сделано, тем лучше, ибо порядок — есть порядок!

— Честно признаюсь, ну, никаким образом не ожидал такого щедрого подарка! — расплылся в довольной улыбке Кудрявцев. — Интересно, а что же подвигло вас принять такое решение?

— Ну, не могу же я лишать своего старшего коллегу, уважаемого руководством района хозяйственника, такой страсти, как рыбалка! Только, простите, никак в толк не возьму, — зачем вы еще и малярные, и штукатурные материалы прихватили, ведь это такая мелочь для такого большого человека, как вы?!..

— Понимаете, я уже дал указания начать строительство коттеджа на берегу, так сказать, поближе к воде!

— А не боитесь повторить печальную судьбу своего предшественника, который тоже начал руководить совхозом с устройства по высшему разряду своих жилищных проблем?

— Это Морякова, что ли?!

— Того самого!

— Нашли, с кем меня сравнивать! Он же из тех людей, о которых обычно в народе говорят: «Ни рыба ни мясо!..»

С той встречи каждый раз, когда Анатолий Петрович по тем или иным производственным вопросам, которым не было ни конца ни края, приезжал в совхоз, Кудрявцев неизменно встречал его, если не как самого дорогого гостя, то как младшего приятеля — точно! Во всяком случае, он, не прочь выпить и в рабочее время, усаживал своего преемника за стол, доставал из холодильника армянский коньяк и, плеснув грамм по сто в рюмки, предлагал выпить за здоровье. А после этого непременно заводил разговор о том, как он в прошедший выходной удачно порыбачил в верховьях таежной речки или поохотился в богатой на зверя тайге.

Так произошло и в этот раз, только в самом начале встречи с Кудрявцевым. Но вдруг в кабинет вошла лишь несколько дней назад приступившая к своим обязанностям молодая секретарша, с высокой стройной фигурой, с крашенными в каштановый цвет густыми волосами, волнисто спадавшими на точеные плечи, с карими глазами, от природы настолько красивыми, что им совершенно не нужна была никакая косметика. Одета в черную юбку на пояске, туго перетягивающем талию, и в белую, как снег, кофточку, волнующе подчеркивающую округлость полной груди, она производила впечатление даже на самых холодных мужчин. Анатолий Петрович еще раз невольно окинул ее восхищенным взглядом, прежде чем она, смущенно извинившись, светлым, бархатным голосом певуче сообщила, что его срочно просят подойти к телефону. «Хорошо!» — сказал он и, выйдя в приемную, без каких-либо беспокойных мыслей взял трубку, лежащую на небольшом столике.

— Уважаемый Анатолий Петрович, извините, что я вас беспокою! — раздался голос его заместителя по экономическим вопросам Эльзы Ренатовны Мустафиной. — Но дело неотложное, связанное с приездом к нам на работу нового сотрудника, вернее, агрохимика, которой, по ее словам, вы в разговоре с Ляпуновым обещали помочь с жильем...

Тут-то он все и вспомнил, несколько секунд, сдвинув в раздумье широкие брови, помолчал и вдруг, неожиданно для самого себя, то ли в шутку, то ли всерьез, спросил:

— А эта новая агрохимичка хоть симпатичная?

— Даже очень, дорогой председатель! — услышал в ответ.

— Ну что ж, молодых женщин, да еще, по твоим словам, красивых, обижать ни в коем случае не будем. Если тебе не в тягость, то, пожалуйста, будь добра, заведи ее переночевать к себе домой, а утром, сразу же по моему возвращению, что-нибудь придумаем, в том числе и с жильем, тем более что я слово дал. Хорошо?

— Да вопросов нет!

— О, совсем забыл, а как хоть звать-то ее?

— Марией!

Конечно, у его заместителя, тем более доброй женщины, вопросов быть не могло, зато, еще спрашивая о только что прилетевшей устраиваться на работу молодой специалистке, у него, совершенно здорового, вдруг как-то неожиданно сильно защемило сердце...

Когда он вернулся в кабинет, Кудрявцев, увидев несколько озабоченное лицо гостя, участливо спросил:

— Что-нибудь случилось?

— Ничего особенного! Новый агрохимик по разнарядке областного управления «Сельхозхимии» приехала! А я, понимаешь, сгоряча Ляпунову пообещал помочь ей с жильем, но как, пока ума не приложу!

— Ничего! Сам знаешь, что не решаемых вопросов для деловых, хватких, как ты, людей не бывает... Зато, наконец, свой агрохимик будет, старый-то еще при мне уволился! А этот с опытом?

— В том-то и дело, что нет! Лишь нынче весной институт закончила! Поэтому в ее лице, будь она и с красным дипломом, как о полноценном заместителе думать не стоит. А, впрочем, чем черт не шутит, в этой хоть и суетной, но полной всяких неожиданностей жизни все может случиться, причем даже и не поймешь, как!

Утром, проехав за рулем служебного «уазика» более ста километров по проселочным, пыльным, вконец раздолбаным большегрузными машинами дорогам, он ровно в восемь часов зашел в свой огромный, квадратный рабочий кабинет и, раздевшись, подошел к большому трехстворчатому окну, из которого хорошо были видны автобусная остановка, с бетонным навесом и скамейками для ожидающих, и дорога, ведущая к зданию конторы. Его глаза сразу выхватили из многочисленной разношерстной рабочей толпы своего заместителя и идущую под руку с ней новую сотрудницу... И опять сердце как-то особенно защемило.

Но была пятница... Поэтому она смогла зайти к нему только после проводимой им лично со своими заместителями еженедельной планерки. Когда представлялась, глаза их встретились — и вдруг ее нежную душу, как до того его волевое сердце, невольно охватило какое-то безотчетное волнение — щеки ало вспыхнули, сердечко часто-часто, как воробушек в силках, заколотилось. Пытаясь скрыть смущение, она опустила глаза, но, сцепив и сильно сжав тонкие, успевшие загореть руки, снова подняла их, выдерживая пристальный взгляд своего нового начальника.

«А что? Заместитель, в самом деле, не солгала — очень милая девушка, только больно уж застенчивая», — подумал он, не отрывая от нее строгих и в то же время заинтересованных синих глаз. И неожиданно заботливо, но словно погружаясь в какой-то омут, спросил:

— Вещи в аэропорту?

— В аэропорту, в камере хранения, в двух чемоданах...

Конечно, он должен был отправить за ними своего водителя, но почему-то по-мальчишески радостно предложил:

— А давайте, мы вместе съездим за ними на моем «уазике»?

— Удобно ли вам будет? — настороженно спросила она.

— Более чем! Да и езды до аэропорта, как вы вчера убедились, всего ничего — каких-то десять километров!

3

После ледохода наконец-то северные порывистые ветра, то и дело нагонявшие на небо свинцовые, беременные дождем тучи, которые проливались недолгим, но проливным дождем, с глухими громовыми раскатами, похожими на орудийную канонаду, и с огневыми, зигзагообразными молниями, стихли. Высокое пронзительно-синее небо прояснело, лишь по самым его краям с горизонта плыли и плыли белоснежные перистые облака, а ближе к обеду, словно в крутолобую гору, вкатывалось огромное солнечное колесо, проливая на землю бесчисленные золотистые световые потоки. Они были такими яркими, что слепили глаза, пятнали лесные тропинки в окрестной тайге, озаряли густые кроны вековых деревьев.

Воздух с каждым днем все сильнее и сильнее прогревался, продолжая оставаться в городе из-за близости великой реки Лены свежим, даже прохладным. Поэтому вдыхался он легко — полной грудью, наполняя не только легкие кислородом, но умножая духовные силы всего живого. Люди, поменяв так надоевшие за долгую зиму теплые меховые одежды на летние, своими открытыми лицами озарялись жизнерадостными улыбками. Все, без исключения, птицы — и те, что оставались зимовать, и те, что совсем недавно возвратились в родные гнездовья из дальних южных краев, — как по команде свыше, наполнили городские парки и скверы сладкозвучным пением, внимая которому, духовно богатые люди не могли умиленно не замирать, светлея до самого сердечного донышка! Им самим вдруг хотелось петь и от охватившего их вдохновенного счастья, взмахнув руками, птицами вознестись на небо — и там, словно в раю, купаться в небесном и солнечном сиянии.

Когда двое молодых людей ехали в аэропорт за вещами, солнце буквально ломилось через лобовое стекло в кабину, — и им казалось, что все плохое, так давившее, словно тяжеленная гранитная плита, душу, осталось в прошлом, чтобы никогда не вернуться к ним даже в воспоминаниях! И хотя они невольно чувствовали друг к другу необъяснимую симпатию, по

дороге в аэропорт говорили исключительно о предстоящей работе. Камера хранения была открыта, и они без труда получили вещи. Чемоданов действительно было два, но один такой огромный и, понятно, тяжеленный, что, грузя его, Анатолий Петрович про себя откровенно удивлялся: «Ничего себе, почти неподъемный, как только Мария, такая хрупкая, с ним управлялась!» Но вслух сказал:

— Вещи сразу отвезем на ваше новое место жительства в поселке энергетиков, это в трех километрах от города. Городской автобус ходит регулярно, так что проблем с дорогой на работу не будет. Правда, я еще не знаю ни адреса, ни номера квартиры...

— Как это? — удивилась она.

— Извините, я совсем забыл о вашем приезде, поэтому заранее не побеспокоился... Но мы сейчас по дороге заедем к начальнику местной геологической организации, собственнику всего жилья в поселке энергетиков, и я постараюсь быстро исправить свою забывчивость, а, вернее, замотанность, которую, кстати, устраиваю сам себе — все хочу обогнать завтрашний день! И хотя понимаю, что это невозможно, все равно не отступаю! Видать, характер достался мне от природы, и в самом деле, больно уж неугомонный!

— А вдруг получится так, что начальник откажет? — тревожно, даже немного расстроено тихим голосом спросила она, поправляя каштановую прядь волос, упавшую на лоб.

— Отказать, говорите... Запросто может! На то он и руководитель! Только не мне! — уверенно ответил Анатолий Петрович.

Минут через пятнадцать, на бешеной скорости промчавшись по центральной городской улице имени Ленина с асфальтовым покрытием, от сильных морозов во многих местах потрескавшимся, они свернули в переулок Береговой. У двухэтажного брусового здания, обитого синей вагонкой внахлест, машина, взвизгнув тормозными колодками, остановилась так резко, что молодой агрохимик, подавшись вперед, едва не ударилась головой о лобовое стекло.

— Подождите меня, пожалуйста, несколько минут в машине или погуляйте рядом! — сказал Анатолий Петрович, молодецкато выбрасывая свое сильное, мускулистое тело из машины.

— Хорошо! — покорно ответила она.

Начальник геологической организации Рафик Абилович Хусейнов, азербайджанец, в Якутии оказался после окончания нефтяного института. Получив должность мастера, возглавил одну из буровых бригад. Был он ниже среднего роста, крепко сбитый, с густой, кудрявой черной шевелюрой, с волевыми тонкими губами, с темными пронизательными глазами, говорившими о хозяине ничуть не меньше, чем его слова и поступки. Еще в

институте, возглавляя один из студенческих строительных отрядов, он показал себя хорошим организатором, и на производстве очень быстро заявил о себе, как о специалисте, умело претворяющем теоретические знания в практические решения проблемных вопросов, — и был выдвинут на комсомольскую работу. Сначала — в качестве рядового инструктора, а вскоре возглавил организационный отдел райкома. В то время Анатолий Петрович, работавший на общественных началах председателем профсоюзной организации леспромхоза «Ленский», на одном комсомольском совещании и познакомился с ним.

После распада страны на удельные княжества-государства Хусейнов не вернулся в родной солнечный Азербайджан. И не прогадал. При смене старой коммунистической гвардии на молодую, демократически мыслящую, он вернулся на прежнее производство! Да как! Сразу в кресло начальника огромной организации, насчитывающей более двух тысяч работников! В те же годы и Анатолий Петрович из мастера по строительству за несколько лет вырос в руководителя районного масштаба. За время, что прошло после их знакомства, они, конечно, не успели стать закадычными друзьями, но прониклись друг к другу глубоким уважением, поскольку оба свои должности получили не по протекции, а благодаря своим природным и профессиональным деловым качествам. Еще больше они сблизились после того, как бывший первый секретарь райкома партии, став главой администрации, сплотил вокруг себя по-настоящему перспективных молодых руководителей.

Для этого, чтобы многие вопросы решать в неформальной обстановке, в загородной резиденции своей администрации еженедельно по субботам стал устраивать так называемые «мальчишники». Парясь в одной парилке, за одним столом выпивая по рюмке-другой, казалось бы, совершенно разные люди по складу характера, раскрываясь друг перед другом в задушевных беседах, цементировались в такую мощную, целенаправленную на решение больших производственных задач силу, которая только и помогла району выстоять в девяностые — (гуляй, произвол и развал!) — позорные годы.

Вбежав по деревянной лестнице на второй этаж и, словно крылатый ветер, влетев в приемную, Анатолий Петрович с солнечной улыбкой порывисто поприветствовал молодую секретаршу, с ярко накрашенными губами и длинными ресницами, с черными, прямыми длинными волосами, заброшенными на спину, с карими, немного выпуклыми, как у серны, большими глазами, и вежливо спросил:

— Рафик Абилович у себя?

— У себя!.. — несколько растерянная внезапным появлением незнакомо-го парня, посмотревшего таким пронизывающим, откровенным, будто

раздевающим, огненным взглядом, ответила секретарша и, в свою очередь, поинтересовалась: — Как о вас доложить?

— Да никак! — ответил Анатолий Петрович и порывисто прошел в просторный прямоугольный кабинет, с большим столом для совещаний, обитым зеленым шерстяным сукном и вплотную примыкавшим к гораздо меньшему, за которым и сидел Хусейнов, с кем-то деловито разговаривая по телефону. Увидев своего хорошего знакомого, бросил в трубку: «Позже перезвоню!..», тотчас встал и, приветливо улыбаясь, пожал протянутую руку, воскликнув:

— Это кто же ко мне пожаловал?! Сам Иванов! Рад тебя видеть, дорогой! Присаживайся! Что будешь пить — чай, кофе?

— Рафик, извини, — ни то, ни другое, ибо шибко тороплюсь!

— Да, Анатолий, кликуху «мотор», которую мы, руководители нашего круга, тебе дали, в полной мере продолжаешь оправдывать — все спешишь, все летишь! Ну, раз время действительно поджимает, я внимательно слушаю тебя... Говори!

— Тут мне, как снег на голову, из министерства прислали нового агрохимика, вчерашнюю выпускницу института. Я, конечно, мог бы ее поселить в городскую гостиницу, но своему непосредственному начальнику пообещал, что помогу ей с нормальным жильем. У тебя этого добра целый поселок! Может, выручишь своего старого товарища?

Рафик Абилович как-то загадочно, поблескивая белоснежными зубами, улыбнулся, словно давая понять, что истинная причина заботы о новом сотруднике исключительно глубоко личная. Это не осталось незамеченным Анатолием Петровичем, и он, не дожидаясь ответа на свою просьбу, быстро проговорил:

— Нет-нет! Это совсем не то, о чем ты думаешь! Если бы у меня были хоть какие-то амурные виды на молодую особу, я бы тебе об этом прямо и сказал. Короче, жилплощадью поможешь?

— Ладно, ладно, не кипятись! Отказать тебе я не могу, а вот помогу или нет, сейчас узнаем. Подожди немного!

И он по внутренней связи пригласил коменданта. Буквально через минуту в кабинет вошла высокая статная женщина средних лет, с открытым славянским лицом, на котором светились, словно васильки в спелой ржи, огромные синие глаза, с русыми волосами, собранными в пучок на затылке и перетянутыми банковской резинкой. Настороженно поздоровавшись с Анатолием Петровичем, она повернулась к начальнику:

— Рафик Абилович, слушаю вас!

— Антонина Васильевна, скажите, зарезервированная мной квартира в нашем поселке разведчиков в порядке?

— Вы имеете в виду однокомнатную?

— Ну, конечно!

— Безусловно!

— Вот и хорошо! Ключи от этой квартиры передайте Анатолию Петровичу — он заселит в нее своего специалиста!

— Будет исполнено! А как прикажете оформлять заселение? Как всегда, — временным договором аренды?

— В этот раз мы просто окажем безвозмездную помощь развитию сельского хозяйства нашего района! Вы меня поняли?

— В полной мере! Ключи принести?

— Спасибо! Я сам за ними к вам через минуту-другую зайду! — благодарно произнес Анатолий Петрович, облегченно вздохнув, словно с его неслабых плеч свалилась огромная гора...

И уже собрался уходить, как Рафик Абилович неожиданно, на правах доброго товарища, в лоб спросил:

— А ты, Анатолий, с женой помирился?

— Нет! И даже не задумываюсь об этом!

— Что так? Ведь сам говорил, что прожил с ней больше десяти лет! Неужели чувство любви в душе действительно выгорело дотла — и тебе нисколько не жаль вашего прошлого, тем более что она тебе сына родила, которого ты страстно любишь?

— Знаешь, Рафик, как на войне снаряд не попадает в одну и ту же воронку дважды, как в одну и ту же реку не входят по новой, так и я не испытываю ни малейшего желания возвращаться на пепелище прошлого. Конечно, разбитую вдребезги семейную чашку можно при помощи такого клея, как любовь к сыну, как-нибудь склеить, помня поговорку: «От добра добра не ищут». Но при этом чашка все-таки будет вся испещрена многочисленными следами разломов — ссор, непонимания. Значит, пить из нее, да еще полными глотками, — это равносильно тому, что продолжать идти на сделку с совестью! Да и зачем, как стреноженный конь, топтаться на месте, пытаться, тратя огромные духовные, да и физические силы, наладить сегодняшнее, когда будущее с каждым часом все отдаляется и отдаляется? Ни к чему! Такая жизнь — удел слабовольных людей, которые в итоге ничего, кроме жалости к себе, вызывать не могут!

— Ну а сам, уйдя из дома, где живешь?

— Сплю там, где меня ночь застанет, а в бодрствующее время на работе пропадаю, мотаюсь по району с проверкой деятельности механизированных бригад, заключением новых договоров на агрохимические работы с директорами совхозов, ведь посевная на носу! И как строитель не мог с приходом в «Сельхозхимию» не развернуть стройку. На улице «Объездной» возвожу два жилых дома, а на центральной усадьбе заканчиваю строительство ре-

монтажных мастерских. Приступил к реконструкции гаража на тридцать автомашин! Короче, дел — невпродох! Зато скучать и оплакивать то, что по настоящему никогда не было счастьем — некогда! Да и глупо!

— Что тебе, дорогой товарищ, сказать! — начал Рафик Абилович, но Анатолий Петрович тотчас перебил его:

— Говорить ничего и не надо!

— Тогда, может, и тебе помочь с жильем?

— Спасибо, Рафик! До осени как-нибудь перебыюсь, а там — видно будет. Ты же знаешь, что я у главы администрации, как самая настоящая палочка-выручалочка, то по его просьбе еду в деревню или в поселок поднимать какое-нибудь отсталое хозяйство, то возвращаюсь за тем же в город! Что будет завтра со мной, только ему да Богу известно!

Тепло расставшись со своим товарищем, получив у коменданта под роспись ключи и адрес, записанный на листке, он, выскочив на улицу, помахал рукой новой сотруднице, мол, все в порядке. Ее лицо тотчас озарилось радостной улыбкой. Но едва Анатолий Петрович сел за руль, она озабоченно спросила:

— Извините, но мы так быстро ехали из аэропорта, что у меня на языке до сих пор так и вертится вопрос: «Вы всегда так лихо, даже в городе, где интенсивное движение транспорта, управляете машиной?»

— Всегда, когда это не безопасно!

— Хотите сказать, какой русский не любит быстрой езды?..

— Знаете, я нашего классика Николая Гоголя люблю, но не настолько, чтобы его высказывания принимать как команду к действию! Поступками любого человека в первую очередь управляет характер. Одних он понуждает жить не спеша, тщательно обдумывая каждый шаг, словно от этого ошибок может быть меньше... Других, таких, как я, он, наоборот, подстегивает, как будто иначе счастья не видать. А вообще-то, думаю, человек живет, исходя исключительно из небесного промысла: чем больше ему назначено совершить в жизни, тем насыщенней каждый день, да что там, — каждый час, порой — и каждая минута! Верю, не раньше, не позже — лишь тогда, когда будет свершено все, назначенное свыше, человек и закончит свой путь земной! А вот от того, насколько успешно ему удастся справиться с жизнью на этом свете, зависит его жизнь и на том!..

— Значит, вы верите в существованиерая и ада?!

— Да! Но уже успел сполна убедиться, что нет ничего страшнее тех многочисленных душевных и физических страданий, которые мы, люди, то и дело переживаем в отпущенный нам Господом земной срок! Так что ад, увы, начинается на земле... □

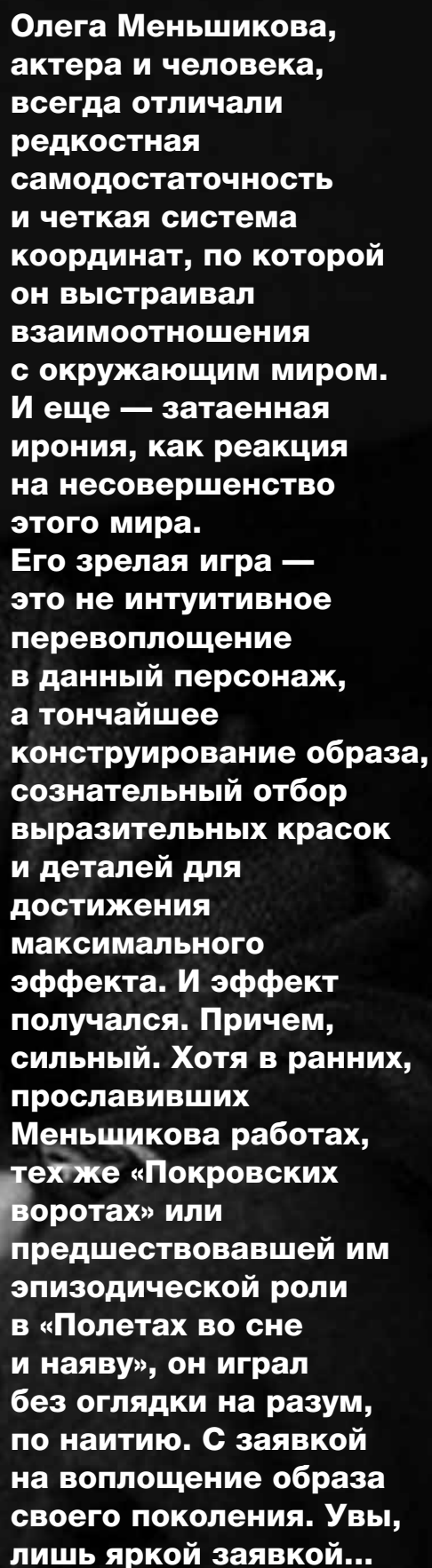
Продолжение следует.

ОЛЕГ МЕНЬШИКОВ

Юрий Осипов

«Войти
в свою
дверь»

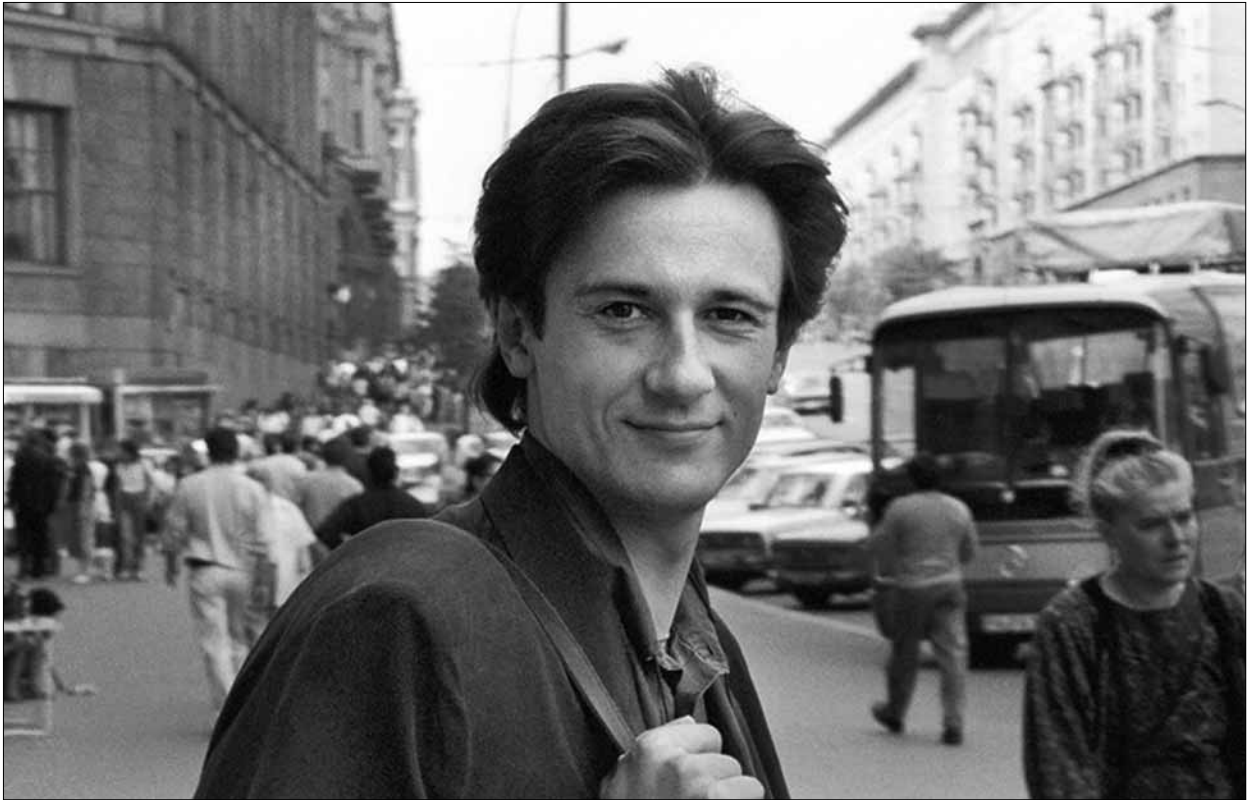

Олега Меньшикова, актера и человека, всегда отличали редкостная самодостаточность и четкая система координат, по которой он выстраивал взаимоотношения с окружающим миром. И еще — затаенная ирония, как реакция на несовершенство этого мира. Его зрелая игра — это не интуитивное перевоплощение в данный персонаж, а тончайшее конструирование образа, сознательный отбор выразительных красок и деталей для достижения максимального эффекта. И эффект получался. Причем, сильный. Хотя в ранних, прославивших Меньшикова работах, тех же «Покровских воротах» или предшествовавшей им эпизодической роли в «Полетах во сне и наяву», он играл без оглядки на разум, по наитию. С заявкой на воплощение образа своего поколения. Увы, лишь яркой заявкой...

Вполне благополучное детство на окраине Москвы, куда родители после его рождения в 1960 году переехали из Серпухова. Музыкальная школа по классу скрипки, дворовые забавы, футбол. Но все же из обычного, ничем не примечательного детства и юности он вынес нечто особое, индивидуальное, привлекавшее к нему уважительное внимание. Его школьные приятели вспоминали, что дистанцию между собой и окружающими Олег умел сохранять всегда и никому не позволял ее нарушать. Учился хорошо, но отличником никогда не был. Ответственно относился к любому поручению, за что был выбран председателем совета пионерской дружины. Очень любил оперетту и дважды в неделю, невзирая на расстояния, ездил на спектакли. Аккуратно причесанный, подтянутый, в модной тогда «водолазке». Распушенным, неухоженным его не видел никто.

Наряду с музыкальностью в Олеге рано проявился и актерский дар. В старших классах он уже ставил школьные спектакли, поначалу, разумеется, отрывки из любимых оперетт. Исполнял две роли, сам записал всю музыку на магнитофон. Бывшие школьные друзья вспоминают, что Олег вообще был у них объединяющим началом, лидером. Девчонки в него влюблялись без памяти, а он держал их на расстоянии. Вокруг него группировались очень разные ребята — прилежные ученики, хулиганы, спортсмены, и он

умел ладить со всеми, сохраняя при этом свою «особость». Причем никогда не дрался. Одноклассники даже вообразить не могли Олега дерущимся.

Оканчивая школу, он уже знал, что станет артистом. Родители, как многие люди, по профессии далекие от искусства, приняли решение сына без восторга, однако возражать не рискнули, и он, ярко и своеобразно показав себя на экзаменах, поступил в Щепкинское училище Малого театра.

В училище его отличали легкость, импровизационность, музыкальность. Чем-то он напоминал Андрея Миронова. На младших курсах любил играть в отрывках из водевилей, которые сам же ставил. Музыка продолжала оставаться важной частью его жизни. Он по-

прежнему притягивал к себе сокурсников, был лидером. Умел привлечь внимание педагогов, те старались подбирать ему роли в студенческих постановках, где он мог бы максимально выложиться. В «Нашествии» Леонова Олег неожиданно попросил эпизодическую роль немецкого офицера и сыграл ее так, что все училище сбегалось посмотреть на его Вернера...

В те годы воображение Меншикова действительно занимал Андрей Миронов. Недаром после «Покровских ворот» их часто сравнивали. Олегу импонировали музыкальность, пластика, способность выйти за рамки комедийного жанра замечательного актера. Однако природа их дарования была разной. Миронов олицетворял собой одного из последних

романтиков «оттепели», а в романтизме Меньшикова чувствовалась горечь лермонтовского Арбенина.

Сходство с Мироновым наиболее проявилось в нашумевшем дипломном спектакле Олега «Лестница славы» по пьесе Скриба. Он играл в ней молодого адвоката, делающего стремительную карьеру и в то же время отдающего себе отчет в своей нравственной нечистоплотности. Он играл салонную драму, порхая в ритме бурлеска, заполняя собой все пространство сцены. Спектакль имел большой успех, его даже показали на сцене филиала Малого театра на Ордынке. Пришел посмотреть и директор Малого театра, легендарный Михаил Царев. После спектакля воскликнул: «Беру Меньшикова к себе в театр!»

На первый взгляд, большая честь для начинающего актера. Но там ему была уготована суровая «школа молодого бойца» в томительном ожидании настоящей роли.

Ситуация в огромном коллективе Малого театра усугублялась еще и тем, что новичок, вчерашний выпускник, изначально требовал уважения к себе. Он был наделен независимостью, волевым характером и острым умом — букет, далеко не всем в театре пришедшийся по вкусу. К тому же за плечами у него имелись уже три заметные, пусть и эпизодические роли в кино, и начинались съемки в четвертой по счету картине. Публика Меньшикова успела узнать, хотя еще не предполагала,

как сложится дальнейший творческий путь этого худощавого темно-волосого юноши с подвижным лицом, чем-то напоминающим секс-символа и кумира мирового экрана Алена Делона, с которым они, кстати, родились в один день.

Девятнадцатилетним московским мальчиком с гитарой на плече (каким он предстанет позднее в «Покровских воротах») Меньшиков сыграл героического Шурку Домиани по прозвищу «Шурок» в партизанской драме С. Шахбазяна по повести В. Смирнова «Жду и надеюсь». В этой достаточно скромной телевизионной работе Олег, с его врожденным артистизмом, едва ли привлек бы внимание маститых режиссеров, если бы Никита Михалков не вытребовал его со съемок в лесной глухомани на три дня сыграть забывшийся всем эпизод в фильме «Родня». Во время кинопробы сцены с Нонной Мордюковой лучшей, хоть и непредсказуемой партнерши напряженному дебютанту трудно было пожелать.

«Я сразу поняла, что Олег очень способный парень, — вспоминала потом Нонна Викторовна. — Он волновался. Да и как не волноваться, когда на тебя смотрит Михалков и решает, брать или не брать?.. У нас с ним, в общем, небольшая сцена, всего несколько минут. Но в ней есть своя кульминация, когда люди вдруг узнают, что у них общая боль. Олег нашел эту щемящую ноту — во взгляде. Так, что в его герое людям что-то серьезное открывалось».

Справа:
К/ф
«Золотой
теленок»

К/ф
«Покровские
ворота»

На «Родне» произошла первая и, в принципе, судьбоносная встреча Михалкова с начинающим артистом. «С самого начала мне понравился та непринужденность, легкость, с какой он вошел в группу, — рассказывал режиссер. — Легкость эта происходила не от самоуверенности, а от какой-то удивительной внутренней раскованности — она помогла ему и потом в работе над ролью. Для молодого актера он казался очень техничным, добавлю, пластичным, музыкальным и с прекрасным чувством юмора. Самые разные режиссерские задания он выполнял, умея их делать органичными для себя. Кроме того, Меньшиков обладает еще одним очень важным каче-

ством для актера — способностью к концентрации. Он умеет концентрироваться настолько полно, что режиссеру не приходится заниматься его дополнительной мобилизацией».

Исчерпывающая характеристика мастера, который доверит годы спустя полюбившемуся актеру главную роль в своем оscarоносном фильме «Утомленные солнцем». Видел он Олега и в образе Грибоедова, о ком написал в 80-е годы интересный, масштабный сценарий, но картину, по разным объективным причинам, до сих пор не снял...

А Меньшиков тем временем счастливо воплотил на экране обаятельного Костика из элегической коме-

дии Л. Зорина «Покровские ворота», и этот культовый фильм М. Казакова поистине стал его звездным часом.

А потом, увы, разогнавшись, как говорится, на взлете, он вдруг окажется в некой пустоте. В кризисные девяностые соответствующих его актерскому уровню и мироощущению ролей фактически не было. Статуарность Малого театра также не могла его удовлетворять, и он с Малым расстался. До этого, правда, отбыл воинскую повинность на сцене Центрального Театра Советской Армии. Затем на какое-то время перешел в Ермоловский, но и там не прижился.

Закрытый, самолюбивый и честолюбивый до предела, не подпускаю-

щий журналистов к своей личной жизни и даже к порогу собственной квартиры, обставляющий каждое редкое интервью на телевидении, как шоу, и одевающийся, как шоумен, Меньшиков, тем не менее, продолжал держать марку и улыбаться, демонстрируя, что у него все в порядке.

Он немного приоткрылся в достаточно откровенном интервью, которое дал незадолго до премьеры фильма «Сибирский цирюльник»:

«..Как я, к примеру, уходил из Ермоловского? Я же не один театр сменил на другой, а, по сути, ушел на улицу. Никаких реальных предложений на тот момент у меня не было, я сидел по уши в долгах, но и оставаться в прежнем состоянии не мог...

Ушел, а вскоре попал в реанимацию с язвенным кровотечением, полтора месяца провалялся в больнице, и только после этого Петр Фоменко пригласил меня играть Калигулу...»

Да, потом у него были и Калигула у П. Фоменко, и удостоенная почетнейшей премии Лоуренса Оливье работа в знаменитом шекспировском театре «Глобус» в Лондоне (!), где Меньшиков целый сезон играл Есенина на английском языке без акцента, интонационно заучив текст. Его партнершей по спектаклю в роли Айседоры Дункан выступала Ванесса Редгрейв.

Хотя в то время Олег уже получил за сценические достижения и Государственную премию России, и премию «Триумф», он окончательно понял, что с репертуарным театром ему все же не по пути.

А вот в кино у Олега Евгеньевича недостатка в предложениях не ощущалось. Однако от большинства он отказывался. Мог бы сняться у Светланы Дружининой в «Гардемаринах». Не стал, уступив столь выигрышную роль Дмитрию Харатьяну, который учился с ним в «Щепке». Отказался сниматься в приключенческой ленте «Эскадрон гусар летучих», несмотря на настоятельные просьбы Станислава Ростоцкого. Вообще мог бы с блеском переиграть репертуар Жерара Филиппа, начиная с Фанфана Тюльпана. Дело ограничилось капитаном Фракассом в одноименном фильме В. Савельева по повести Л. Буссенара. Зато на мимолетный эпизод

в тонкой лирической картине Р. Балаяна «Поцелуй» он согласился, не раздумывая.

Образ хорошего московского парня Володи Межирова в картине М. Туманишвили «Полоса препятствий», который после окончания художественного училища отбывает воинскую повинность в морской пехоте, мало что прибавил к послужному списку талантливого актера. Как и заглавная роль в не очень удачной картине Ю. Кушнерева «Мой добрый клоун». И хотя сценарий был написан опытными мастерами кинодраматургии Н. Михалковым и А. Адебашьяном, у которых Меньшиков еще не раз покажет класс, здесь ему играть было практически нечего.

У всякого актера существует в душе перечень ролей, которые он мечтал бы сыграть в кино и на сцене. Наверняка, есть такие «ролимечты» и у Олега Меньшикова. Одну мы знаем точно. Это — Гамлет. Возможность взять высочайшую вершину актерского самоутверждения ему, к сожалению, пока позволял возраст, не предоставилась, ни в кино, ни в театре.

В одном интервью Олег Евгеньевич на вопрос, что для него самое важное в актерской профессии, ответил: «Войти в свою дверь». К сожалению, пока это плохо удавалось.

Уйдя из театра, Меньшиков много снимался. Главным образом, ради заработка, когда сидел «по уши в долгах». Но двигало им также желание утвердиться в профессии

киноартиста. Правда, роли были проходные, эпизодические: в стершейся сегодня из памяти «фантастическо-романтической комедии» А. Сахарова «Лестница», в экранизации романа В. Пикуля «Моонзунд», поставленного А. Муратовым, в британском фильме «Яма» режиссера Н. Хэмма, где играла также Кира Найтли, в нашумевшей картине А. Хвана «Дюба-дюба»...

Пока, наконец, не дождался звездной роли от «своего» режиссера, Н. Михалкова, в пронзительной драме «Утомленные солнцем» (1994). Фильм стал событием, был удостоен «Оскара» и ряда других почетных наград. А Меньшиков, достигнув в этой ленте вершин актерского мастерства в дуэте с Михалковым, прочно закрепил за собой титул первого актера российского кинематографа.

Через четыре года он солировал в блокбастере Н. Михалкова «Сибирский цирюльник», сыграл два возраста, причем не только внешне (хотя ему пришлось героически перевоплощаться в молодого курсанта юнкерского училища), но и внутренне, с эволюцией характера героя, пережившего сибирскую каторгу и ссылку.

«Я бы умер, если бы не сыграл эту роль», — сказал как-то Меньшиков о своем императоре Калигуле в спектакле на «Сцене под крышей» Театра имени Моссовета. То же самое он мог бы сказать о своей впечатляющей работе в «Сибирском

цирюльнике», сценарий которого создавался режиссером-постановщиком в соавторстве с Р. Ибрагимбековым и Р. Палленбергом. Бюджет картины равнялся 35 миллионам долларов. В фильме снимались зарубежные звезды: Джулия Ормонд, Ричард Харрис, Даниель Ольбрыхский. А из наших — Владимир Ильин, Алексей Петренко, Марат Башаров и сам Никита Сергеевич. Но даже в таком мощном окружении меньшиковский герой затмевает всех. Да, хороша роль Сергея Толстого, но хорош и актер, убедительно сыгравший молодого счастливого юнкера и состарившегося, искалеченного ссыльного, а также его далекого американского сына, морского пехотинца-первогодка.

Сыграл и... снова начал ждать достойных ролей, прочитывая и отбрасывая десятки присылаемых ему сценариев. Что поделаешь, он был слишком необычен, слишком независим, слишком требователен (а некоторые раздраженно полагали: капризен), и по-прежнему на пушечный выстрел не подпускал журналистов ни к своему дому, ни к своей личной жизни. Его видел в одной из главных ролей Эльдар Рязанов, приступая к фильму «Привет, дураlei!», Вадим Абдрашитов предлагал ему сыграть героя в картине «Пьеса для пассажира», Криштофович — в ленте «Притель покойника», Балаян звал на фильм «Две луны, три солнца». Он уклонялся от этих предложений, чувствуя, что

эти произведения не будут иметь серьезного успеха.

Нацеленность на абсолютное лидерство в актерском ансамбле, огромное честолюбие заставили его однажды отклонить хороший сценарий, где был увлекательный персонаж, подобно которому он никогда не играл. Сценарий назывался именем героини, и это Меньшикова не устроило. Первенство должно было принадлежать ему безраздельно.

Трезвый практичный ум подсказал ему в свое время, что даже после заслуженного успеха на сцене лондонского «Глобуса» он никогда не займет за рубежом того места на актерском Олимпе, не завоюет той зрительской

любви, которые обеспечены ему дома. И он, оборвав удачно начинавшуюся заграничную карьеру, вернулся на родину. «Верите ли вы в судьбу?»— спросили его на одной из встреч со зрителями. «Я верю в судьбу, — ответил он. — Считаю, что каждый человек имеет шанс в жизни. Другое дело, что можно не разглядеть его, пройти мимо».

Новым шансом и творческой ставкой Меньшикова явилась созданная им в 1995 году в Москве антрепризная компания «Театральное товарищество 814». Актер проявил себя умелым продюсером, нашел спонсоров и площадку, собрал труппу, придумал репертуар. И глав-

Слева:
К/ф «Доктор
Живаго»

К/ф
«Кавказский
пленник»

ное — спаял коллектив настоящим духом товарищества. В 98-м году был выпущен первый спектакль в постановке Меньшикова — «Горе от ума», в котором он очень необычно, остро и современно сыграл Чацкого. Критики назвали спектакль «театральным бестселлером последних лет», а те годы были богаты на яр-

кие театральные премьеры. Публика ломилась на Меньшикова, несмотря на крайне дорогие билеты.

Затем последовали «Кухня» М. Курочкина и гоголевские «Игроки», оба спектакля в его же постановке, и оба стали событием. Предприятие приносило доход. Какое-то время. Глава Товарищества ставил у се-

бя на Страстном бульваре и на сцене Театра имени Моссовета не более одного спектакля в год, полностью игнорировал рецензентов и пиар.

«Демон» по поэме Лермонтова в постановке К. Серебренникова (2003) и «Сны Родиона Раскольников» П. Сафонова (2006) еще давали на первых представлениях аншлаги, но интерес публики был уже не тот. Слишком формализованными и экспериментаторскими выглядели оба спектакля, в которых по-настоящему впечатляла только игра Меньшикова.

Театральное Товарищество Олега Меньшикова существует и по сей день. Еще недавно труппа иногда, как прежде, гастролировала, изредка играла отдельные спектакли, однако вектор интересов ее лидера с тех пор переместился в иные сферы. Осенью 95-го он вел переговоры в Вильнюсе с выдающимся театральным режиссером Э. Някрошюсом о его постановке «Гамлета». У Меньшикова оставался последний шанс (по возрасту) сыграть заветную роль. Переговоры окончились ничем. И тут Судьба неожиданно обратила к нему свой милостивый лик.

В доме режиссера, художника и сценариста А. Адабашьяна он встретил своего друга, замечательного оператора П. Лебешева, который в это время начинал работать на картине С. Бодрова-старшего «Кавказский пленник». Он решил, что Меньшиков вполне мог бы сыграть в ней одну из двух главных ролей — бы-

валого прапорщика-контрактника по прозвищу «Слай». (Эта роль, правда, предназначалась В. Машкову.) Второго героя, желторотого призывника-новобранца, должен был играть тогдашний студент «Щуки» А. Кравченко. Примечательно, что с ними обоими, не снявшимися в «Кавказском пленнике», Меньшиков встретится через несколько лет на фильме Д. Евстигнеева «Мама», где все трое станут братьями-угонщиками воздушного лайнера с пассажирами на борту.

Бодров идею пригласить Меньшикова на роль героического прапорщика одобрил, именно потому, что ничего подобного тот раньше не играл. С Кравченко, однако, их полный унисон в будущей картине не складывался, и режиссер рискнул отдать роль своему сыну, Сергею Бодрову. И вот его-то дуэт с Меньшиковым поразил всех. Контрастностью, взаимодополняемостью, неприкрашенной правдой жизни.

Реакция кинокритиков на рассказанную в фильме жестокую историю с попыткой выкупа российского солдата-заложника и жертвенной гибелью пойманного при побеге его старшего товарища была неоднозначной. Весьма неожиданной для ярых противников картины оказалось присуждение ей премии ФИПРЕССИ (международная премия кинокритиков), а также приза зрительских симпатий Каннского фестиваля. Думается, во многом благодаря последним минутам жизни на экране

героя Меньшикова, придающим фильму другое, более высокое измерение.

Сыграв на сцене своего Товарищества Чацкого в «Горе от ума», Олег Меньшиков так и не дождался от Никиты Михалкова роли Грибоедова. По возрасту, он и к этой роли «опоздал». Зато успел сыграть в фильме «Утомленные солнцем-2» чудом выжившего после попытки самоубийства в финале первого фильма Митю. Теперь уже — на фронте, в продолжающемся противостоянии со своим соперником в любви, которому в первом фильме он отомстил арестом, и который ныне восстановлен в генеральском звании и брошен на передовую.

Роль Сашки-Слая в «Кавказском пленнике» принесла Меньшикову немало престижных наград: первую в его творческой жизни «Нику», премию за лучшую мужскую роль на сочинском кинофестивале «Кинотавр» и ряд других. На него обратили пристальное внимание зарубежные режиссеры и продюсеры, познакомившиеся с ним в триумфально прошедшем по мировым экранам фильме «Утомленные солнцем». Между прочим, «Кавказский пленник» в 1997 году тоже был номинирован на «Оскар».

Заметным международным проектом стал для Меньшикова проникновенный фильм французского режиссера Р. Вернье «Восток-Запад»

(1999). Парижская премьера картины произвела фурор, ее купили разные страны, она была удостоена трех премий «Сезар» (европейский аналог «Оскара»), номинирована на престижнейший «Золотой глобус» как лучший фильм на иностранном языке.

Горькая история разлученных влюбленных, случившаяся после войны, когда, обманутый сталинской пропагандой, в СССР возвращается русский эмигрант с женой французской, подкупала искренностью главных героев. Алексей Головин (Олег Меньшиков) и его жена Мари (Сандрин Боннер) сталкиваются с жуткими реалиями советской жизни. Алексей как-то приспособливается, преподает в институте. Мари, страстно влюбившись во внука соседки по квартире (Сергей Бодров) намного моложе себя, хочет уехать во Францию и пытается помочь влюбленному нелегально выбраться из страны. Звездный актерский ансамбль дополняла в картине Катрин Денев.

Меньшиков вновь сошелся здесь на съемочной площадке не только с молодым партнером по «Кавказскому пленнику», но и с постановщиком той картины С. Бодровым-старшим, одним из авторов сценария фильма «Восток-Запад». Лев Толстой говорил: «Бывают странные сближения». Это «сближение» явно было на пользу входившей в средний возраст и оказавшейся на перепутье одинокой кинозвезды. К великому сожалению,

Справа:
К/ф
«Сибирский
цирюльник»

К/ф
«Статский
советник»

за всплеском, в общем-то, небольшой, но крайне насыщенной и сложной роли в ленте Вернье работ подобного уровня (если не считать неотразимого и легкого, как пух, Эраста Фандорина в увлекательной экранизации Ф. Янковским акунинского «Статского советника») у Меншикова не последовало.

Зато последовало в апреле 2012 года назначение Олега Евгеньевича художественным руководителем Московского театра им. Ермоловой. Когда-то он служил в этом театре под руководством народного артиста В. Андреева и вот теперь сменял его на посту. Владимир

Андреев, готовившийся из-за преклонных лет передать бразды правления, такому преемнику был искренне рад и нашел концепцию Меншикова созвучной собственным представлениям о дальнейшем развитии Ермоловского театра.

Это назначение отражало новую политику Департамента культуры правительства Москвы, направленную на вливание свежей крови в испытывавшее творческий кризис руководство некоторых столичных театров. Так, в 2011 году после смерти А. Гончарова в «Маяковку» пришел дерзкий экспериментатор М. Карбаускис, покинутый зрителями Театр

Гоголя К. Серебренников преобразовал в оживившийся «Гоголь-центр», С. Безрукову доверили реанимировать Губернский театр.

Меньшиков первым делом снял с репертуара десятка два старых спектаклей. Коллеги называли это самоубийством, грозили митингами протеста труппы. Но Олег Евгеньевич поступал так, как считал нужным, и расчищал пространство для нового, которое давно готовил. Департамент культуры московского правительства поддержал его начинания и выделил деньги на семь премьерных спектаклей. Они имели успех, и публика в театр пошла.

Забыв на время о кино, променяв творческую свободу на бремя ответственности за вверенные ему заботам театральный коллектив и одну из старейших в Москве сценических площадок в двух шагах от Кремля, Олег Меньшиков, похоже, не жалеет о своем выборе. Роль худрука пришлась ему по плечу и по сердцу. Перешагнув порог 55-летия, он по-прежнему отличается азартом, энергией и внутренним горением. По-прежнему весел и уверен в себе, заметив недавно, что «вопросы возраста его не мучают», и что ему импонирует фраза Гете: «молодость — недостаток, который со временем проходит». □

ДК *сенія*
Гыжкова:

всех наших замечательных педагогов! Все они дают нам, ученикам, по максимуму, все самое лучшее. Все любимы и уважаемы!

— А во время учебы существовали какие-нибудь ограничения, как-никак, юные балерины?

— Нельзя набирать вес, нужно всегда быть в очень хорошей форме. В третьем классе, у обычных школьников — это седьмой класс,

начались проблемы с весом. Внешне я была худенькой девочкой и не могла понять, почему нужно еще худеть. Правда, признаюсь, что очень люблю сладкое. Тогда я стала ограничивать себя в еде. Проблема сбросить вес бывает в балетной школе у многих девочек, и бороться с ней сложно, тогда мы едим совсем понемногу, порционно, помню, что после двух часов дня вообще ничего не ели — рот на замок. Но мы знали, ведь за то, что ты набираешь вес — отчисляют, и нужно держаться изо всех сил. Со второго курса я уже не выходила из формы.

— Будучи учениками академии хореографии, вам приходилось ездить на гастроли?

— Много раз выезжали за рубеж. Помню, как в Париже общались с учениками балетной школы при «Гранд-опера». Покорило их восторженное отношение к балету, как к чему-то святому.

У них урок построен совсем по-другому. Если наши мальчики прыгают в высоту «в силу», то французы прыгают «мелко», делают «мелкие заноски», стопы у них красиво работают. Вообще много заметных отличий, школы балета совершенно разные. В Англии, в США тоже совсем другие подходы к обучению.

— Кто ваши кумиры в искусстве?

— Есть большие артисты, которые вдохновляют, у кого хочет-

ся научиться. С младших классов очень нравились Светлана Захарова, Мария Александрова, Наталья Осипова.

Из зарубежных балерин выделяю Тамару Рохо, Марианеллу Нуньес... Много есть прекрасных балерин в мире, на которых хочется

равняться! Мне всегда интересно учиться, идти вперед, не останавливаться в своем развитии.

— В прошлом году в Музыкальном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко прошла премьера —

«Вечер одноактных балетов» английского хореографа Фредерика Аштона, мастера, чьи произведения вошли в золотой фонд мировой хореографии. Вы танцевали «Рапсодию» Аштона на музыку Рахманинова с одним из ведущих артистов мира — Сергеем Полуниным, экс-премьером Ковент-Гардена...

— Сергей Полунин — прекрасный партнер, работать с ним очень интересно. Репетировал с нами Грант Койл — ведущий балетный эксперт по наследию Аштона, удивительный человек! Он не молод, но так заряжал нас своей энергией! Смотришь на него и мобилизуешься, хочется соответствовать.

Далеко не все балеты Фредерика Аштона поставлены в нашей стране. Мне было очень интересно танцевать хореографию Аштона, она сложна в исполнении, ее нужно танцевать в невероятно высоком темпе, есть технические сложности, и это совершенно новый для меня опыт.

— Любопытно, что в тринадцать лет Аштон увидел впервые на сцене великую балерину Анну Павлову и тогда решил посвятить свою жизнь балету. А танцем начал заниматься в Лондоне, у Леонида Мясина. Свои балеты ставил для Марго Фонтейн...

— Да! А «Рапсодию» поставил в 1980 году для Михаила Барышни-

кова и Лесли Кольер. И это нас, артистов, тоже вдохновляет!

— А кто ваш педагог в театре?

— Маргарита Сергеевна Дроздова, народная артистка, бывшая прима-балерина нашего театра. С ней очень интересно готовить партию, она научила меня танцевать свободно, на нее смотришь на репетиции и сразу же понимаешь, какой должна быть твоя героиня. Каждый ее жест, поворот головы может многое рассказать, а это важно в нашей профессии. Каждый жест должен говорить о том, что ты хочешь выразить на сцене. Она очень требовательная и мудрая. Я, если что-то не получается, могу расстроиться, вспылить, а она меня терпит и подбадривает.

— Что бы хотелось вам станцевать, какой образ создать?

— Партию Кармен в одноименной постановке Ролана Пети. В 1949 году он поставил этот балет, премьера состоялась в Лондоне, где сам Пети исполнил партию Хозе, а его жена — Зизи Жанмер была Кармен. Кармен — роковая, демоническая женщина, создать такой образ было бы очень интересно.

— Сколько пар балетных туфель вы меняете за спектакль?

— Зависит от фирмы, от производителя, но обычно меняю по три пары пуант.

— Во время выступления вы чувствуете зрительный зал?

— Даже очень. Иногда зал бывает «вялый», и тебе не возвращается затраченная энергия и эмоции. Бывает, что зритель сидит, не шелохнувшись, напряженно следит за артистами, бывает взрывной зал, и это очень нас поддерживает. В Японии, например, мы поначалу удивлялись, что зритель не аплодирует во время спектакля, но зато в конце действия просто буйствует, взрывается от аплодисментов.

— Как вы считаете, какой у вас характер?

— Я — оптимист по натуре, всегда верю в лучшее. Но очень могу расстроиться, если вижу какую-либо несправедливость.

— Есть ли места в мире, куда хотелось бы вернуться?

— Рим — самый прекраснейший город, солнечная Барселона, романтический Париж...

— Кто ваш главный критик?

— Моя мама, она ходит на все спектакли с моим участием.

— Если бы была возможность что-то сказать зрителям, с какими словами вы бы к ним обратились?

— Каждый артист балета мечтает, чтобы зритель наслаждался танцем, а после спектакля выходил из театра в прекрасном, возвы-

шенном настроении! Чтобы он пребывал в состоянии красоты и доброты и чтобы всегда возвращался в театр.

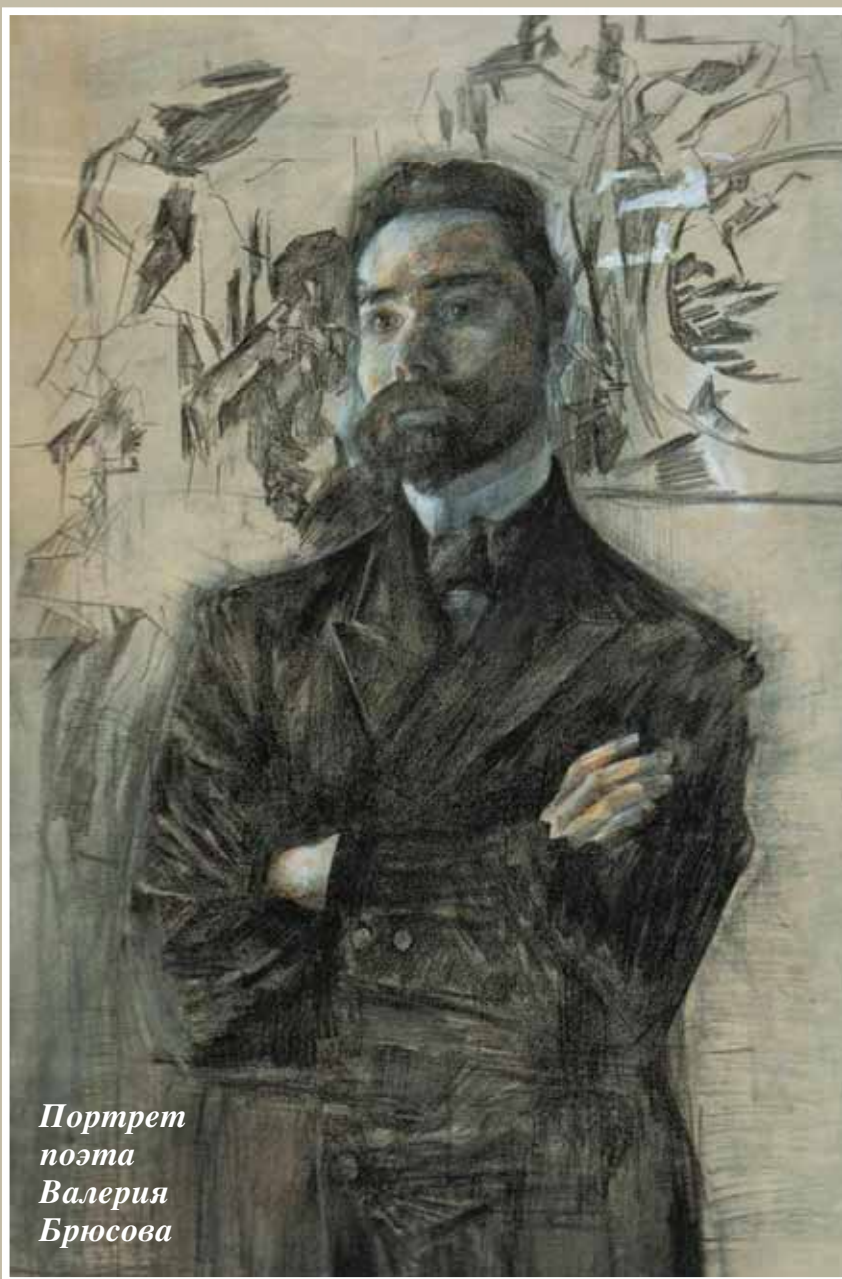
— Ксения, какой вы хотите быть на сцене?

— Мне всегда хочется быть очень разной! Хочется, чтобы зритель, увидевший меня в партии Манион, потом пришел бы на «Баядерку» и, смотря на мою Никию, спросил бы себя, как интересно, а кто эта балерина? □

Беседовала
Елена Воробьева

ВРУБЕЛЬ

*Портрет
поэта
Валерия
Брюсова*

В этом году исполняется 160 лет со дня рождения выдающегося русского художника **Михаила Врубеля**. Его жизнь была нелегкой — долгие годы его творчество оставалось непризнанным, картины не принимали ни критики, ни публика, а еще безденежье, потеря маленького сына... Последнее десятилетие Врубеля было омрачено тяжелой болезнью, но и она не смогла поколебать его невероятную творческую силу, уничтожить его удивительный талант, наполненный высокой поэзией. И очень символично, что его последней работой стал портрет Поэта. Поэта Валерия Брюсова.

Последняя работа мастера

*Михаил
Врубель.
Автопортрет*

Весной 1905 года Врубель снова почувствовал уже хорошо ему знакомые приступы безумия. Это случилось в Петербурге. Казалось бы, наконец к нему пришло признание, наконец кончились эти страшные десятилетия неприятия, непонимания, отторжения. Его картинами теперь восхищались, он стал знаменит, его полотна украшали выставки объединения «Мир искусства», а сам журнал печатал репродукции его работ и статьи, посвященные его творчеству. Горький, Шаляпин, Бенуа и многие другие, которые раньше совсем не воспринимали его творчество, ныне не скупились на восторженные оценки, а молодежь встречала каждую его свежую работу как откровение. И именно теперь болезнь снова предприняла

новое наступление на его разум. Жена Врубеля Надежда Ивановна Забела, его самый близкий человек, муза и лучший друг, а еще прекрасная певица, любимое сопрано Римского-Корсакова, тут же вызвала в Петербург доктора Федора Арсеньевича Усольцева — он очень помог ему в 1904 году, когда художник довольно долгое время провел в его клинике. Тогда лечение оказалось весьма эффективным, недаром на одном из рисунков, сделанных в лечебнице и подаренных Усольцеву, художник написал: «Дорогому и многоуважаемому Федору Арсеньевичу от воскресшего Врубеля». Надо сказать, что это был действительно замечательный доктор. Он умел слышать людей, сопереживать, умел разделить их беды и радости. Его

Справа:
«Демон»

*Портрет
Федора
Арсеньевича
Усольцева*

клиника, которую он сам называл «санаторий», сильно отличалась от тогдашних подобных заведений. Пациенты жили, словно в гостях у доктора и его семейства, палаты располагались в двух флигелях, стоявших посреди живописного Петровского парка в окрестностях Москвы. Днем пациенты гуляли по специально проложенным в парке дорожкам,

занимались своими делами, читали и общались с доктором, а вечерами вместе с членами семьи Усольцева и медицинским персоналом посещали музыкальные и поэтические вечера, на которые доктор приглашал известных московских артистов. Усольцеву помогала его жена Вера Александровна, тоже имевшая медицинское образование. Здесь была

замечательная, теплая атмосфера, и многие пациенты вновь обретали после пребывания в клинике душевное здоровье или, по крайней мере, улучшали свое состояние. С ними тут обращались как с нормальными людьми, апеллировали к их рассудку или к тому, что от него еще оставалось, и очень часто страшный недуг отступал. Клиника была хорошо известна в артистических кругах, здесь, к примеру, лечился не только Врубель, но и В.Э. Борисов-Мусатов, а сам Усольцев дружил с В.А. Гиляровским, В.М. Васнецовым, А.Н. Бенуа, Е.Е. Лансере, В.Д. Поленовым и многими другими представителями московской и петербургской интеллигенции.

(Судьба доктора Усольцева, яркого, мудрого и очень доброго человека, сложилась трагически. В 1909 году признаки психиатрического заболевания обнаружили у его же-

ны Веры Александровны, а позже столь же тяжело заболела и дочь Антонида, только-только поступившая в парижскую Сорбонну на медицинский факультет. Однако, несмотря ни на что — ни на болезни близких, ни на революцию и Гражданскую войну, — Усольцеву удалось сохранить свою клинику! Выдающийся психиатр умер в 1947 году. Но клиника его жива и поныне — сегодня на месте этой лечебницы в Петровском парке располагается Центральная московская областная клиническая психиатрическая больница, где уже новые поколения врачей сражаются с безумием.)

Врубель понимал, что с ним происходит. Собираясь в клинику, он попрощался со всем, что ему было дорого: с близкими друзьями, со старым учителем Чистяковым, посетил выставку «Нового общества художников», члены которого ему очень

нравились, а потом поехал в Панаевский театр, где когда-то впервые встретил свою любимую жену, впервые услышал ее чарующий голос... А на следующий день Усольцев увез своего пациента в Москву.

И вот Врубель снова в клинике. Он, как и все пациенты, много гулял в парке, а потом — работал. Усольцев всячески приветствовал занятия живописью — ведь в это время к Врубелю возвращался его разум, его талант.

Жизнь в клинике шла своим чередом. Наступил новый, 1906 год. Надежда Забела оставалась в Петербурге, где у нее был контракт, а Врубель писал ей письма. Похоже, настроение у него было вполне хорошее, чему способствовали разные обстоятельства. Во-первых, в клинике прошло несколько очень

хороших концертов: «Особенно интересен был концерт неаполитанцев в зале нашего отделения, — рассказывал жене Врубель, — прекрасные голоса и бравые люди.... Был чай и ужин с вином. Потом была елка, и снова обильный ужин с вином. Вчера был роскошный чай, и тоже гости».

Навестить Врубеля приехали Николай Яковлевич Тароватый и Николай Петрович Рябушинский, издатели нового журнала «Золотое Руно», заказавшие художнику портрет Валерия Брюсова (за 200 рублей). Рябушинский задумал сделать номер журнала, посвященный известным поэтам того времени, причем портреты должны были писать самые лучшие художники. Так, например, Бальмонта поручили Серову, а вот вождя символизма Брюсова — Врубелю. А еще Рябушинский, с благодарностью писал Врубель, подарил ему легкий мольберт и набор цветных карандашей. А позже у него побывал сам Брюсов. Преподнес сборник своих стихов с надписью «Михаилу Александровичу Врубелю в знак восторженного преклонения перед его гением» и новое, посвященное художнику, «очень лестное» стихотворение.

Кроме того, Врубель получил известие из Академии художеств, что ему скоро пришлют диплом академика живописи (еще 28 ноября 1905 года Врубелю было присвоено звание академика «за известность на

Слева:
*Надежда
Ивановна
Забела —
жена
Врубеля*

*«Царевна
лебедь»*

художественном поприще»), а Рябушинский собирался заказать Серову его портрет! Врубель с уважением относился к Серову, хотя, конечно, не считал его себе равным. О себе он точно знал, что он — ге-

ний. Ну что ж, Серов тоже неплохой художник.

Итак, в первой половине дня Врубель работал над портретом Брюсова, а после обеда приехавший в лечебницу Серов рисовал Врубеля.

Вера Александровна Усольцева рассказывала волновавшейся о муже Надежде Забеле: «Он очень был доволен, когда у него просили согласия на приезд Серова», «сеансы Серова, по окончании Брюсовского портрета, я думаю, не томят Михаила Александровича, наоборот, дух его поднялся от этих заказов, и галлюцинации изменились в окраске».

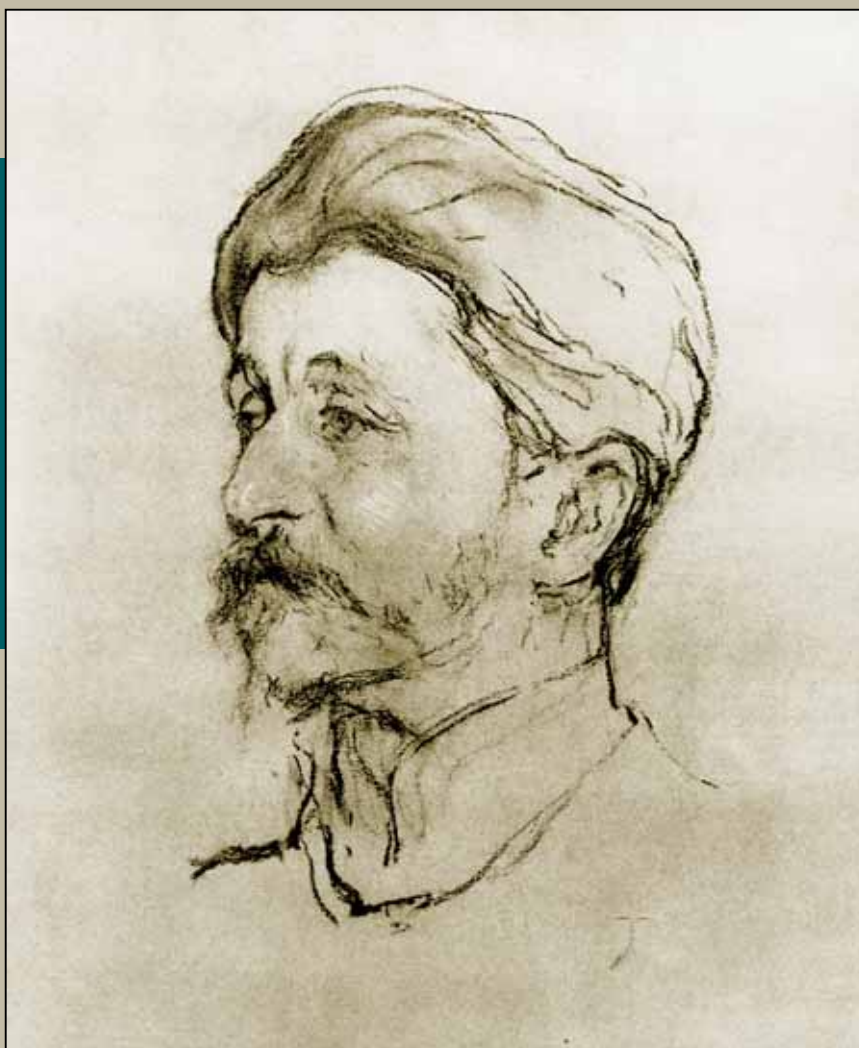
Врубеля новая работа по-настоящему увлекла. «Очень интересное и симпатичное лицо: брюнет с темнокарими глазами, с бородкой и с матовым бледным лицом: он мне напоминает южного славянина, не то Инсарова, не то нашего учителя Фейерчако... Я работал 3 сеанса: портрет коленный, стоя со скрещенными руками и блестящими глазами, устремленными вверх к яркому свету». В свободное от сеансов время Врубель читал стихи Брюсова и писал жене: «В его поэзии масса мыслей и картин. Мне он нравится больше всех поэтов последнего времени».

Спокойный, разумный тон врубелевских писем, казалось бы, говорит о том, что его рассудок не угас, однако на Брюсова при первой их встрече художник произвел тяжкое впечатление: «Вошел неверной тяжелой походкой, как бы волоча ноги... хилый больной человек, в грязной измятой рубашке. У него было красноватое лицо; глаза — как у хищной птицы; торчащие волосы вместо бороды. Первое впечатление: сумасшедший!»

Он действительно был очень болен, но работа, творчество чудесным образом преображало этого человека. «Врубель сразу начал набрасывать углем портрет, безо всяких подготовительных этюдов. В жизни во всех его движениях было заметно явное расстройство. Но едва рука Врубеля брала уголь или карандаш, она приобретала необыкновенную уверенность и твердость. Линии, проводимые им, были безошибочны... Позировал я, стоя в довольно неудобной позе, со скрещенными руками, и крайне утомлялся. Врубель же словно не чувствовал никакой усталости: он способен был работать несколько часов подряд, и только по моей усердной просьбе соглашался сделать перерыв и выкурить папиросу. Во время сеанса говорил он мало, а во время отдыха, напротив, разговаривал очень охотно. В речи по-прежнему часто путался, переходил от одного предмета к другому по чисто случайным, словесным ассоциациям, но когда разговор касался вопросов искусства, как бы преображался... изумлял необыкновенной ясностью памяти... Творческая сила пережила в нем все. Человек умирал, разрушался, мастер — продолжал жить».

Об этом же потом, уже после смерти Врубеля, вспоминал и доктор Усольцев, с любовью и болью наблюдавший своего гениального пациента: «Я считаю, что его творчество не только вполне нормально, но так могуче и прочно, что да-

*Валентин Серов.
Портрет
художника
М.А. Врубеля*

же ужасная болезнь не могла его разрушить... как художник, он был здоров и глубоко здоров. Пока жив человек — он все дышит; пока дышал Врубель — он все творил...»

Врубель действительно работал неистово, всего себя отдавая творчеству. И с каждым новым сеансом портрет становился все выразительнее. Брюсов был в восторге. «Передо мной стоял я сам со скрещенными руками, и минутами мне казалось, что я смотрю в зеркало, — писал в своих воспоминаниях о Врубеле поэт. В той атмосфере безу-

мия, которая была разлита вокруг, право, мне не трудно было терять различие, где я подлинный: тот, который позирует, и сейчас уедет и вернется в жизнь, или другой, на полотне, который останется вместе с безумным и гениальным художником».

Поначалу Врубель написал Брюсова на фоне темного куста сирени. Брюсову все очень нравилось, лицо выступало отчетливо и казалось живым на фоне темной зелени и темно-лиловых цветов. Потом Брюсову пришлось уехать на пару

*М.А. Врубель
за работой*

недель в Петербург, и, вернувшись, он был неприятно удивлен — сирень исчезла, более того — исчезла и часть головы! Огорченному поэту Врубель сказал, что сирень не соответствует его характеру, и он сделает что-то более символическое. Желая утешить Брюсова, он немедленно принялся за работу, достал откуда-то фотографию с какой-то фрески эпохи Возрождения, изображающей свадьбу Психеи и Амура, и говорил: «Мы напишем сзади свадьбу Психеи и Аму-

ра», — с удовольствием повторяя слово «Психеи». Вероятно, художника на эту идею навело пристрастие Брюсова к античной поэзии. Он принялся за новый фон, но успел сделать только предварительный набросок. К сожалению, работа прервалась — дрожала рука, а потом резко ухудшилось зрение. Он практически ослеп — стал путать цвета, брал не те карандаши, какие хотел. И было решено забрать у него портрет, чтобы он его не испортил.

Брюсов тоже считал, что получившийся портрет «не достигал и половины той художественной силы, какая была в нем раньше», что «остался только намек на гениальное произведение». Кто знает, может, он и прав, но и то, что мы сегодня видим, вызывает восторг и восхищение. Лицо и фигура поэта такие, какими они были написаны с самого начала, а фон представляет собой характерные врубелевские черно-белые «кристаллы». Так или иначе, портрет Брюсова не хуже лучших работ художника. Перед нами — настоящий Поэт, поэт-пророк, сильный человек, глубокий мыслитель, властитель дум. Это понимал и сам Брюсов, недаром он заканчивает свои воспоминания о Врубеле так: «После этого портрета мне другого не нужно. И я часто говорю полшутя, что стараюсь остаться похожим на свой портрет, сделанный Врубелем».

Кончился январь, и «Портрет поэта В.Я. Брюсова» увезли фотографировать для «Золотого Руна». Первого февраля в клинику Усольцева доставили телеграмму: вся редакция журнала поздравляла Врубеля с выходом первого номера. Он открывался стихотворением Брюсова «М.А. Врубелю». Вождь российских символистов написал настоящую оду во славу художника:

*От жизни лживой и известной
Твоя мечта тебя влечет
В простор лазурности небесной
Иль в глубину сапфирных вод.*

*Нам недоступны, нам незримы,
Меж сонмов вопиющих сил,
К тебе нисходят серафимы
В сияньи многоцветных крыл...*

Кроме того, крупно, на отдельных полосах были представлены репродукции нескольких врубелевских работ: тут были и лики пророков и вестников, и автопортреты художника.

А вскоре публика увидела и другой портрет, портрет Врубеля работы Серова.

Серов долго мучился над этим полотном и сдал его Рябушинскому только через год. Уж очень ему не хотелось, чтобы на портрете предстал безумец. Но... «У меня проклятое зрение, я вижу всякую мелочь, каждую пору на теле. Это гадость, — жаловался он своему ученику Николаю Ульянову. — У меня аппарат фото-графический... Глаз дрянной! Да-с!» А Брюсов писал, что «портреты Серова срывают маски, которые люди надевают на себя; и обличают сокровенный смысл лица, созданного всей жизнью, всеми тайными помыслами и всеми утаенными от других переживаниями». И в этой своей работе Серов не мог лгать. Они были знакомы и дружны 26 лет. Искусство Врубеля было очень важно для Серова. Но что поделаешь — в пациенте доктора Усольцева от того юного, талантливого, полного замыслов художника, которого Серов знал в начале их дружбы, уже практически ничего не осталось. Серов сделал все, что мог,

чтобы не показать взгляд сумасшедших глаз, скрыть за усами провалившийся рот... поймать дух былого. Он сделал все, что мог, но...

Врубелю предстояло еще пять лет жизни, однако это уже было слабое ее подобие. Он полностью ослеп, и, что самое страшное, теперь не мог рисовать. Ему предложили ваять, но как? «Приятно лепить, когда видишь, что делаешь», — ответил художник.

Доктор Усольцев ему уже ничем помочь не мог, он был бессилён перед сумасшествием, все прочнее овладевавшим художником. Врубеля перевезли в Петербург, к жене, выступавшей на сцене Мариинского театра. И он снова лечился — то в одной, то в другой петербургской клинике. Его навещали невероятно преданная ему сестра и, конечно, жена, сестра читала вслух, жена пела. Так он общался с внешним миром. В то время его часто посещали видения и грезы, и порой ему чудилось, что он живет в средние века, строит устремленные в небо готические храмы, вместе с Рафаэлем и Микеланджело расписывает стены Ватикана. И в эти минуты он был счастлив, чувствуя себя ровней этим титанам Возрождения!

Михаил Врубель скончался в 1910 году от воспаления легких. Его сестра Анна говорила, что он специально долго стоял под форточкой, стараясь простудиться, — смерть казалась ему избавлением. Художнику было всего 54 года. Накануне смерти он сказал ухаживавшему за

ним санитару: «Николай, довольно уже мне лежать здесь — поедем в Академию». И на следующий день его действительно отвезли в Академию художеств — в гробу. Так было принято прощаться с членами Академии художеств. Похороны, устроенные Академией, были торжественны и полны скорби. Россия прощалась с великим художником. Народу было много. Священник Новодевичьего монастыря сказал: «Художник Михаил Александрович Врубель, я верю, что Бог простит тебе все грехи, так как ты был работником». Речь над могилой произнес и Александр Блок: «В этой борьбе золота и синевы совершается обычное — побеждает то, что темнее; так было и есть в искусстве, пока искусство одно. Но у Врубеля уже брезжит иное, как у всех гениев, ибо они не только художники, но уже и пророки. Врубель потрясает нас, ибо в его творчестве мы видим, как синяя ночь медлит и колеблется побеждать, предчувствуя, быть может, свое грядущее поражение».

А врубелевский портрет Брюсова и серовский Врубеля хранятся ныне в Третьяковской галерее. И каждый, придя в музей, может увидеть эти замечательные работы, прикоснуться к трагедии большого художника, еще раз восхититься искусством двух выдающихся мастеров русского искусства и вспомнить это удивительное время — Серебряный век, подаривший русской культуре плеяду блестящих поэтов и художников... □

Алексей Борычев

АПРЕЛЬСКИЙ ТРУБАЧ

Распахнуты окна. Апрельский трубач,
Сыграй нам березовый вечер,
Пока не ворвался полночный палач,
Печалью мой мир изувечив.

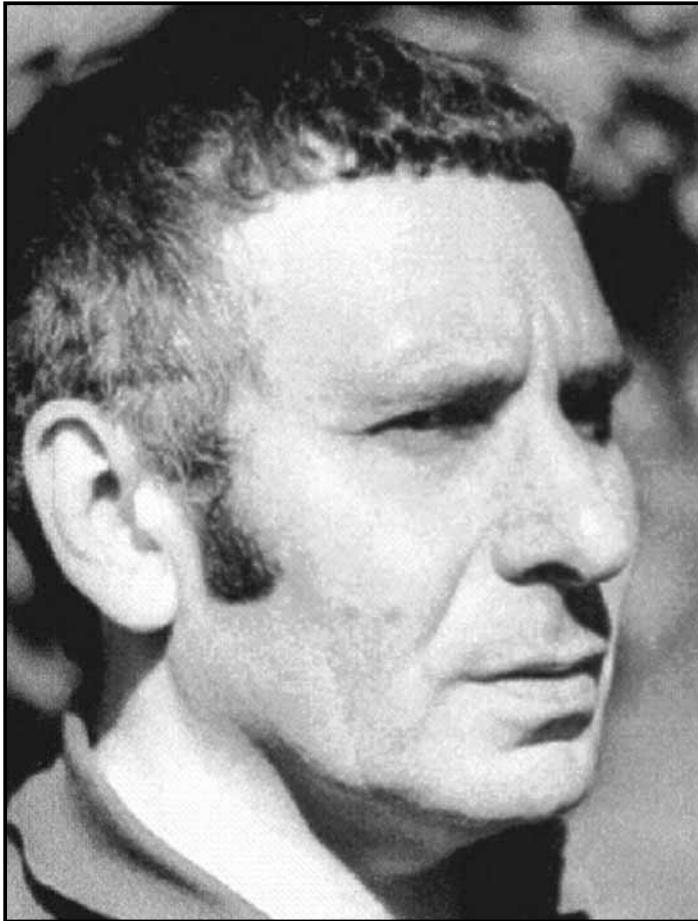
Пока не забился в агонии звук,
Сраженный ночной тишиною.
Сыграй, мой свидетель скорбей и разлук,
Ну, что-нибудь звонко лесное.

Сыграй, как смеется, лепечет ручей,
Как солнечный день угасает,
Как время поет у весны на плече
Оранжевыми голосами.

Сыграй рыжеватый апрельский снежок
И ржавое солнце заката,
Чтоб стало небесно, чтоб стало свежо,
Как было, как было когда-то. —

Когда лиловатые тени скрестив,
Две теплые тихие тени,
Просторы играли такой же мотив,
Далекий, забытый, весенний!

Я слышу — играешь!.. Играй, дорогой!
Спеши, потому что осталось
До ночи холодной, до ночи густой
Такая ничтожная малость!

Валентин Осипов

**Пока
жив,
и...**

на свободе

**Богомолов
Владимир Осипович
(1926–2003).**

Писатель. Участник Великой Отечественной войны, офицер, инвалид 1 группы по тяжелому ранению. Автор повестей «Иван», «Зося», «В кригере», романов «Момент истины» (или «В августе сорок четвертого») и «Жизнь моя, иль ты приснилась мне...», рассказов и публицистических статей.

Более десяти лет после кончины Владимира Богомолова (внезапно и в один миг: дома, ночью, во сне) никак не получалось обдумать, как писать о нем воспоминания. И это при всем том, что я, как издатель, был причастен к его творчеству с 1962 года, что помогло войти в некий совсем небольшой круг близких ему людей...

Что мешало? Необычность! Во всем! Поразил уже при самой первой встрече. Я ему, после того как поздоровались, обычное: «Ну, как дела?» Он — необычным в ответную, с хитроватой ухмылочкой: «Пока жив, и... на свободе».

Но не только этим приковал внимание. Спортивный костюм (в таком одеянии я видел писателя чаще всего и догадался: он был ему удобен — не стеснял). Опять же, как у спортсмена, челочка — черноволосая, но при искорках седины. Он эту челочку то и дело непроизвольно заглаживал — с темечка на лоб. Брови — густые, напряженно-сердитые. Складки-морщины от носа к губам — упрямые. Голос зычный при кратко-четких фразах, с постепенно входящими в оборот крепкими — «мужскими» — выражениями, правда, только тогда, когда заходила речь о том, чего он не выносил и осуждал. И глаза, из которых выплескивались погляды с грусть-тоскою, независимо от того, о чем шел разговор.

Итак, никак не воссоздавался его цельный — живой — образ-характер из-за того, что в моих дневниковых записях сложилось запредельное

противопоставление: что-то просилось едва ли не в умильные гимны, а что-то — боялся я — вызовет у читателей неприятие.

Как воссоединялось. И все-таки я осмелился-рискнул взяться за воспоминания. Вдруг озарила простая мысль: стыкуй нестыковки, ведь не просто так он частенько говорил мне: «Живу, как умею, и как привык» Это понималось: уж извини — быть другим не получается.

...Ясное дело, что творцу необходима общественная поддержка. Однако однажды Богомолов высказался: «Не для меня синдром тусовочного мышления». То-то же не стал членом правящей тогда партии и рьяно пресекал попытки завлечь в Союз писателей. Ему были нескрываяемо приятны восхищения читателей и почитание издателей. Однако он отказал Союзу писателей в праве выдвинуть свое творчество на соискание Государственной премии и демонстративно отказался придти на церемонию вручения себе ордена Трудового Красного Знамени в связи с 50-летием Союза писателей.

...Едко обличал то, что корежило советскую власть. (Вспомните впечатляющие всплески сарказма в романе «Момент истины» и в повести «В кригере».) В то же время не стеснялся в открытую писать о себе как о патриоте. Да еще в каких выражениях — негодуяюще осуждал тех, кто хотел «опрокинуть в выгребную яму Отечественную войну». Или еще объемнее: «Я разделяю понятия Отечества, России и государства».

...Он отказывался примкнуть к диссидентам, хотя туда его усердно впахивали цензоры, расценивая роман «Момент истины» вредным для государства и для партийной идеологии. И при этом — внимание! — принял премию имени Андрея Синявского «За достойное поведение в литературе», впрочем, деньги передал вдове этого страдальца-диссидента.

... Неминуем вопрос: как писатель относился к тому, что пришло в 90-е годы с ельцинщиной. Запомнилось одно его откровение (излагаю по памяти): «Я кожей ощущаю, что разрываются связующие нити между людьми и властью, которую спеленали олигархи. Порча напущена на нравственность... Попрание морали... Общество заболевает...»

... Он вчинял (это тоже его любимое выражение) презрение туповатым службистам при высоких чинах на войне в своих произведениях, и в разговорах со мной чиновникам КГБ и Министерства обороны за низкую культуру при цензуре «Момента истины». Вместе с тем, запечатлевал чистые душевные порывы и воинскую отвагу офицеров-окопников и контрразведчиков. Да в каких еще выражениях: «Офицеры военной разведки самоотверженно выполняли опасную, сложную и ответственную работу... Тысячи офицеров-контрразведчиков героически погибли на фронтах... А в художественной литературе прочно утвердился стереотип «особиста», «особняка» — человека недалекого, подозрительного и трусливого».

...Тяжкие лишения детских и военных лет не возбудили в нем жажды жить «красиво». Мы, близкие ему люди, изумлялись его аскетизму в быту — не было в его генах понятий престижного костюма или, скажем, ресторана, уж не говоря о даче, машине, заморских путешествиях.

...Он создал вдохновенно светлую повесть «Зося» о юношеской любви в войну, а семейное счастье обрел только в 45 лет.

...У него не было высшего образования, но — начитанность, но языковая роскошность!

... Для него было необходимо получать весточки от читателей, но с журналистами старался не общаться — бесед-интервью набирается, кажется, не более 10-ти за 45 лет творчества. Я как-то в присутствии его вдовы, Раисы Александровны Глушко, высказался: «Газеты и журналы его не признавали». Она внимательно посмотрела на меня и с нажимом уточнила: «Это он их не признавал».

...У него в соратниках было немало издателей, кое-кто остался верным и вдове. То-то же он стал рекордсменом по числу переизданий: роман более 100 раз и повесть «Иван» — 300. Но вот критики из газет, журналов и на ТВ как-то особо не стремились к анализу его творчества. Зато ему адресовали свои высочайшие похвалы десятки тогдашних авторитетных писателей, к примеру, и Константин Симонов, и Э.М. Ремарк.

Нынче вдруг появилось множество тех, кто многозначительно упо-

минает Богомолова в знакомцах. Но вот из друзей пока никто не порадовал мемуарами, мне выпала доля начать первым.

Самая первая запись в дневнике. Она с именем Богомолова в акте финансово-хозяйственной ревизии в издательстве «Молодая гвардия», где я тогда пребывал главным редактором. Почему я вспомнил ревизию?

Даже она подтверждает, что писатель творил не поспешая, при всем своем изумляющем трудолюбии и стремительном ритме жизни вокруг. Это оттого, что он был невероятно требователен в отборе и слов, и сюжетов, и фактов, и оттенков психологии. Однажды я задал ему вопрос:

— Может, переизбыточный у вас раж саморедактуры?

— Извини — подвинься. (Это обиходное у него выраженьице означало: «Я несогласен».) С литературой надо на «вы», тем более, ежели пишешь о войне...

Так вот, с конца 60-х, четыре года подряд мне, главному редактору нашего центрального комсомольского издательства, записывали в Акте ревизии: «Обозначенная в плане рукопись «Позывные КАОД» по редакции «Приключений, путешествий и фантастики» автора Богомолова В.О. в издательство не представлена вопреки условиям Договора». Речь шла о будущем романе «Момент истины». Стоит пояснить: если автор не представил рукопись, значит, «не работают» комсомольские деньги, вложенные в договор, и могло после-

довать наказание на двоих. С автором заставят расторгнуть договор (с возвратом аванса), главного редактора лишат годовой премии, а то и посеют сомнения в его руководящих способностях. Выстоять в схватках с ревизорами и одновременно не порвать отношений с Богомоловым помог один звонок, в общем-то, рядового работника ЦК партии, даже не из отдела культуры, как-то узнавшего о писательском замысле. А просьба из державного ЦК — приказ для молодежного ЦК.

Секреты жанра. Для меня загадка: отчего привередливый Богомолов пошел и на приключенческое поначалу имя своему роману, и на сотрудничество со столь специфической редакцией.

В числе возможных ответов такой: он, еще молодой своим стажем общения с издателями, был рад найти у нас хотя бы такую — приключенческую — обитель. А может, еще не осознал истинного смысла своего творения с острейшим сюжетом про поиск диверсантов, в одном из его писем того времени я выудил даже такое самоопределение: «детектив».

Это только через годы прозвучало от пронизательного Константина Симонова: «Роман не о военной контрразведке. Это роман о советской государственной и военной машине сорок четвертого года и типичных людях того времени».

А что издательство? Когда у нас все-таки ознакомились с появившейся рукописью, она была передана в редакцию прозы. Таким было

совместное веление писателя, заведующей редакцией Зои Яхонтовой, замечательной профессионалки, и отважного редактора Валентина Аксенова.

Да, будущему рекордсмену переизданий еще немало долгих лет мечталось о безмятежном сотрудничестве с издателями.

Мне запомнилось его признание, оно прозвучало лет через десять в стенах уже другого издательства («Художественная литература», где я директорствовал с 70-х годов):

— Это сейчас «Ивана» то и дело переиздают. А ведь отсюда мне пришел на этот рассказ «отказ»! «Пришили» мне подлянку по стандартам партагитпропа: «ремарковщина» и «хемингуевщина», тлетворное влияние Запада...

Девять выкраденных цензорами месяцев. Многие ли нынче знают, что истинно классический роман о войне «Момент истины» увидел свет ох как не сразу. Роману выпала участь пройти жернова трех цензур: государственной, Главлита, военной — ведь книга о войне, и Комитета государственной безопасности, ибо про разведчиков-шпионов.

Однажды я выслушал гневную тираду, которую Богомоллов сопровождал гремучей смесью солдатской лексики и командирского рыка:

— Цензура была и будет. Но как же она сейчас уродлива! (Трах-та-та!) Нетерпима! Беспощадна! Перестраховочно конъюнктурна! (Трах-та-та!) Любкой чих из Кремля, «сверху», — кланья челюстями вниз... (Трах-та-та!)

Сколько же пережил творец! Ведь «Дело о романе» и в самом деле дошло до самой главы КГБ, он же один из членов всемогущего Политбюро. Писатель оставил такую вот пронзительную запись, с которой я ознакомился опять же благодаря Раисе Глушко (она опубликовала в 2005 году записки мужа «История публикации романа»): «Андропов, многолетний чекист по духу и стилю руководства, постеснялся увидеть представителей своей службы с человеческим лицом, с их ошибками и слабостями, побоялся, что зомбированный временем и историей страх к ним может смениться уважением и симпатией...»

Сохранились и уточнения: «Автор обожает розыскников, и они не могут не нравиться. Розыскники — младшие офицеры — изображены автором ярко, с уважением и любовью. Они профессиональны, достоверны и несравненно привлекательнее Верховного Главнокомандующего и его окружения. В результате, вольно или невольно, возникает противопоставление младших офицеров системе высшей власти, не украшающее ее и, в какой-то степени, компрометирующее. Роман получил активное признание и не считаться с этим не следует. Я не говорю категорически: «Нет!» Я считаю нужным высказать свое сомнение: а нужно ли подобное противопоставление тиражировать...»

Чем же запомнилось Владимиру Осиповичу «консультирование» романа в КГБ? В его записках можно прочитать: «Катали Ваньку» по мно-

гочисленным инстанциям, надеясь, что там выкинут что-нибудь (из романа), за что можно зацепиться мертвой хваткой, и тогда продавливать автора по всем законам их жанра».

С еще большей брезгливостью он оценивал военную цензуру. Однажды рассказал, как его там мытарил. Минут десять читал мне запи-

санные на полях рукописи требования. Даже я, уже, казалось бы, навидавшийся разных цензур, ужасался сгустку чиновно-перестраховочной тупости. А он своим комментарием был краток: «Уши пухнут (трах-та-та!)». Я попросил у Богомолова кое-что переписать. Он в ответ: «Валяй, но помалкивай. Тебе то зачем с цензорами ссориться?»

Запомнились два, в живых красках, рассказа писателя, как он загонял в позорный угол своих цензоров:

— Чтобы получить разрешение на издание романа пресс-центра КГБ, я попросил одного работника ЦК партии позвонить в КГБ хотя бы с нейтральной просьбой: не тянуть. Пришел. Трое нас: начальник пресс-центра, какой-то полковник с блокнотом и я. Сели за стол. И вдруг начальник с деланой обидой: «Что же это вы, Владимир Осипыч, бегаєте в ЦК с жалобами на нас?» И явно ждет, что я сконфужусь или «спужаюсь». Тут я прикинул: «Либо на кол сесть, либо рыбку съесть». Как нейтрализовать? Я вскочил и в ответную с такой тирадой наперевес: «Как вы смеете называть “бегать” мое обращение в мой любимый Центральный комитет всенародно любимой Коммунистической партии Советского Союза?!» Гляжу, а начальничек-то затрепетал и к полковнику чуть не со слезою на глазах: «Как же можно так извратить мое отношение к партии?»

«Противник» был деморализован. Беседа, пусть и далеко не сразу, завершилась тем, что КГБ снял с себя ответственность за роман. Формальную. Теперь мне надо было начинать «бодаться» за роман с военной цензурой.

Это происходило, по словам писателя, так: «Он (генерал) за своим начальственным столом, я и приглашенный полковник — за приставным столиком. Только уселись — я ставлю свой кейс на столик. Начальник начал читать бумагу с пе-

речнем надобности купюр, замечаний — глупых! — донельзя и, главное, по большей части, не относящихся к теме военных секретов... Я передвинул кейс поближе к нему. Что-то вякнет мой визави — я кейс в его сторону. Смотрю, оба заелозили, переглянулись и умолкли. Сработал мой нахальный расчет — они подумали, что в кейсе магнитофон. Начальник тогда мне: «Товарищ Богомоллов, не положено ставить портфели на столик: он полированный...» Я ему: «Я, знаете ли, инвалид войны по черепному ранению, поэтому мне нужно для усвоения сказанного какой-нибудь для сосредоточения предмет перед глазами».

Начальник тут же полковнику: «Перерыв!» Я вышел. Но дверь закрылась не плотно, и я услышал: «Перепечатать отзыв! Выбросить все, что не касается секретности».

Итак, военная цензура завершилась вердиктом: нельзя публиковать документы с грифом «секретно».

Богомоллов рассказывал мне, похотывая от удовлетворения, как цензор-генерал, не стесняясь гостя, грозно приказал найти виновника «утечки» документов особой секретности.

А что на самом деле? Богомоллов, спокойно улыбаясь, проговорил, что-де, никак нельзя запрещать роман по соображениям охраны «смершовской» тайны, ибо все документы в нем — всего лишь плод писательского воображения, подделка-имитация.

Постепенно я узнавал, что «плоды воображения» — результат не

только военных воспоминаний, но и поиска сюжетов и фактов в архиве, встреч-бесед с ветеранами и наимнительнейшего чтения того, что «проскакивало» в военных журналах. Так отдадим должное и этой грани мастерства: придуманные документы читаются как подлинные, и во всем сохраняют приметы военного времени. То-то же, «купился» даже главный военный цензор.

...Иногда Богомоллов с горькой самоиронией величал себя «анахоретом». В общем-то, не без оснований. Но в тяжкие минуты все-таки позволял окружать себя соратниками. Находились таковые даже в КГБ, в Министерстве обороны и среди издателей. Это они, узнав о его мытарствах, набирались отваги помогать.

Он рассказывал мне (но ни одной фамилии!), как кто-то из офицеров военной цензуры, оценив рукопись, заблаговременно и тайком обеспечил его копией начальственного отзыва, и этим дал возможность заранее готовить контрдоводы. То же самое произошло в КГБ. Так же смело подписывал письма в защиту романа заместитель главного редактора «Нового мира» Олег Смирнов, он, кстати сказать, из фронтовиков.

Но особое слово следует сказать о молодогвардейском редакторе Валентине Аксенове, увы, давно скончавшемся. В зрелом возрасте — уже за сорок, невелик росточком, не словоохотлив, скромн, с начальством зазря не общается.

А однажды я услышал от Богомоллова признание:

— Не будь вашего Аксенова — книга еще долго бы не пошла в печать...

— Как понимать?

— Со временем узнаешь. А пока цени такого работника.

Наш редактор снабжал своего автора сведениями об отношении цензоров к роману, через него Богомоллов узнавал о предстоящих претензиях. Писатель и редактор, имея дело с КГБ, побаивались «прослушки», и тогда в ход пошла самодельная конспирация. Встречи — только на улице, телефонные разговоры — только инсказаниями. Уж по выходе романа Владимир Осипович припомнил одну из таких «шифровок», теперь уже подсмеиваясь над игрой в тайны: «Раздается звонок Валентина, и я выслушиваю чуть ли не подпьяную интонацию: «Приехали четыре ядерные телки... Групповуха! Жратвы понавезли и выпивки — целая авоська. Быть праздничку!» Весь этот бред означал: пришла очередная критическая рецензия на четырех страницах: «ядренный» — это приказная, «корзина» — извещение, что требований купюр множество, «групповуха» — подписей под этим отзывом много, а «погужуемся» — предчувствие, что можно одолеть».

Не часто писатели публично восхваляют своих редакторов. А Богомоллов посвятил своему редактору Аксенову две главки записок «История публикации романа»: добромудрая добрая память!

Подытожу: история советской литературы и книгоиздания обогащена уникальной главой. Победил автор,

не уступив в романе цензорам ни единой (!) буквы.

Кое-что из биографии. Мне все думается: откуда такая отвага в борьбе за роман? И вправду: и прям, и упрям. Мы, издатели, знали, что в схватках с цензорами готов был на некие уступки по своему «Доктору Живаго» даже Пастернак, хотя за него горой поднялись, с шумом на весь мир, весьма влиятельные зарубежные ходатаи.

Кое-что стало проясняться из рассказов самого Богомолова, когда он со временем проникся и ко мне доверием:

— Дед, деревенский, дважды георгиевский кавалер по русско-японской. Но по пьяному убийству угодил кандальником на каторгу. Аж в Нерчинск. Но с Германской войны, в 1914-м, снова фронт. Сработало, что направил с Сибири самоличное обращению к царю-императору. Так, извини-подвинься, вернулся с полным бантом солдатского Георгия. Он успел меня повоспитывать... Порол даже. Я вызубрил им многожды повторенное: «Ты пришел в мир, где ты никому не нужен. Не жди добра от людей или от Бога. Тебе никто ничего не должен. Надейся только на себя».

...На войну я пошел, прибавив себе два года. Не буду врать: при первом же обстреле минами мою романтику как ветром сдуло — увидел рядом бойца с раскиданными кишками...

...Чем-то я выделялся. С рядовых окопников стал командиром

отделения, потом — командиром взвода. Дослужился до комроты.

...Всякое случилось на войне. Война... Три раза вчиняли следствия: таскали меня... Преступления были — да я к ним непричастен. Но самую мерзкую «подлянку» мне кинули сразу после войны, когда служил в оккупационных войсках. Заступился я за одного офицера-неудачника на разборе операции, да в присутствии командированного из Москвы генерала из окружения аж самого Берии. Брякнул по молодости лет и фронтовому гонору этому генералу, дескать, нет у вас понимания операции, ибо вы — не фронтовик. Так арестовали. Спасло товарищество. Офицер из охраны внял моей просьбе и рискнул отбить мою телеграмму Сталину: «Дескать, я, боевой офицер Богомолов, проявил свое суждение в оценках операции и пострадал. Прошу, и так далее». Цидуля, понимаю, до Сталина не дошла, но пробудила у какого-то начальника не то совесть, не то жалость. Освободили.

После этого я решил расстаться с армией. Вернулся в Москву — а на что жить? Военная медкомиссия не захотела дать мне инвалидность по тяжкому ранению. Занизили группу. В отместку. Пренебрегла тем, что я носил в голове осколки. Я вышел и с первой попавшейся почты опять телеграмму Сталину: мол, бюрократы-тыловики не удосужились прочитать по документам данные по ранению. Опять же не знаю, дошло ли до Сталина... Но скоренько вызвали в военкомат и все-таки дали инвалидность по первой группе. На эту пен-

сию я одиннадцать лет существовал. Отказался, когда сподобился получить первый гонорар. Чего быть иждивенцем у государства?

Помолчав немного, он подытожил свой монолог:

— С той поры окончательно вбил себе в голову дедово назидание: «Не служить, не состоять и не сдаваться».

Раиса Александровна в беседах со мной дополняла мои записи:

— Его кредо было: делай только то, что кроме тебя никто не сможет. У него слова никогда не расходились с делом, с твердыми жизненными позициями. Он никогда не переступал их и не поступался ни честью, ни достоинством, был не суетным и не тщеславным человеком, был откровенным, но не... открытым, никогда никому не льстил и не угождал...

Как отказался от премии. Дополню предыдущую главочку еще одним фактом — уж больно выразителен. Когда «Момент истины» вышел (сперва в журнале — 1974, затем в 1975-м книгой), мои преемники в «Молодой гвардии» объединились с журналом «Новый мир» и решили выдвинуть роман на соискание Госпремии. Почетно и денежно для автора, престижно для издателей!

Да не тут-то было. И не партвласть, как могло бы показаться, воспротестовала, а сам автор (!!!) Он накатал в ЦК письмо с протестом. Среди прочего писал: «Прошу вашего содействия в освобождении романа от такого выдвижения. Дело в том, что

единственное возможное для меня положение — это амплуа рядового автора. Амплуа же известного писателя, в котором я невольно пребываю, при всем моем противодействии, совершенно для меня неприемлемо/.../ Я не раз наблюдал вблизи жизнь трех писателей, лауреатов, и отчетливо осознаю: вся эта суэта, публичность образа жизни и необходимость почти ежедневно перед кем-то лицедействовать, все это для меня органически противопоказано и совершенно неприемлемо».

Да, вот с каким характером Богомоллов и бросался на цензоровы амбразуры.

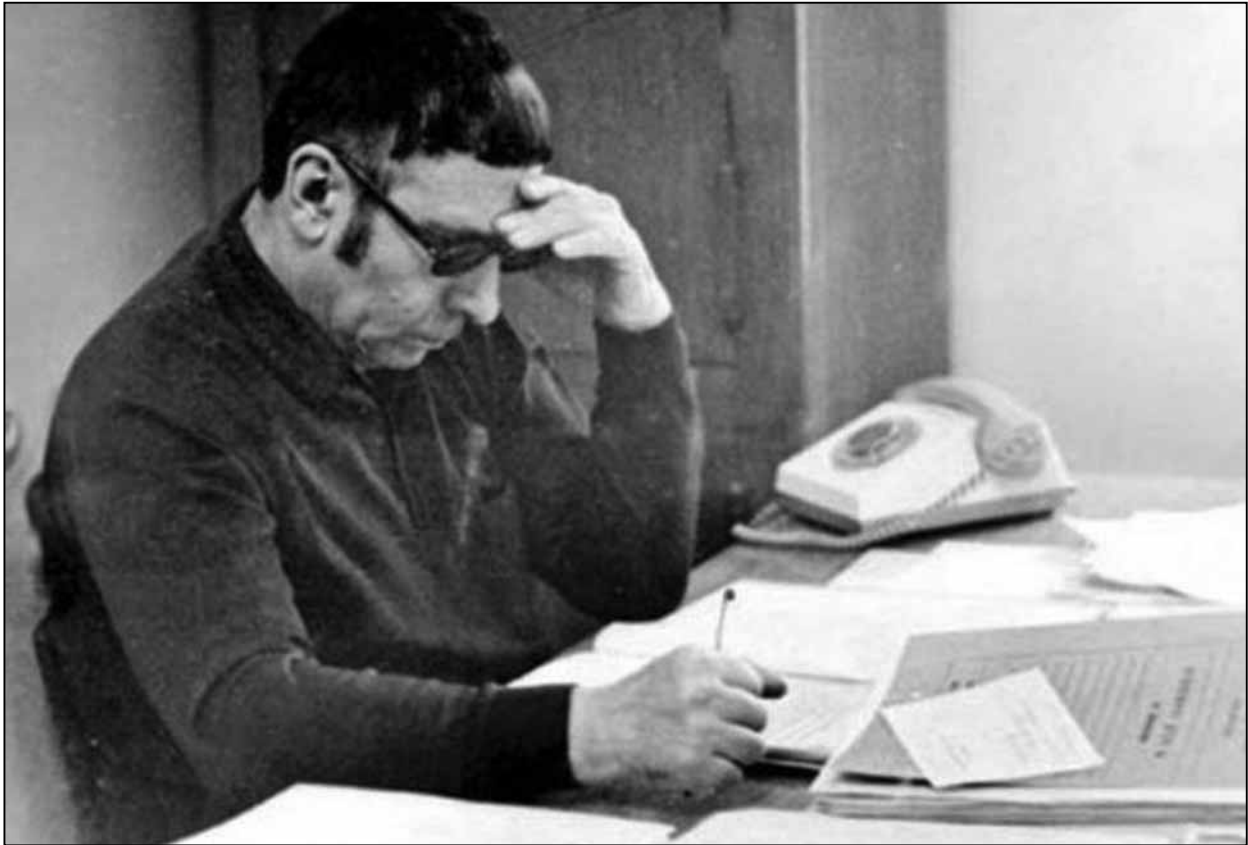
Тревоги, тревоги: за что воевали? С конца 80-х я все чаще стал выслушивать от него встревоженную критику нового отношения к недавней истории. В моем дневнике запись — она явно подытоживает суть его беспокойств:

— Идет расправа над нашей победой, а вы, все пишущие и печатающие, в кусты. Нет отпора!

— О чем речь?— спросил я.

— Внук моего хорошего знакомого, между прочим, инвалида войны, всерьез убеждал меня и своего деду, что, если бы мы проиграли войну, то он бы сегодня на студенческую «степуху» выпивал бы в день пять банок пива и закусывал бы гамбургской колбаской.

В яростное негодование Богомоллов привело и то, что либеральствующие СМИ принялись восхвалять перебежчика к немцам генерала Власова. Мол, выдающийся

полководец и всеми порывами своей «чистой души» стремился принести свободу народам СССР. Как-то прозвучало от Богомолова: «Сажусь за книгу «Срам имут и живые, и мертвые, и Россия». Я с репликой: «Какое название! Сколь многое вы взваливаете на себя...» Он отмолчался.

Увы, увы, не успел завершить. Вдове достались лишь главки и главы, да та часть, что была напечатана в газете «Книжное обозрение» (1995). Все это она опубликовала на 48 страницах в двухтомнике мужа 2008 года (издательство «Вагриус»). Да тираж всего-то 5 тысяч экземпляров. Это грустное обстоятельство вынудило меня включить в воспоминания то, что сохранилось по теме и в моем дневнике, и в публикации Раисы Глушко.

Если не ошибаюсь, почти 10 лет уже немолодой жизни отдал Богомолов идее собрать «власовский» контрматериал. Какой? Я понимал, он будет по-богомоловски неотразимым: факты, факты и только факты. Они служили не для того, чтобы разукрасить свои размышления — факт являлся «вещдоком» для приговора: то обвинительного, то оправдательного.

Удивимся же и работоспособности, и дотошливости. Он рассказывал, не скрывая удовлетворения: «Я познакомился с несколькими тысячами единиц архивного хранения (поясню: так профессионалы именуют документы в архивах). Да не только из российских архивов. Еще четырех стран. Немецкие тоже». Каково!

«Препарированный» Власов. Перебежчик к немцам — освободитель России? Истинно погром учинил Богомолов тем, кто придумал, что генерал-предатель был воодушевлен идеями освобождения России от советского строя. На самом деле Власову Берлином было яснее ясного предписано: «Ни о каком свободном государстве для русских и украинцев не может быть и речи». А как иначе, если Гитлер, как прояснил Богомолов, провозглашал: «Колонизация европейской части России, Украины и Белоруссии, с уничтожением до 40 миллионов человек и с переселением до 30 миллионов в Германию как рабской силы». У Богомолова можно прочесть и меморандум рейхсфюрера СС Гиммлера «Об обращении с инородцами на Востоке: «Бог требует слушаться немцев и быть честным, прилежным и порядочным. Уменьше читать я считаю излишним».

Со временем Гитлер отмежевался от Власова: «Этот прохвост предал Сталина, предаст и нас». Так и случилось. В самые кануны разгрома Германии Власов обнародовал блудливый приказ своему воинству: «Всем моим солдатам и офицерам, которые верят в меня, приказываю немедленно переходить на сторону Красной Армии». Кто же сотрудничал с Власовым? Прояснил это, не без презрения, генерал-фельдмаршал Кейтель: «Покровительство Власову оказывал только Гиммлер и СС». Богомолову удалось разыскать сведения, что образ «спасателя России и борца против клики Сталина»,

а также текст присяги «на верность великой Германии и Гитлеру» для Власова сотворен нацистской спецслужбой.

Власов — выдающийся полководец? Однако вот что напечатал писатель (я извлекаю пять главных тезисов):

— Это сам Власов создал пропагандистский миф о своей особой значимости в обороне Москвы и о высоких оценках Сталина. В числе награжденных за оборону столицы Власов не значился, а его армия не отмечалась сообщениями Совинформбюро;

— сдаваясь в плен, «народный полководец» не подумал о судьбе погибающих в болотистом лесу от голода и холода более 10 тысяч бойцов и командиров брошенной им армии;

— в плен попало несколько наших генералов в должности командующих армиями, но лишь Власов изменил присяге и при этом снабдил инструкцией, как успешнее уничтожать своих соотечественников;

— военная верхушка Германии получила служебное заключение по итогу допросов Власова: «Даже если нам когда-нибудь пришлось бы хвататься за какую-нибудь фигуру из русских, мы нашли бы другого»;

— в свою фашистскую армию Власов смог завербовать из миллионов наших пленных всего 30 тысяч.

По выходе переиздания «Срам имут...» (2013) я через «Литературную Россию» предложил эту огневую публицистику выдвинуть на соискание какой-либо значимой премии. Откликов не последовало. Почему?

О характере. Он всякое разное являл мне и моей семье: от грубоватости, которой маскировал свою душевную тонкость, до нежной заботы о нас, если, к примеру, вторгались хвори. Знал я и о проявлениях его заботы о своих редакторах, в особенности, когда кто-то из них заболел. Поэтому еще раз признаюсь: не по силам воссоздать нечто цельное о Богомолове. Обнародую лишь кое-что.

Задумаемся, каково было ему держать совсем не в молодом возрасте творческую работоспособность после контузии и нескольких ранений головы.

Почерк. Говорят, что он ключ к познанию характера. Вот сейчас передо мною одно из его писем. Буквы крупны и с четким выделением каждой, заглавные — прописаны с особым тщанием. Строчка от строчки на заметном расстоянии. Кое-где восклицательные знаки — выскакивают за размер строчки по высоте, словно откуда-то сверху копьё вонзается в точку, чтобы мне вздрогнуть от неожиданности. И подпись своеобразна. После «В.» легко разбираемая фамилия, вырисованная буква к буквке, но с приметой: поверх них, от первой, прочеркнута слегка выгнутая линия до самого конца, словно след трассирующей пули.

Показал внуку (уж взрослый, окончил университет). Тот без промедлений: «Педант с уклоном в романтику».

...По выходе романа его пригласили в КГБ и уговорили одарить на-

чальство книгой с автографом. Он согласился, помня, как один из заместителей председателя помог укротить цензуру.

Он рассказывал мне:

— Привели в кабинет, усадили в кресло у стола со стопой книг и вручили листочек с текстами: отдельно для председателя Комитета, отдельно — для заместителей. Ну, я и взорвался! «Я что, неграмотный?!» Офицер обалдел, чуть не обморок...

...Невероятный аккуратист. Во всем! Ни разу не видел его небритым. На письменном столе ничего лишнего. А как еще хранит фактический материал для предстоящей работы или уже готовые главы: в новеньких папках, и каждая подписана исключительно фломастерами так, что именование читается с полок издалика.

...Где принимал гостей-посетителей даже по делам? Только на кухне. Зато с обязательным чаем или кофе.

...Не курил. И делал лишь вид, что может «выпить».

...Любимое у него год к году воспоминание об одном гостевании у меня, когда моя «карапузная» внучка двух годочков лазала под обеденным столом меж ног: «Я боялся подвигать ботинками...»

«Террариум сподвижников». Только так обзывал Богомолов Союз писателей. Такое обобщение, в общем-то говоря, несправедливо, ибо Союз брал на себя в советское время обязанность помогать творцам воспомоществованием Литературного фон-

да, обеспечением квартирами, поликлиникой и домами творчества, поездками по стране и за границу, многими другими благами и даже — чего скрывать — «брал на себя» похороны.

Не скрою: начальники Союза, узнав, что я «вхож» к Богомолу, поручили мне «уговорить» его подать заявление о вступлении, к тому же снабдили немаловажным обещанием — прием в члены пройдет решением секретариата, без приглашения на приемную комиссию, строго обязательной инстанции для всех других. Секретарям казалось очень престижным делом заполучить такого писателя.

Он выслушал меня и с отповедью при эпитафии «серпентарий-террариум»: «Ну, что — разве я стану лучше писать с членским билетом?»

Постепенно я стал узнавать, что такая убежденность была обстоятельно подкреплена. Он не мог и помыслить, что кто-то от имени кого-то будет ему что-то там подсказывать-советовать и при этом покушаться на его писательское время, обязывая быть на собраниях-заседаниях. Откуда же «террариум»? Ему рассказывали, что нередко Союз мобилизовывал свою «паству» на идеологические разборки, добиваясь от «проштрафившихся» самобичевания. Ну, уж это никак не для Богомолу!

Была и явно незаживающая рана от одной обиды. Вот что я однажды выслушал:

— Долгие годы я ютился в коммуналке, ого-го как шумной от многих

семей. Себе не принадлежишь... После «Ивана» и фильма «Иваново детства» появились деньги. Как раз бы хватило на кооперативную квартиру. А тогда попасть в кооператив можно было только через творческий союз. Подал заявление. Пригласили на комиссию. И слышу голос какой-то дамы: «А кто такой Богомолу, чтобы принимать в кооператив Союза писателей? Да у него всего один какой-то рассказик...»

Говоря об этом неординарном и по-своему «закрытом» человеке, невозможно обойти вниманием и ту, которая шла с ним рука об руку по жизни и была рядом до последних его дней.

Кое-что из жизни Раисы Глушковой. Мы, из близких Богомолу, не скрою, встретили ее еще как настроженно: впишется ли она со своими строгими принципами в образ жизни ветерана-фронтовика и творческой личности? Но через какое-то время поняли: ему, право же, выпало счастье — она оказалась не просто женой, но стала и «тылом» для своего мужа, жрицей домашнего уюта — пиши и издавайся, а все остальное — за нею.

Родилась она в семье офицера-пограничника. Это значит, что довелось ей испытывать в послевоенные времена тот самый до крайности неуютный, суровый даже быт офицерской семьи: то фанерная отгородка в общей казарме, то комнатка в командирском бараке-общежитии. Зато жизнь начинала

с истинно державным размахом: от самой южной границы до самой западной, но с какой еще воодушевляющей историей — Брест, героическая крепость. Зато жила в окружении необычных людей — недавние фронтовики с боевыми наградами и нашивками за ранения. Такая вот для школьницы точка отсчета вхождения в жизнь.

Окончила медицинский институт. И уже в 27 лет была назначена директором туберкулезного в городе диспансера. И больные, и коллектив, и начальство оценили ее хватку! Однако же появилась мечта о продолжении учебы — да только в Москве! При этом вбила себе в голову, что нельзя терять времени, и отправилась в столицу, как до сих пор помнит, за пять дней до новогоднего праздника. Но в Москве разве было кому дело в предновогодние хлопоты до этой девушки? Сумела пробиться к профессору, заставила доложить ему, что приезжая медичка из Бреста просит срочную консультацию (у нее, кстати, и в самом деле случилось некое легочное осложнение). Предстала перед ним — выложила все, а он оторопел: учебный год-то в разгаре, и начал уговаривать: нет мест, все вакансии заняты. Она ему ультимативное: хочу учиться, и все, а упущенное наверстаю. Тогда он — явно, чтобы отвязалась, — предложил: идите-ка в Министерство здравоохранения и попытайтесь уговорить заместителя министра, чтобы дал нашей кафедре дополнительную ставку врача-ординатора.

Проникла в министерство и добилась-таки своего...

...Скоропостижно скончавшийся муж оставил наследство. Нет, не сберкнижку, а незавершенный роман «Жизнь моя...» с главами, разрозненными и незаконченными или в отрывках, и в таком же состоянии публицистику о Власове, а также что-то еще из уже написанного, но почему-то не напечатанное (выяснила: то были рассказы).

Как обычно поступают писательские вдовы? Ждут в горестных надеждах, когда Союз писателей создаст комиссию по творческому наследию. Но, увы, исчезла такая традиция.

И тогда врач Глушкова стала литературным работником. При этом не рассталась с медициной. И потому, что не могла без нее, и по другой, вполне понятной причине — жить просто было бы не на что, ибо от мужа-писателя не осталось никаких сбережений, к тому же она поклялась на поминках соорудить памятник.

Раиса Александровна принялась разбираться в сохраненных, как бы говоря, монтажных листах романа. Потом новый виток забот: налаживала сотрудничество с редакциями газет, литературных журналов и издательствами. И поверьте мне, старому издателю и нынешнему писателю: это далеко не просто.

Как-то Раиса Александровна, в минуты какой-то редко проявляемой на людях прочувственности, вдруг призналась мне:

— Врач это не должность, а образ жизни и поведения... Перестанешь жить болью больного — тут тебе, врачу, конец. Выдохся! Выродился... Нет тебя больше как врача! Служащим стал...

Если бы понадобился эпитафия для этой моей «мемории», то, не раздумывая, выбрал бы два богомольских изречения: «Отстаивать идею, невзирая на лица» и «Предательство — главный порок человечества».

Владимир Богомоллов

Первая любовь

Мы лежали, крепко прижавшись друг к другу, и земля не казалась нам жесткой, холодной и сырой, какой была на самом деле.

Мы встречались уже полгода — с тех пор, как она прибыла в наш полк. Мне было девятнадцать, а ей — восемнадцать лет.

Мы встречались тайком: командир роты и санитарка. И никто не знал о нашей любви и о том, что нас уже трое...

— Я чувствую, это мальчик! — шепотом в десятый раз уверяла она. Ей страшно хотелось мне угодить: — И весь в тебя!

— В крайнем случае, согласен и на девочку. И пусть будет похожа на тебя! — думая совсем о другом, прошептал я.

Метрах в пятистах впереди, в блиндажах и прямо в окопах, спали бойцы и сержанты моей роты. Еще дальше, за линией боевого охранения, освещаемой редкими вспышками немецких ракет, затаилась скрытая темной высотой 162.

На рассвете моей роте предстояло совершить то, что неделю назад не смогла сделать рота штрафников — захватить высоту. Об этом в батальоне пока знали только пять офицеров, те, кого вечером вызвал в штабную землянку майор, командир полка. Ознакомив нас с приказом, он повторил мне:

— ...Значит, помни: сыграют «катюши», зеленые ракеты, и ты пойдешь... Соседи тоже поднимутся, но высоту будешь брать ты!

...Мы лежали, тесно прижавшись друг к другу, и, целуя ее, я не мог не думать о предстоящем бое. Но еще более меня волновала ее судьба, и я мучительно соображал: что же делать?

— Я должна теперь спать за двоих, — меж тем шептала она окающим певучим говорком. — Знаешь, по ночам мне часто кажется, что наступит

утро, и все это кончится. И окопы, и кровь, и смерть... Третий год уже — ведь не может же она продолжаться вечно?.. Представляешь: утро, всходит солнышко, а войны нет, совсем нет...

— Я пойду сейчас к майору! — Высвободив руку из-под ее головы, я решительно поднялся: — Я ему все расскажу, все! Пусть тебя отправят домой. Сегодня же!

— Да ты что? — Привстав, она поймала меня за рукав и с силой притянула к себе. — Ложись!.. Ну, какой же ты дурень!.. Да майор с тебя шкуру спустит! — И, подражая низкому, грубоватому голосу командира полка, натужным шепотом медленно забасила: — Сожительство с подчиненными не повышает боеспособность части, а командиры теряют авторитет. Узнаю — выгоню любого! С такой характеристикой, что и на порядочную гауптвахту не примут... Выиграйте войну и любите, кого хотите и сколько хотите. А сейчас — запрещаю!..

Голос у нее сорвался, а она, довольная, откинулась навзничь и смеялась беззвучно — чтобы нас не услышали.

Да, я знал, что мне не поздоровится. Майор был человеком самых строгих правил, убежденным, что на войне женщинам не место, а любви — тем более.

— А я все равно к нему пойду!

— Тихо! — Она прижалась лицом к моей щеке и после небольшой паузы, вздохнув, зашептала: — Я все сделаю сама! Я уже продумала. Отцом ребенка будешь не ты!

— Не я?! — Меня бросило в жар. — То есть, как не я?

— Ну, какой же ты глупыш! — весело удивилась она. — Нет, не дай бог, чтобы он был похож на тебя!.. Понимаешь, в документах и вообще отцом будешь ты. А сейчас я скажу на другого!

Она была так по-детски простодушна и правдива, что подобная хитрость поразила меня.

— На кого же ты скажешь?

— На кого-нибудь из убывших. Ну, хотя бы на Байкова.

— Нет, убитых не трогай.

— Тогда... на Киндяева.

Старшина Киндяев, красивый беспутный малый, был выпивоха и вор, отправленный недавно в штрафную.

Растроганный, я откинул полу шинели и рывком привлек ее к себе.

— Тихо! — Она испуганно уперлась кулачками мне в грудь. — Ты раздавишь нас! (Она уже начала говорить о себе во множественном числе и по-ребячьи радовалась при этом.) — Глупыш ты мой!.. Нет, это твое счастье, что ты меня встретил. Со мной не пропадешь!

Она смеялась задорно и беззаботно, а мне было совсем не до смеха.

— Слушай, ты должна пойти к майору сейчас же!

— Ночью?.. Да ты что?!

— Я тебя провожу! Объяснишь ему и скажи, что тебе плохо, что ты больше не можешь!

— Но это ж неправда!

— Я прошу тебя! Как ты будешь?.. Ты должна уехать! Пойми... а вдруг... А если завтра в бой?

— В бой? — Она вмиг насторожилась, очевидно, все поняв. — Нет, это правда?

— Да.

Некоторое время она лежала молча. По ее дыханию — такому знакомому — я почувствовал, что она взволнована.

— Что ж... от боев не бегают. Да и не убежишь... Все равно, пока меня комиссуют, и будет приказ по дивизии, пройдет несколько дней... Я пойду к майору завтра же. Решено?

Я молчал, силясь что-либо придумать и не зная, что ей сказать.

— Думаешь, мне легко к нему идти? — вдруг прошептала она. — Да легче умереть!.. Сколько раз он мне говорил: «Смотри, будь умницей!»... А я... А еще комсомолка... — Всхлипнув, она отвернулась и, уткнув лицо в рукав шинели, вся сотрясаясь, беззвучно заплакала.

Я с силой обнял ее и молча целовал маленькие губы, лоб, соленые от слез глаза.

— Пусти, я пойду, — отстраняя меня, еле слышно вымолвила она. — Ты проводишь?..

...Мы спускались в темную, сырую балку, где помещался батальонный медпункт, и я поддерживал ее сзади за талию, чуть начавшую полнеть. Я поддерживал ее обеими руками, страховал каждый ее шаг. Чтобы она не оступилась, не оскользнулась, не упала. Словно я мог уберечь ее, оградить от войны, от боя на заре, где ей предстояло бегать, падать и перетаскивать на себе раненых...

С тех пор прошло пятнадцать лет, но я помню все так, будто это было вчера.

На рассвете сыграли «катюши», неистово били минометы и дивизионная артиллерия, взлетели зеленые ракеты...

А когда взошло солнце, я с остатками роты ворвался на высоту. Спустя полчаса в немецкой добротной траншее командир полка и еще кто-то, поздравляя, обнимали меня и жали мне руки. А я стоял, как столб, как пень, ничего не чувствуя, не видя и не слыша.

Солнце... если б я мог загнать его назад, за горизонт! Если б я мог вернуть рассвет!.. Ведь всего два часа назад нас было трое...

Но оно поднималось медленно, неумолимо, я стоял на высоте, а она... она осталась там, позади, где уже лазали бойцы похоронной команды...

И никто, никто и не подозревал, кем она была для меня, и что нас было трое... □

Александр Василенко:

«Госдуме нужны профессионалы»

Имя Александра Борисовича Василенко хорошо известно российским нефтяникам и научной общественности. Окончив в 1971 году Серпуховское высшее командно-инженерное училище, более двух десятилетий Александр Борисович отдал советским вооруженным силам, а после почти столько же лет трудился в ОАО НК «ЛУКОЙЛ», руководя Управлением, потом Департаментом общественных связей... В 2011 году А.Б. Василенко был избран от Нижегородской области депутатом Государственной Думы шестого созыва, в которой до настоящего времени является заместителем председателя Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии.

В этой связи редакция нашего журнала попросила академика РАЕН и Международной педагогической академии, профессора, доктора политических и кандидата философских наук Александра Борисовича Василенко рассказать о себе и ответить на ряд интересных для читателей вопросов.

— Александр Борисович, вы родились вскоре после Великой Отечественной войны, 21 октября 1948 года. Страна возрождалась из руин, учились жить в обстановке «холодной войны». Тяжелые, непростые, но ведь и интересные годы! Как они отразились на вашей семье, на вас лично? Где вы учились, с чего начинали свою «дорогу в жизнь»?

— Наверное, мне на роду было написано быть москвичом. Отец, окончив финансовую академию, служил военным финансистом в разных частях, в том числе в знаменитой Таманской дивизии. Мама, как и положено жене офицера, ездила вслед за ним. А вот бабушка моя по маме жила в Москве, можно сказать, в самом центре ее, на Собачьей площадке — это район всем известного Арбата.

Когда отца перевели в Смоленск, мама должна была рожать. Но смоленские врачи что-то не так сделали, и ребенок погиб. Так что давать жизнь мне мама, от греха подальше, поехала в Москву. И на свет я появился в известном роддоме Грауэрмана, который находился в пешей доступности от бабушкиного жилища.

— Значит, первые шаги вы в Москве сделали?

— Нет, мама меня сразу отвезла в Красный Бор — это военный городок под Смоленском, в котором,

кстати сказать, в годы войны находилась ближайшая к Москве ставка Гитлера. Вот в таком интересном месте я провел детство и окончил начальную школу. Вместе с другими детьми бродил по окрестным лесам, где находили винтовки, патроны, гранаты, снаряды... Случались иногда трагедии: то ногу кому-то оторвет, то руку... Родители, учителя, милиция пытались бороться с этими опасными «развлечениями», однако внушения взрослых мало кого останавливали.

— Но в Москву вы, конечно, к бабушке приезжали?

— Само собой. Более того, с пятого класса я жил у бабушки и учился в 593-й школе, которая прямо напротив американского посольства находилась. Ее называли «испанской», потому что в ней набирали целый класс, углубленно изучавший испанский язык... В Москву меня отправили, когда отца перевели служить в Суворовское училище города Калинина — ныне это Тверь. Служебную квартиру ему, как обычно, долго не могли предоставить, вот родители и «откомандировали» меня на «бабушкины хлеба». Поскольку я уже был «большим», с огромным интересом стал знакомиться с великой нашей столицей. Тогда, собственно, и полюбил Москву — ее улицы и улочки, площади и набережные, ее абсолютно неповторимую атмосферу и жителей.

— Александр Борисович, вы ведь, можно сказать, в «блатном районе» оказались. Никого из советских вождей тех лет случайно не встречали? Вообще, какими тогда были москвичи?

— Знаете, мне почему-то очень запомнилось, что в Москве того времени было много керосиновых лавок и магазинчиков. Город был очень уютным, патриархальным таким... Когда я прочел есенинскую «Москву кабацкую», никак не мог отделаться от впечатления, что это про площадь Восстания написано. Кстати сказать, стихи запрещенного тогда Есенина я впервые тоже в бабушкиной коммуналке услышал. Одним из многочисленных наших соседей был одноногий дядя Саша, так он Есенина читал наизусть — как «Отче наш»! И не он один, что характерно. Многие из тех, кто обретался тогда «на московском дне», читали Есенина и безбоязненно декламировали его стихи.

Из вождей советских сам я никого не встречал. Зато бабушка лично Лаврентия Павловича Берию часто видела. Она трудилась дворником, и на ее участке по улице Качалова находился дом этого всемогущего сталинского соратника. Работа у нее начиналась в пять утра. Через некоторое время домой возвращался Лаврентий Павлович на служебной машине в сопровождении охраны. Бабушка рассказывала, что зимой он всегда был в драповом пальто и шляпе. Выходил он из машины, осматри-

вался, замечал бабушку «на посту» и говорил сопровождающим: «Ну-ка, дармоеды, чего стоите? Помогите старушке убрать тут все!» Здоровенные ребята забирали у бабушки метлу, лопату и с большим рвением принимались чистить весь участок. Причем мели очень качественно, «фундаментально» — как бабушка выражалась. Мало того, весь снег они на территорию бериевского особняка забрасывали... Так что бабушка о Лаврентии Павловиче отзывалась хорошо и разоблачителям его не верила.

— Но школу вы закончили все-таки в Твери. И, наверное, по примеру отца решили стать офицером? В Советском Союзе армейская карьера считалась весьма престижной, ведь так?

— Когда отцу, наконец, дали квартиру, само собой, я вернулся к родителям в Калинин. Но до окончания школы мои учителя и однокашники называли меня «москвичом». Приходилось, конечно, соответствовать: хорошо учиться, вести себя более-менее нормально, участвовать в жизни школы... Точные науки давались мне тяжелее, чем гуманитарные. Особенно нравилась история.

А после школы я действительно по совету отца отправился поступать в серпуховское Высшее командное инженерное училище имени Ленинского комсомола — впоследствии ставшее филиалом Ака-

демии ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого. Было это в 1966 году, училище как раз стало ракетным. Оно и раньше считалось престижным, а ракетная специализация подняла его статус, можно сказать, на недостижимую высоту. Конкурс, соответственно, был весьма приличным, но поступил я сам, без «поддержки» — на факультет летательных аппаратов и технологического оборудования. Учился неплохо и общественной работой продолжал заниматься активно, что в дальнейшем кардинально изменило мою судьбу. Получил квалификацию инженера-механика по конструированию летательных аппаратов, в том числе двигателей к нашим ракетам. Отличные у нас были преподаватели, многие — профессора, доктора наук. Я и по сей день вспоминаю многих из них с огромной благодарностью. Стажировки у нас были отменные — на пермском заводе «Двигатель» имени Свердлова, где делали жидкостные двигатели, в Самаре, ну, и непосредственно на полигонах.

— То есть вы, по сути, первые наши боевые ракеты изучали? А легендарные немецкие «ФАУ» видели? Действительно наш «ракетный щит» создавался на их основе?

— В Серпухове имелись и «ФАУ-2», и другие экземпляры, вывезенные из Германии, и наши раз-

работки на их основе. Все это мы, естественно, осматривали, разбирали, изучали. «ФАУ», кстати сказать, немцы к концу войны до ума так и не довели. Вернер фон Браун — главный конструктор этой системы — свой проект завершал уже в США.

После капитуляции гитлеровской Германии основные научные «трофеи», включая «ракетный архив», «разделили», по понятным причинам, СССР и Америка. По принципу — «кто что нашел, тому оно и принадлежит». Так что базовая школа и у нас, и у американцев, конечно, немецкая. Соответственно, при создании ракет мы с американцами двигались, так сказать, «параллельными курсами». Поэтому ракеты наших стран в принципиальных моментах очень похожи. Не случайно российские жидкостные двигатели — без преувеличения лучшие в мире — подходят ко всем американским ракетам. Для примера можно вспомнить знаменитый РД-180 — жидкостный ракетный двигатель закрытого цикла с дожиганием окислительного генераторного газа после турбины, разработанный в НПО «Энергомаш» имени академика Глушко, которому американцы, как ни быются, никак не могут найти достойную замену.

— После училища вы попали в ракетные войска стратегического назначения. Звучит солидно... А что эти войска представляли из себя в реальности?

Что увидели вы, попав непосредственно в часть?

— Распределился я в 1971 году в Белоруссию, в одну из ракетных дивизий под Гомелем, которая как раз в тот период получала первые подвижные комплексы; их «наследники» — нынешние «Сатана» и «Тополь», которых все наши недруги боятся — и правильно, кстати сказать, делают. Мы, молодые лейтенанты, ставили эти комплексы на боевое дежурство, постоянно перемещались по белорусским болотистым лесам с «точки» на «точку».

Но в войсках я пробыл всего два года. Дело в том, что меня избрали секретарем партийной организации боевого ракетного дивизиона — серьезная политическая должность, примерно подполковничьего уровня. При этом она была выборной. А я — всего лишь лейтенант. И руководство политорганов, которое в те времена имело огромное влияние в армии, стало всячески меня «обрабатывать», чтобы я отказался от секретарства. Мол, послужишь еще, звезд на погоны наберешь, потом и станешь «партийным вожаком»... Но мои боевые товарищи переизбирать меня не захотели. Ситуация сложилась, мягко говоря, патовая, скандальная, а скандалы в армии опасны для всех, не смотря на должности и звания.

Тут как раз в Академии имени Ф. Дзержинского появилась вакансия на выборную должность освобожденного секретаря комитета

комсомола режимного факультета, связанного с ракетным топливом и космонавтикой. В училище у меня остались хорошие друзья, они и помогли. Выбрали меня на этот пост, но войсковую часть, где расчеты постоянно на три-четыре дня заступают на боевое дежурство, просто так не покинешь — дело-то подсудное... В общем, целый начальник политотдела училища генерал Дмитрий Ефимович Решетов в этой «операции» поучаствовал, и командир полка отправил меня в Москву. Таким вот нетрадиционным образом я в 1973 году вернулся в alma mater, как оказалось, чтобы сменить карьеру военного инженера на общественно-политическую и преподавательскую.

— Александр Борисович, ваше училище носило имя Ленинского комсомола, потом вы перешли на комсомольское поприще... Между тем, нынешняя молодежь мало что знает об этой молодежной организации. Нет, шаблоны типа «комсомольцы — молодые помощники коммунистов-большевиков», конечно, многие слышали из разных источников. Но вот вы как человек, непосредственно занимавшийся комсомольской деятельностью, что можете сказать: комсомол на самом деле играл важную роль в жизни советской молодежи?

— Несомненно. Это была мощная, продуманная и целенаправленная система социализации советской молодежи, воспитания высоких морально-нравственных качеств и настоящего патриотизма. Без дураков, как говорится. Недостатков и перегибов, разумеется, в ней тоже хватало. Кстати, часть из них ярко отразил впоследствии писатель Юрий Поляков в своей культовой повести периода горбачевской перестройки «ЧП районного масштаба». Но, на мой взгляд, положительных результатов комсомол все же давал много больше и оказывал подчас решающее влияние на судьбу многих советских парней и девушек.

По своему опыту я могу сказать совершенно откровенно: в нашем училище комсомольская жизнь реально бурлила на всех факультетах, курсанты с удовольствием вели интересную и разнообразную работу. Не случайно с той поры у меня осталось множество ярких воспоминаний, а с большинством из появившихся тогда друзей я сохраняю прекрасные отношения.

Чтобы время не тратить, отмечу только одну важнейшую функцию комсомола, о которой сейчас почти вообще не вспоминают: организация была отличной школой для начинающих руководителей и управленцев. Большинство нынешних менеджеров такой школы лишены, и это, увы, сильно снижает их именно управленческую компетенцию. В комсо-

моле на каждом буквально уровне существовали определенные «фильтры», которые как бы маркировали готовность человека к следующей командной или руководящей ступени, позволяли определить индивидуальные способности, качества, амбиции. Кто-то рос быстро, кто-то медленно, на каждом последующем этапе происходил все более жесткий отсев, причем действовали довольно объективные критерии.

Правда, по мере развития брежневского «застоя» внимания на эти критерии обращали все меньше. Все большее значение приобретали личные предпочтения переродившейся в касту комсомольской элиты, которая зеркально повторяла стиль ее партийных кураторов. В немалой степени именно поэтому партия и комсомол, несмотря на свое подавляющее численное, организационное, наконец, финансовое превосходство, не смогли бороться с активизировавшейся в советском обществе оппозицией, когда наступило время решительных перемен.

— И долго вы «комсомолили»? Какие-то важные события в вашей судьбе произошли в тот период?

— Год с небольшим возглавлял факультетскую организацию, потом был назначен помощником начальника политотдела по комсомольской работе. Тех, кто занимал эту позицию, для краткости именовали «глав-

ными комсомольцами». В иерархии комсомольской номенклатуры должность считалась высокой — на уровне помощника начальника политотдела армии.. Получил звание старшего лейтенанта, стал членом бюро Пролетарского райкома комсомола, был кандидатом в члены бюро Московского горкома комсомола... Но главные события произошли у меня тогда на личном, так сказать, «фронте».

В московском Клубе молодого офицера, который действовал при Центральном доме Советской Армии, мой друг на танцах познакомил меня с девушкой. Родом она была из Хабаровска, училась в Институте управления имени С. Орджоникидзе в Москве. Летом 1973 года она должна была получить диплом и поехать по распределению. Но в июне мы сыграли свадьбу и с тех пор не расстаемся. Через год, в мае 1974-го, у нас родилась дочь, вскоре мы получили первую свою квартиру в Химках... Наверное, как раз такой поток значимых событий и можно назвать «стремительными переменами».

— Так это семейная жизнь побудила вас отказаться от комсомольской карьеры?

— Можно и так сказать — до известной степени, конечно. Я и после женитьбы продолжал еще заниматься комсомольскими делами, даже избирался от ракетных войск

делегатом на Всесоюзный съезд комсомола... Эта деятельность, кроме прочего, усилила мой давний интерес к общественным наукам. Поскольку у нас, как и во всех советских высших учебных заведениях, имелась своя кафедра общественных наук, я поступил туда в адъюнктуру — аналог гражданской аспирантуры — по специальности «научный коммунизм». Окончил ее через три года и распределился старшим научным сотрудником на одну из кафедр. Через время вернулся на свою кафедру общественных наук уже преподавать. Кандидатскую диссертацию по философии я защитил в 1980-е годы в знаменитой Академии имени Ленина. Но свою кафедру в Академии имени Ф. Дзержинского не покинул: служил преподавателем, старшим преподавателем, комиссовался полковником в 1993 году с должности замначальника кафедры... У нас очень сильный коллектив сложился. Что интересно — там мы впервые начали разрабатывать отечественный курс политологии. Все-таки вузы ракетных войск на самом деле концентрировали высокий научный потенциал — и не только инженерный. На нашей кафедре, к примеру, практически постоянно работали четыре-пять защищенных докторов наук, профессоров, что считалось тогда показателем очень солидного уровня. К концу перестроечного периода мы уже всю занимались практиче-

ской политологией, которая на фоне окаменевшей коммунистической догматики воспринималась как сфера научной свободы.

— Недавно был очередной юбилей Михаила Горбачева — инициатора перестройки, последнего Генерального секретаря ЦК КПСС, первого и последнего Президента СССР. Как водится, разгорелась очередная дискуссия о его роли в судьбе России... А чем вам запомнились те годы?

— Неоднозначная личность и неоднозначное время — я бы так охарактеризовал горбачевское правление в целом. Но совершенно точно могу сказать, что уровень освобождения всех, включая и нас, занимавшихся общественными науками, был совершенно беспрецедентным для нашей страны. Сопровождалось это, правда, воистину катастрофическим кризисом всей советской партийно-государственной системы, что, соответственно, и привело к страшным социальным катаклизмам... Не зря же у китайцев, как говорят специалисты-китаеведы, самым сильным проклятием считается такое: «Чтоб ты жил в эпоху перемен».

Если говорить об окончании перестроечного периода, повлекшего за собой развал СССР, то всем тогда пришлось нелегко. И нам, офицерам военных вузов, тоже нужно

было выстраивать жизнь по новым «лекалам». Костяк у нас подобрался динамичный, деятельный — Леонид Федун, Михаил Бережной, Сергей Малюков, Александр Турчинов... Вот мы и стали ездить по городам и весям СССР — читать на договорных началах лекции, вести курсы и семинары. В конце концов, добрались до Западной Сибири. Регион нефтяной, так что главными везде были генеральные директора нефтепредприятий, которых в силу сложных, можно сказать, революционных условий существования «перекрестили» в «нефтяных генералов».

Побывали мы в Когалыме — нынешней столице ЛУКОЙЛА, в Нефтеюганске, где потом обосновался «Юкос», в Ноябрьске — теперь там штаб-квартира «Сибнефти», пообщались практически со всеми «нефтяными генералами». Одним из самых продвинутых в их когорте считался генеральный директор «Когалымнефтегаза» Виталий Гейнрихович Шмидт, который принял бразды правления уже после уехавшего в Москву на повышение Вагита Юсуфовича Алекперова. Со Шмидтом мы особенно подружились и занялись продвижением идеи создания особой экономической зоны в этом регионе.

Конечно, прежде всего, требовалось познакомиться с этим феноменом «вживую», так сказать. Самой перспективной тогда считалась

особая экономическая зона на Тайване. И вот мы с Леонидом Федун, который специализировался на политэкономии, тогда как я — на чистой политологии, получили заграничные паспорта и поехали в буржуазное государство, с которым у нашей страны даже не было еще дипломатических отношений... С этой очень познавательной во всех отношениях поездки, собственно, и началась у нас новая «постсоветская» жизнь.

Федун, продолжавший заниматься созданием модели эффективной экономики особой экономической зоны, однажды познакомился с Вагитом Юсуфовичем Алекперовым, который занимал пост первого заместителя министра нефтяной и газовой промышленности. Так получилось, что прежнего министра сняли, нового не назначили, и Вагит Юсуфович де-факто исполнял обязанности министра... Тогда уже было понятно, что нефтяная промышленность советского образца обречена; требовалось создать принципиально новый механизм существования национальной «нефтянки».

Знакомиться с опытом развития западной нефтяной отрасли Алекперов поехал в Италию, в знаменитую нефтекорпорацию «Эни». Там у Алекперова появилась идея формирования в новых российских условиях вертикально интегрированной нефтекомпании. А Федун взялся за обоснование этого проекта, разра-

ботку организационно-экономической модели, всей необходимой документации и так далее. Так в 1991 году в московской гостинице «Звездная», где тогда размещался ЛУКОЙЛ, была разработана модель первой российской вертикально-интегрированной компании.

— А вы в компанию пришли в 1993-м?

— Да. Леонид Федун покинул кафедру в 1992-м, полностью переключившись на ЛУКОЙЛ, а я, расставшись с армией, стал в 1994-м начальником Управления по связям с госорганами, общественностью и СМИ «ЛУКОЙЛ», в 1995-м — исполнителем директором Департамента по связям с государственными органами, общественностью, СМИ ОАО «Нефтяная компания «ЛУКОЙЛ». На этом посту и работал, пока не был избран в декабре 2011 года депутатом Государственной Думы шестого созыва.

— То есть структура общественных связей компании, которая теперь считается образцовой, под вашим руководством выстраивалась?

— Совершенно верно. Когда я пришел, у меня в подчинении было три человека. Мы определили главные направления — работа со средствами массовой информации, с государственными федеральными, региональными и территориальными ор-

ганами власти и СМИ, с общественными и политическими организациями, разработка и реализация единой информационной, имиджевой, рекламной корпоративной политики, выставочная деятельность, библиотека, корпоративные издания и СМИ, координация благотворительных и спонсорских программ и так далее. Под них и формировалась профессиональная команда самых разных специалистов, в том числе приглашенных... Когда я покидал эту должность в 2011 году, в Департаменте трудились более 80 человек!

— Особенно впечатляют издания ЛУКОЙЛА — богатые, красочные альбомы, научные монографии, буклеты и книги практически обо всех лукойловских предприятиях и трудовых коллективах. Многие, кстати говоря, считают эту деятельность избыточной, не особенно нужной нефтекомпаниям, ухудшающей ее экономику... Что бы вы на это ответили?

— Часть изданий — историко-культурного профиля — это чистая благотворительность, наш вклад в сохранение интеллектуальных и художественных сокровищ России, то есть в укрепление ментальных, духовных, ценностных оснований нашей родины. Каждая социально-ответственная компания заниматься этим, на мой взгляд, обязана про-

сто из уважения к стране и согражданам... Что касается «летописи», тут все еще проще: компания с собственной историей ценится на порядок выше, чем без таковой. Она вызывает больше доверия как у самих ее работников, которые лично участвуют в продолжении и развитии корпоративных традиций, так и у потребителей, интуитивно понимающих, что бережное отношение к прошлому и настоящему компании выступает, в том числе, важной гарантией уверенности в ее будущем. Капитализируются такие вещи через корпоративный брэнд, который давно уже является «самовозрастающей ценностью». Кроме того, любое корпоративное издание или фильм служит разъяснению и продвижению корпоративной политики, что исключительно важно для акционерных обществ.

— Не слишком ли глубоко копаете, Александр Борисович?

— Отнюдь. Я ведь, работая в ЛУКОЙЛЕ, докторскую диссертацию защитил по политологии, в которой касался, в том числе, и этих вопросов. Начиная с 2008 года, сотрудничал с РГУ нефти и газа имени Губкина: в качестве приглашенного профессора читал политологический спецкурс «Нефтяной фактор в мировой политике». Так что все подобные темы находились в сфере моих профессиональных интересов.

— Известно, что вы были инициатором экологического направления PR в лукойловской корпоративной политике... Объясните, что это за направление, и в чем его смысл?

— Нефтяные компании, так или иначе, влияют на экологию территорий своей производственной деятельности, поэтому они и занимаются экологической тематикой. Тут и решение экологических проблем, связанных с добычей и переработкой нефти, тут и повышение качества и экологических характеристик топлива и масел, тут и работа над альтернативными видами топлива, которая в странах Евросоюза, например, уже регулируется на законодательном уровне. В России этого пока нет, но общемировая тенденция рано или поздно захватит и нас, так что правильно было бы заниматься постепенной подготовкой этой «площадки», чтобы потом не допускать глупых просчетов.

— Теперь понятно, с чем вы пошли в Государственную Думу, и почему стали членом Комитета по природным ресурсам, природопользованию и экологии... И все же, почему вы решили сменить надежное место корпоративного топ-менеджера на довольно шаткое кресло депутата Госдумы?

— В армии и потом в ЛУКОЙЛЕ я накопил достаточно богатый опыт

именно политических взаимодействий самого разного рода, состоялся как политолог, получил обширный опыт работы с законодателями и сам участвовал в разработке некоторых законов, имевших отношение к топливно-энергетическому комплексу (ТЭК) страны. То есть, по моему мнению, стал профессиональным политиком. С другой стороны, в компании работа моего Департамента по главным направлениям была хорошо налажена и не требовала уже каких-то стратегических перемен. Поэтому я посчитал, что, в принципе, пока есть силы, разумно попробовать себя на новом поприще. Так родилось решение идти на выборы, которое поддержали мои коллеги, друзья и знакомые.

Руководство компании, узнав о моем желании, не только не стало возражать, но полностью согласилось с тем, что в Госдуме я могу профессионально представлять интересы национального ТЭКа, способствовать эффективному разрешению назревших в нефтегазовой отрасли и промышленности проблем. По-другому и быть не могло, ведь президент ЛУКОЙЛА Вагит Алекперов — великолепный профессионал во всем, что касается нефти, к тому же — управленец и политик высочайшего уровня. Это не лесть, а объяснение, почему меня отпустили в Госдуму: в законодательном собрании страны обязательно нужны профессионалы, знающие подно-

готную отечественного ТЭКа и способные организовать точечные или системные законодательные воздействия с целью развития этой важнейшей для России сферы. Да и касательно любых других сторон нашей жизни — заниматься ими в Госдуме должны профессионалы.

— Мы знаем, что вы решили участвовать в предстоящих осенью выборах в Государственную Думу...

— Да.

— Уверены в победе?

— В результатах всенародных выборов никто не может быть уверен на 100 процентов — даже президент Путин, при всех его действительно потрясающих рейтингах... Мне, собственно, такая уверенность и не нужна. Я знаю, что немалую часть своей прежней программы выполнил, какую-то часть важных вопросов по объективным причинам до нужного решения не довел, но считаю, что смогу это сделать в ходе следующего депутатского цикла. Если удастся убедить в этом моих избирателей, продолжу эту свою работу. Тем более что жизнь постоянно выдвигает новые задачи, и новая моя депутатская повестка обещает быть не менее насыщенной, чем та, с которой я шел на выборы пять лет назад.

Российский избиратель — что бы ни говорила по этому поводу наша

деструктивная несистемная оппозиция — за пролетевшие годы не раз доказывал свою мудрость и зрелость.

— Давайте из политических эмпиреев спустимся на грешную землю. Вот, есть простой избиратель. Он видит каждый божий день — уровень его жизни падает. Стоит в любой магазин зайти — и если ты не топ какой-нибудь нефтекомпании и не представитель властно-чиновничьих кругов, то быстро обнаружишь очередной «сюрприз» в виде повышения цен на товары не самой последней необходимости... Что вы такому человеку скажете?

— Скажу ему вещи очевидные и прозаические. Кризис в мировой экономике, кризис в российской экономике, санкции и контрсанкции — все это, увы, объективная реальность. Не стану скрывать и то, что в российском правительстве экономический блок — не самый поворотливый и ушлый. И Центральный банк России явно не все делает, что ему положено, для санации российской кредитно-финансовой системы, прекращения незаконных финансовых манипуляций и стабилизации рубля. И контрольные органы России, включая соответствующие подразделения в силовых ведомствах, которых, на мой взгляд, более чем достаточно, не слишком результативно, а то

и откровенно плохо выполняют свои функции. Все эти важные звенья госуправления нуждаются в существенной регулировке, в том числе законодательной.

Понятно, что ни один депутат в одиночку и Госдума в полном составе в настоящее время радикально изменить эту ситуацию или хотя бы серьезно повлиять на нее не в силах. Просто потому что нет соответствующих полномочий. Возможно, пришло время подумать о смене самой парадигмы формирования правительства, о передаче Госдуме существенно больших функций и рычагов по контролю за деятельностью министров, государственных служб и ведомств.

Многие депутаты — и я в их числе — считают, например, что правительство могла бы формировать победившая на выборах партия. Имея мандат доверия от большинства избирателей, такое правительство получило бы право проводить в жизнь как минимум экономическую программу, выработанную партийными экспертами и интеллектуалами. Это бы самым серьезным образом простимулировало развитие политической системы в России и, что особенно важно, реального гражданского общества. При таком сценарии автоматически изменится, в том числе, и статус депутата любого уровня — он получит возможность не просто артикулировать мнение различных групп сограждан, что

у нас есть и сейчас, но и реальные рычаги влияния на те или иные общественно значимые ситуации.

Это, конечно, очень общие контуры возможного «переформатирования» законодательной и исполнительной ветвей власти, которые нуждаются в детализации и проработке. Но если такую работу хотя бы не начать, боюсь, в недалеком будущем россиян будут беспокоить не только повышение цен и сокращение семейных бюджетов, но и куда более глобальные проблемы. Английский политик Бенджамин Дизраэли однажды очень точно заметил: «Перемены неминуемы. В прогрессивной стране перемены неизменны».

В общем, я предложу своему избирателю созидательный, эволюционный прогресс, который во многом зависит от вдумчивой законодательной работы депутатов в Госдуме. Это — генеральная задача. А связанные с ней проблемы местного уровня я буду определять и решать непосредственно со своими избирателями — как делал это и раньше.

— Что же, нам остается только поблагодарить вас, Александр Борисович, за обстоятельную и очень содержательную беседу. Желаем вам успешно пройти избирательную гонку. □

Беседовал **Олег Юзифович**

БЕСПРОИГРЫШНАЯ ЛОТЕРЕЯ

Ресторан «Везунчик»

Шеф вышагивал по комнате взад-вперед и причитал:

— Шашлыки, борщи, суши есть у всех, и открывать еще одно такое же заведение — самоубийство! Ресторанов развелось, как грибов после дождя! Хороших поваров — навалом! Все эти супы-пюре, груши в шоколаде, пармезаны в пармской ветчине — этим давно никого не удивишь! Надо добиться, чтобы к нам приезжали из другого конца города! Из других городов! Кто сказал — «нереально»? Ты уволен! Ладно, оставайся, но впредь не говори, что думаешь, а думай, что говоришь!

Наш шеф обожал такие цитаты и бросался ими, даже пребывая в ярости.

Причина его гнева была проста — он только что обнаружил, что мы в «глубоком минусе». Он, правда, выразился несколько иначе.

— Кто-то ведь придумал классную фишку! Но это были не мы! Ресторан с комнатой шумов, а? Там тебе и звуки вокзала, и объявления аэропорта! Посетитель звонит жене: дорогая, я уже на вокзале, меня неожиданно послали в командировку. А сам гуляет ночь напролет!

— Может, добавим к еде вечернюю программу? — несмело спросил кто-то из нас. — Певичку, акробатку с шестом?

— Мерзко, пошло, избито! Мне нужно оригинальное решение! Затмевующее чахохбили, чашушули, люля и соседских танцовщиц! Думай, Федя, думай! Ах, ты не Федя? Тогда тем более — думай! Вот ведь кто-то додумался — держит в зале певчих птиц. В свободном полете. Посетители надеются, что птичка, пролетая над столом, ненароком что-то в тарелку уронит. Тогда — весь ужин за счет хозяина! А, каково? Процвetaют! Хотя, говорят, такого случая ни разу не было!

— Ну, и мы, давайте, тоже — шумы, — предложил кто-то. — Или птичек.

— Исключено! Эти умники свои идеи запатентовали! Поезд ушел, и самолет улетел...

— А давайте преподносить дамам букет цветов или бутылку шампанского. Якобы, из-за соседнего столика.

— Опять хотите устроить тут мордобой? — почти взревел шеф.

— Давайте устроим беспроигрышную лотерею! — сказала одна сотрудница. — При входе каждый посетитель вытаскивает бесплатный билетик, и к заказу ему добавляют еще выигранное блюдо! Можно выиграть мороженое, а можно и запеченного поросенка!

Шеф притормозил перед ней, нахмурился и спросил:

— Где ты такое видела?

— Нигде! Просто я обожаю беспроигрышные лотереи. На ярмарках бывают. Ерунда всякая — шариковые ручки и тетрадки, но всегда есть главный приз, и это так заводит!

— Ты точно не видела это в каком-нибудь ресторане?

— Нет, никогда!

— Вперед, ребята! — Лицо шефа просветлело, он перестал носиться по комнате. — Печатайте билетики! На обороте — название выигранного блюда. Самые дешевые выигрыши... ну, скажем, пирожное, мороженое, конфета. Главный приз — поросенок на вертеле. На шесть персон. И название нашего ресторана будет...

— «Везунчик», — предложил я.

— Гениально! Кто это сказал? Ты? Простой официант? Молодой, да ранний! Повысить в должности! Будешь метрдотелем и нашим пиар-менеджером!

Тут уж я осмелел и посоветовал вдобавок приобрести клетку и посадить у входа в ресторан какаду, которого обучить слову «везунчик».

— Мысль! — воскликнул шеф. — К тому же он никому в тарелку там не нагадит!

Наше супер-пупер заведение открылось через месяц. Уйма времени ушла на поиски подходящего какаду — словарный запас местных говорящих попугаев оказался слишком богатым. Пришлось птицу выписать

из-за рубежа. Какаду научили приветствовать каждого входящего: «Везунчик!» У него это классно получалось.

Сначала посетителям не верилось, что можно просто так прийти, выиграть и прихватить с собой жареного поросенка, но потом многие лично убедились, что это не сказки.

Шеф поступил мудро, первоначально плюнув на прибыль. Пару месяцев он ее вообще не получал. Поросенка выигрывали за вечер два-три посетителя. О более мелких призах и говорить нечего — за небольшую сумму не только ужинали, но и уносили домой бутылку вина, цена которой порой превышала стоимость ужина. Бесплатно!

И вдруг к нам повалил народ! Даже из других городов. За дверь выстроилась очередь. Пришлось срочно соорудить пристройку с двумя новыми залами. Приехали телевизионщики, сделали передачу о нашем заведении (каждый унес с собой блюдо с поросенком). После этого к нам стали попадать только по предварительной записи — за две-три недели. Шеф то и дело цитировал Вивекананду: «Бескорыстие выгодно».

Я и не подозревал, что в мире так много азартных людей. Шеф утверждал, что они не азартные, а халявщики, но пусть это остается на его совести.

... Пишу эти строки, сидя за столом у окна своей виллы в Сен-Тропе, откуда открывается восхитительный вид на Лазурный берег. Я свое отбегал в качестве метрдотеля сети ресторанов «Везунчик», и теперь почиваю на лаврах. Пишу мемуары, любясь восхитительными восходами и закатами солнца над Средиземным морем.

В клетке рядом с моим столом покачивается на перекладине какаду. Тот самый, первый. Время от времени он наклоняет голову, косит на меня влажным глазом и хрипло рявкает: «Везунчик!»

Избавление от ненужного

Подруга рассказала мне, что у нее есть знакомая, которая раз в году избавляется от ненужных вещей. Она считает, что это очень важно.

Приглашает друзей к себе домой и разрешает им взять все, что те пожелают.

— Как? — удивилась я. — Это не отобранные заранее ненужные вещи?

— Нет. Они могут взять любую вещь, имеющуюся в ее доме.

— А не жалко ей будет, если кто-то возьмет или очень ценную, или очень дорогую сердцу вещь?

— Я тоже ее об этом спросила, — ответила подруга. — Она сказала, что нет, не жалко, так как очень важно избавляться от ненужных людей.

Почтовый ящик

Каждый раз, заглянув в почтовый ящик и не обнаружив там письма, она, разочарованно усмехнувшись, мысленно говорила себе: «Полковнику никто не пишет» и возвращалась в квартиру.

Так, раз за разом с грустью отходя от почтового ящика, она написала рассказик: «В один прекрасный день, день ее рождения, в почтовом ящике белело письмо: «Поздравляю тебя, моя милая. Не грусти. Посмотри, какой сегодня солнечный день». Письмо было не от него... Но от кого же? Письмо было написано не от руки, а напечатано. Подписи не было. Вскоре она получила еще одно письмо. Потом еще... Письма теперь приходили регулярно. Однажды она даже решила позвонить ему. Нет, он не писал ей. Она поспешила попрощаться. И продолжала ломать голову над тем, кто же ее загадочный друг. Обратного адреса не было. Может быть, это кто-то из соседей? Она оставила ящик незапертым и опустила туда письмо с вопросом: «Кто ты, мой неведомый корреспондент?» Получив очередное письмо, она прочитала ответ: «Это я — твой почтовый ящик».

— Ну, знаете, — сказал редактор. — Это не годится. Так не бывает.

— Но это же фантастика.

— И как вы себе это представляете?

— Как некое иносказание. Неодушевленный предмет пожалел свою хозяйку... Возможно, это даже спасло ей жизнь.

— Ну, не знаю. Сказка какая-то... У Чехова поучитесь. Вот у него рассказы!

— Чехов, да, конечно... Какой его рассказ ваш любимый? — спросила она, почти с благоговением глядя на человека, решавшего ее судьбу.

— «Злой мальчик», например.

«Ему виднее», — подумала она.

Дома она порвала рукопись и принялась перечитывать Чехова.

А писем от него, конечно же, не было.

Настал день, когда она перестала ждать, перестала бегать к почтовому ящику и грустно улыбаться, мысленно говоря себе: «Полковнику никто не пишет».

Однажды, много лет спустя, когда появились компьютеры, она в свой день рождения, ранним утром заглянула в электронную почту — там уже было одно письмо. Первой с днем рождения ее поздравила, прислав веселую открытку, безликая система, в которой она зарегистрировала свой почтовый адрес — почтовый ящик...

«Могла ли я тогда подумать, что почтовые ящики действительно будут писать письма?»

Она оглянулась на спящего мужчину. «Могла ли надеяться, что он вернется ко мне?»

Но кто может в дни уныния сквозь непроницаемую пелену неизвестности увидеть будущее... □

Алла Зубкова

Одни называли его полужверем, другие — полугением. Он вызывал ужас и отвращение у одних и восхищение у других. Мало кто из правителей России оставил столь же глубокий след в народном сознании, как Иван IV, еще при жизни прозванный Грозным. Более четырех столетий не умолкает спор об этом человеке, поражающем сочетанием,

Ивана Грозного

казалось бы, несоединимого. Чудовищная жестокость, цинизм, коварство и блестящий ум. Широкие планы государственных преобразований и глубокий кризис, в котором он, умирая, оставил страну. Истовая религиозность и почти патологическое сластолюбие, уникальный в истории русских самодержцев феномен многоженства. Разве всего этого мало, чтобы возбудить интерес к яркой фигуре властителя? Тем более что коснемся мы той стороны жизни грозного царя, которую строгие исторические исследования оставляют обычно за скобками. Окрашенные же фантазией авторов, нередко очень талантливых, художественные произведения, рисующие частную жизнь и быт Ивана Васильевича, порой грешат неточностями, искажениями, а то и прямым вымыслом.

Но сначала немного о детстве первого русского царя. Ведь до Грозного этот титул не носил ни один великий московский князь. Иван IV родился 25 августа 1530 года. Его отец, Василий III, был Рюриковичем, так что по отцу Иван являлся прямым потомком Владимира Святого и Александра Невского. Мать будущего царя, Елена Глинская, вторая жена Василия III, происходила из татарского, со временем обрусевшего, рода, служившего великим князьям Литовским с конца XIV века. Утверждали, что родоначальник Глинских приходился внуком знаменитому правителю Золотой Орды Мамаю. Однако это была всего лишь легенда. В жилах Ивана текла также и кровь византийских императоров, ведь его бабкой была Софья Палолог.

Уединенной жизни маленького княжича в тереме в кругу мамок и нянек пришел конец 3 декабря 1533 года, когда скончался его отец, кстати, всегда относившийся к сыну с любовью и заботой. После смерти великого князя московского Иван стал главой государства. Разумеется, трехлетний ребенок не мог заниматься государственными делами, они всецело находились в руках его матери, Елены Глинской, управлявшей вместе с советниками его отца. Но мальчику пришлось очень рано участвовать в приемах и церемониях. Он не понимал их значения, но занимал в них центральное место. Уже через несколько дней по-

сле смерти отца трехлетний Иван принимал послов от крымского хана «и подавал им мед».

Жизнь княжича изменилась, когда весной 1538 года скончалась его мать. Мальчик остался сиротой. В последовавшей затем жестокой борьбе за власть победила группировка князей Шуйских. Они и стали опекунами маленького Ивана. Бояре открыто расхищали его казну. Будущему царю пришлось испытать немало обид. Иван вспоминал, что его и младшего брата Юрия бояре содержали «яко убожейшую чадь», ограничивали их в пище и одежде.

Бояре без должного уважения относились к малолетнему князю. Ивану было 8 лет, и он на всю жизнь запомнил, как в его присутствии Иван Шуйский «сидел на лавке, локтем опершись на отца нашего постелю, ногу положа на стул».

В атмосфере насилия, царившей во дворце, созревал будущий деспот, мстительный, вспыльчивый и жестокий. На его глазах мучили людей. Он пока еще не мог этого делать и ограничивался животными. Большим удовольствием для него было бросать из высоких теремов Кремля собак и смотреть на их предсмертные судороги. Опекуны не только не мешали ему предаваться подобным забавам, но даже поощряли его. Однако вскоре в роли жертв пришлось оказаться им самим. Бояре уже трепетали перед тринадцатилетним отроком, который за «невежливое слово» мог и «язык урезать».

Ивану было всего семнадцать, когда он вступил на великокняжеский престол.

Теперь мы мысленно перенесемся в цитадель русских государей — Московский Кремль и бегло ознакомимся с порядками и обычаями двора Ивана Васильевича.

Двор этот пышностью и численностью превосходил все, что иностранные послы могли видеть в других странах. Множество придворных в одеждах, украшенных золотом и драгоценными камнями толпились в тесных палатах, просторных дворцовых сенях, заполняли пространство вокруг дворца. Во время приемов царь, увенчанный тиарой, с высоким посохом в руках восседал на троне, поддерживаемом фантастическими зверями Апокалипсиса. Над

тронном висел образ Богородицы, по правую сторону его — образ Спасителя, на стенах были изображены библейские сцены. Все это придавало палате вид храма. По бокам трона стояли молодые телохранители — рынды в белых бархатных или атласных кафтанах, в высоких белых шапках, со вскинутыми на плечи серебряными топориками.

Личные покои царя занимали верх дворца. В остальной его части и во флигеле проживали придворные и должностные лица. Они делились на различные «приказы» и ведали как содержанием двора, так и управлением страны в целом. Придворные должности были многочисленны. Еще легендарный летописец Нестор упоминает о «стольниках», чьей обязанностью было вносить кушанья,

которые затем уже подавались князю и гостям «кравчими» и «окольничими». Но с древних времен у «стольников» были и другие обязанности. Их посылали в чужие страны в качестве послов, им поручалось управление целыми областями. На втором

думными дьяками. В самом низу иерархической лестницы стояли дворецкие, которые, наряду с другими обязанностями, должны были хранить государеву казну.

Грозный обладал баснословными сокровищами. Груды жемчуга, изу-

После смерти великого князя московского Иван стал главой государства. Разумеется, трехлетний ребенок не мог заниматься государственными делами, они всецело находились в руках его матери, Елены Глинской, но ему все равно приходилось участвовать во всех приемах и церемониях

месте стояли «спальники» и «постельники», одевавшие и раздевавшие государя и смотревшие за его постелью. «Спальник» входил в состав ближайших советников, а «постельник» хранил государственную печать. Оба спали в царской опочивальне.

«Окольничие» появились лишь в середине XIV века. На них также лежали разнообразные обязанности, большей частью судебного порядка. Для ведения текущих дел у государя были еще стряпчие. Они во время церемоний несли его скипетр, поддерживали мантию, следили за его оружием. Ниже их по служебной иерархии стояли дьяки и подъячие, люди ученые, то есть умеющие читать и писать. Их брали писцами в «приказы». Некоторые из них заседали в боярской думе и назывались

мрудов, рубинов, горы золотой посуды, сотни золотых чаш, украшенных драгоценными камнями. Эти богатства накапливались московскими великими князьями в течение нескольких поколений и, как правило, хранились взаперти. Их извлекали из сокровищниц лишь в редких случаях, главным образом, чтобы поразить иностранцев. Английский путешественник Ченслер был свидетелем отъезда из Москвы в Варшаву посольства из пятисот всадников, одетых с неслыханной роскошью. Одежда на них была из золотой и серебряной парчи, седла бархатные, расшитые жемчугом. Все эти богатства были взяты из великокняжеского хранилища, и после завершения посольской миссии должны были быть возвращены туда «без пятен и дыр».

Сидя за царским столом, посол Елизаветы I Английской ел с золотых блюд и оценил в 400 фунтов стерлингов (колоссальные по тем временам деньги) два драгоценных кубка, ходивших по рукам пирующих. Царь ел за отдельным столом из литого золота. Сразу были внесены сто золотых блюд. Однако англичане были поражены не только этим богатством. На столе не было ни тарелок, ни приборов. Русские вельможи носили у пояса нож и ложку.

Согласно церемониалу, в начале пира царь, перекрестившись, брал себе кусок мяса, нарезанного «кравчим», затем лично угощал некоторых почетных гостей и наблюдал, как подают кушанья другим приглашенным. Разносящие яства каждому говорили: «Жалует тебя государь сим блюдом». Получивший поднимался и благодарил. Та же процедура повторялась и с напитками, о которых взыскательные иностранцы были очень высокого мнения. Вместе с тем, необходимость сидеть за столом пять-шесть часов и пить из всех посылавшихся царем чаш удручала самых выносливых послов. Кроме того, был обычай после пира посылать почетным гостям кушанья и напитки, которыми они делились с царскими посланниками. Как-то один посол германского императора получил сразу шесть чаш романи, столько же рейнского вина, мускатного, белого французского, канарского, аликанте и мальвазии, а также двенадцать ковшей ме-

ду высшего качества. Кроме того, послу было доставлено восемь блюд жареных лебедей, столько же журавлей со специями, несколько блюд жареных кур без костей, глухарей с шафраном, рябчиков в сметане, уток с огурцами, гусей с рисом, зайцев с лапшой, лосиных мозгов, множество пирогов с мясом, различные сладости, желе, кремы, засахаренные орехи и фрукты. Неплохая закуска после обильного пира!

При дворе, впрочем, как и в боярских палатах, пиры, с их неумемным обжорством и пьянством, были одним из любимых развлечений. Разумеется, существовали и другие светские развлечения, хотя церковь косо смотрела на них. При царском дворе играли в шахматы, шашки и карты, занимались охотой с гончими и борзыми. Очень любима была охота с соколами и кречетами. Охотились и на медведя. В ходу были забавы и иного толка. В каждом богатом доме тогда держали одного или несколько шутов, развлекавших хозяев. У Ивана их были десятки. Некоторым пришлось поплатиться жизнью за неудачную шутку или стремление быть запанибрата с грозным царем. История сохранила имя одного из таких шутов. Звали его Гвоздевым, и был он, кстати, княжеского рода. Однажды для «забавы» Иван вылил ему миску горячих щей на голову. Несчастный закричал от боли. Иван, который был нетрезв, ударил его кинжалом. Шут упал на пол, обливаясь кровью. Позвали лекаря.

*Первая жена
Ивана
Грозного —
Анастасия
Захарьина*

«Вылечи моего верного слугу, — сказал ему Иван. — Я с ним неловко пошутил». «Так неловко, что уже ни Бог, ни Ваше величество не заставите его играть», — ответил лекарь. Гвоздев умер. Так развлекался грозный царь.

После московского пожара 1547 года, почти совсем уничтожившего

Кремль, Иван IV некоторое время жил в Воробьеве, пока ему строили деревянные хоромы и восстанавливали кирпичный дворец. В 1565 году, когда была учреждена опричнина, Иван решил построить новое жилище подальше от старого. Место для дворца было выбрано на Воздвиженке близ нынешних Троицких

ворот. В 1567 году он поселился в новом дворце, но прожил там недолго. Он вообще не очень любил жить в Москве, предпочитая Коломенское, любимую резиденцию своего отца. Туда Иван ездил ежегодно 29 августа (по старому стилю) праздновать свои именины. Нравилась ему и Вологда, стоявшая на реке того же названия. Ему была по душе дикая и суровая красота тех мест. На одном из холмов он приказал выстроить для себя большой деревянный дворец. Там же был возведен и собор по

образу Успенского в Кремле. Позднее Иван IV остановил свой выбор на Александровской слободе, которая стала его второй резиденцией.

Но об этом потом, а пока мы вернемся в Кремль и расскажем о покоях, в которых жили царицы.

Двор царицы состоял только из женщин, за исключением нескольких пажей, не старше 10 лет. Первое место здесь принадлежало боярыне, которая берегла казну и смотрела за постелью. На втором месте стояла «кравчиня», наблюдавшая за всем персоналом дворца. Она управляла обширным штатом мастериц, отдавала приказания «постельницам» и спала в опочивальне царицы. Она же сопровождала государыню во время ее довольно редких выездов.

Самой большой и светлой комнатой в отведенной для царицы части дворца была рабочая комната. К ней примыкали светлицы. В них помещалось до полусотни белошвей, шивших белье, и золотошвей, вышивавших золотом, серебром и шелком. Это было нечто вроде художественной мастерской, равно как и помещавшаяся в одном из дворцовых флигелей иконописная палата. Она была, в одно и то же время, мастерской и своеобразной академией художеств. В светлицах царицы также вышивались иконы, причем с таким мастерством, которое и сегодня вызывает восхищение и удивление искусствоведов.

Но кто же занимал эти покои при Иване Васильевиче?

Слева:

*Вторая жена —
Мария
Темрюковна
Черкасская*

*Третья жена —
Марфа Собакина*

Иван IV был женат семь раз. Семнадцатилетним юношей он взял себе в жены Анастасию Захарьину, происходившую из не очень родовитого боярского рода. Венчание проходило в Благовещенском соборе Московского Кремля. Царица была моложе Ивана, очень миловидна и кротка. Об отношениях Ивана и Анастасии пишут по-разному. Многие авторы исторических романов, безусловно, чрезмерно идеализируют этот союз. Они рисуют царя Ивана человеком, который едва ли

не по всем серьезным политическим вопросам советовался с женой. Так, разумеется, быть в то время не могло. Да и по своему характеру Иван мало походил на человека, который принимает решения, советуясь с кем бы то ни было. С другой стороны, явным преувеличением представляются и сцены безудержного разврата, которому Иван, якобы, стал предаваться едва ли не через три недели после свадьбы. Эта точка зрения своей основой имеет предысторию брака царя. Бояре усиленно

стремились отвлечь его от дел правления и за четыре года бояре «соватали» ему несколько сот девиц. Что же касается брака с Анастасией, то Иван по-своему, безусловно, любил жену, хотя и не был без греха. В своей знаменитой переписке с князем Курбским, в ответ на обвинение князя в супружеской неверности, Иван IV писал: «А буде молвишь, что яз о том не терпел и чистоты не сохранил, ино вси есмя человецы». То есть все мы люди — человеки, и все не без греха.

коламска, Ржева и Твери. Одна из этих поездок закончилась трагически. Дело в том, что в конце 1552 года у Ивана родился первенец, названный при крещении Дмитрием (не путать с царевичем Дмитрием, рожденным от седьмой жены царя Марии Нагой). Иван дал обет поклониться мощам чудотворца Кирилла Белозерского. Весной следующего года Иван с женой, не оправившейся еще от родов, и с грудным ребенком отправился в далекий путь на Белоозеро по Яхроме, Дубне, Волге

Грозный обладал баснословными сокровищами. Груды жемчуга, изумрудов, рубинов, горы золотой посуды, сотни золотых чаш, украшенных драгоценными камнями. Эти богатства накапливались московскими великими князьями в течение нескольких поколений и, как правило, хранились взаперти. Их извлекали из сокровищниц в редких случаях, главным образом, чтобы поразить иностранцев

Иван и Анастасия прожили вместе 13 лет. За это время царица родила Ивану IV трех дочерей, умерших в младенчестве, и трех сыновей — Дмитрия, Ивана и Федора. Супруги очень часто ездили на богомолье. Обыкновенно два раза в год они посещали Троицкий Сергиев монастырь, а, в общем, совершали по 5–9 поездок, проводя в них иногда недели. Особенно по душе им были обители Можайска, Воло-

и Шексне. На обратном пути при пересадке с одного судна на другое Дмитрий, по неосторожности мамки, был обронен в Шексну, захлебнулся и погиб. Младенца похоронили в Архангельском соборе. Анастасия же умерла в августе 1560 года. Иван был уверен, что ее отравили, почти все историки придерживаются того же мнения, однако высказывается и предположение, что смерть царицы могли ускорить

*Четвертая
жена —
Анна
Колтовская*

частые роды и паломничества по настоянию царя, не желавшего считаться с состоянием здоровья царицы.

Иван Васильевич очень тяжело переживал потерю жены. Во время похорон он шел за гробом, плакал, рвал на себе волосы. Однако уже довольно скоро летописец бесстрастно сообщает, что после смерти Анастасии «нача царь быть яр и прелюбодействовал зело».

Высшее духовенство и бояре стали слезно умолять царя вступить во второй брак. При выборе новой супруги царь руководствовался соображениями государственной выгоды. Правда, и Польша, и Швеция, куда он направил своих послов с предложением руки и сердца тамошним принцессам, ответили отказом. Тогда Грозный принял решение взять в жены дочь кабардинского князя Темрюка. Кученей, как звали

*Пятая жена —
Анна
Васильчикова*

девушку (в крещении Мария) поразила Ивана IV дикой красотой и грацией. Кроме того, брак этот был весьма выгоден политически. Темрюк Айдарович, старший князь Кабарды, мог быть полезен в борьбе против крымского хана Девлет-Гирея, угрожавшего Руси, а его сын (в крещении Михаил Черкасский) уже служил в Москве, командуя крупным отрядом конницы.

Бракосочетание состоялось в августе 1561 года. Мария была полной противоположностью кроткой Анастасии. Летописцы утверждают, что

царица отличалась необузданным нравом и жестокостью. Она любила наблюдать за «потехами», до которых был так охоч ее грозный супруг, к примеру, медвежьей травлей и тому подобным. Ее неоднократно видели на кремлевских стенах, откуда она жадно наблюдала за сценами публичных казней на Красной площади. Мария родила Ивану IV сына, нареченного Василием, который умер во младенчестве. Сама Мария Темрюковна скончалась в сентябре 1569 года. Опять-таки было объявлено, что царицу отравили, хотя у истори-

ков на этот счет есть серьезные сомнения. Любопытно, что сам Иван Васильевич особой скорби по поводу смерти царицы не выказывал. В это время он почти безвыездно жил в Александровской слободе среди приближенных опричников. Образ жизни его в этой необычной обители достоин более подробного описания.

Царский дворец в Александровской слободе представлял собой нечто среднее между крепостью и

сторон в церковь спешили опричники. Звон замолкал. В тускло освещенном лампадами храме начиналась служба, которая длилась часа три-четыре. Служил священник, и царь так усердно бил поклоны, что на лбу у него постоянно была опухоль. Такого же усердия он требовал и от «братии». Опричников, уклонявшихся от посещения службы, ждало суровое наказание — заключение в сыром подвале почти без пищи на 10–15 дней.

Разный вообще не любил жить в Москве, предпочитая Коломенское, любимую резиденцию своего отца. Туда он ездил ежегодно праздновать свои именины. Нравилась ему и Вологда, с ее дикой суровой красотой. А позднее Иван остановил свой выбор на Александровской слободе, ставшей его второй резиденцией

монастырем. Кругом возвышались прочные стены с бойницами, из которых выглядывали жерла пушек. На вышках дежурили дозорные. Триста отборных опричников были объявлены царем иноками. Себя он назначил игуменом, князя Вяземского — келарем, Малюту Скуратова — пономарем. Всем были сшиты рясы, скуфьи и прочие предметы иноческого облачения. Почти каждую ночь в четыре часа царь, в сопровождении Малюты и царевича Ивана, поднимался на колокольню и начинал звонить в колокол. Со всех

Служба кончалась в 7–8 часов утра. Затем все отправлялись в соборную «трапезную». Здесь начинался завтрак. Царь не принимал в нем участия. Он становился за аналой и читал жития святых. За завтраком вино лилось рекой, и к девяти часам, когда пора была отправляться к обедне, «братия» уже была в довольно приподнятом настроении. После обедни, во время которой царь опять фанатично бился лбом о каменный пол, все снова собирались в трапезную или царские покои. К этому времени иноческие одежды сбрасывались.

*Шестая жена —
Василиса
Мелентьева*

Справа:

*Седьмая жена —
Мария Нагая*

Блистали парчовые кафтаны, золотое шитье и драгоценные камни. Во время обеда настроение еще больше повышалось. Появлялись женщины, и часам к трем помещение оглашалось визгом, хохотом и непристойными песнями.

Собственно говоря, Александровская слобода не была лишь местом разгула и оргий. Иван всегда проявлял большую склонность к монастырской жизни, но при этом его аскетические стремления легко уживались с вольностью нравов, свойственной некоторым монастырям того времени. Для Ивана IV, как и для большинства людей его эпохи, крайнее благочестие искупало крайний

разврат и даже садизм. Если верить летописцам, Басманов и Скуратов, к примеру, заставляли крестьянских девушек голыми гоняться за курами и пронзали их стрелами. А сам грозный властитель в застенках крепости получал не меньшее наслаждение, наблюдая за пытками заключенных. Полагают, что порой он и сам заменял палача.

Были в слободе и другие развлечения, носившие более невинный характер — охота, игры скоморохов, потеха с медведями. Хотя последние нередко тоже заканчивались кровью, ведь медведями травили не только собак, но и людей. Английский лекарь рассказывает о случае,

когда шесть тучных монахов были обвинены в измене и приговорены к борьбе с шестью медведями. Звери растерзали пятерых монахов, и лишь шестой одолел своего противника.

Примерно в это же время Иван Васильевич увлекся еще одной достаточно необычной «потехой». В сопровождении опричников он начал совершать наезды на вотчины бояр. Оправдывались эти наезды, разумеется, поиском крамолы. После трапезы пьяная орда вскакивала на коней с и дикими криками скакала куда глаза глядят. Они врывались в первую попавшуюся на их пути усадьбу. Конечно же, царя встречали с большими почестями. Его приглашали в лучшие палаты, выносилось богатое угощение. Но все эти посещения заканчивались одинаково. Иван, придравшись к какой-нибудь мелочи, приказывал своим спутникам «пощупать ребра» гостеприимным хозяевам. Начиналось избиение, причем щадили только красивых молодых женщин и девушек. Царь выбирал одну или двух, а остальных отдавал опричникам... Эти поездки Иван называл «выбором жен».

Сложная и противоречивая натура царя, однако, не довольствовалась подобными утехами. Ивану, строгому ревнителю религиозных догм, очевидно, необходимо было время от времени освящать свои плотские грехи церковными обрядами. Осенью 1571 года в столицу, по приказу царя, на торжественный смотр невест съехались сотни боярских се-

мейств. Кстати сказать, древний обычай выбора невест, практиковавшийся еще при дворе византийских императоров, был возрожден на Руси отцом Ивана, Василием III. Именно таким образом он выбрал себе в жены мать Ивана, Елену Глинскую.

Для приема боярышень отводились огромные палаты с многочисленными комнатами. В каждой из них стояло по двенадцать кроватей. Обычно собирали от пятисот до тысячи пятисот красавиц. На подобной же церемонии в 1547 году Иван выбрал свою первую жену, Анастасию. Теперь он удивил всех, выбрав себе в жены Марфу Собакину, боярышню из не очень знатного рода.

Но буквально через две недели после пышной свадьбы новая, третья по счету жена Грозного, неожиданно умерла. Снова поговаривали об отравлении. Некоторые источники обвиняли в злодеянии брата второй жены Ивана, Марии Темрюковны,

лось, как признать новый союз. Впрочем, они наложили на Ивана епитимью — сто поклонов в день. Но Иван и без того клал ежедневно сотни поклонов, так что наказание вряд ли показалось ему обременительным.

Б

рачный список Грозного превысил список самого женолюбивого монарха Англии Генриха VIII, который был женат шесть раз. В 1580 году Иван Грозный повел под венец юную дочь одного из своих вельмож, Марию Нагую. Это был его седьмой брак

Михаила Черкасского. Так это или нет, сказать трудно, однако летописи свидетельствуют, что князь Черкасский скончался в том же 1571 году. Неизвестно только, погиб ли он в бою с татарами или был казнен.

Столь стремительное вдовство несколько опечалило, но не обескуражило Грозного. Через полгода, в феврале 1572-го, Иван, которому исполнился тогда сорок один год, повел к венцу боярышню из Костромы, Анну Колтовскую. Православная церковь в те времена признавала законными только три брака, и как же повел себя в этой ситуации царь? Надо сказать, довольно остроумно. Он заявил, что Марфа, скончавшаяся через две недели после свадьбы, умерла девицей, а потому третьего брака как бы и не было. Священникам ничего не остава-

Новая царица прожила в кремлевском тереме три года. Затем ей было предъявлено обвинение в заговоре против царя, и ее заточили в женский монастырь. Более пятидесяти лет провела Анна в женском монастыре в Тихвине под именем инокини Дарьи и умерла в 1626 году, уже после воцарения Романовых. Почти сразу же после пострижения Колтовской сорокачетырехлетний Иван IV взял в жены дочь князя Петра Васильчикова, Анну. Он уже не испрашивал на этот раз согласия высшего духовенства, так как не сомневался в отказе, и лишь заручился разрешением своего духовника, который побоялся ему перечить. Но Анну царицей не признавал никто, и вскоре она скончалась от какой-то болезни. Правда, на этот раз об отравлении не было даже речи.

Женолюбивый царь быстро нашел ей замену, потребовав у своего духовника обвенчать его с вдовой своего приближенного, Василисой Мелентьевой. Судьба этой красавицы вдохновила А.Н. Островского на создание пьесы о ней, которая так и называется — «Василиса Мелентьева». Кстати, некоторые авторы утверждали, что за измену царь якобы приказал заживо похоронить Василису. На самом деле царь «всего-навсего» заточил Василису в монастырь.

Читателю наверняка интересно, как выглядел Иван Грозный. Сведения о его внешнем виде весьма противоречивы. По словам русских современников, он был сухощав, иностранцы же изображают его довольно полным человеком. Возможно, такое различие взглядов объясняется несходством, так сказать, мерок и стандартов, принятых теми и другими. Русские люди того времени отличались большей дородностью, чем иностранцы, отсюда и различия в оценках. О росте Ивана все свидетельства сходны. Он был довольно высок, хорошо сложен, с широкой грудью. У него был длинный, орлиный нос и небольшие, живые и пронзительные, голубые глаза. Он носил большие усы и густую рыжеватую бороду, которая заметно поседела к концу его царствования. Голову свою Иван Васильевич брил наголо.

Летом 1580 года брачный список Грозного превысил список супругов самого женолюбивого монарха Англии, Генриха VIII, который был же-

нат шесть раз. Грозный в свои пятьдесят повел под венец юную дочь одного из своих вельмож, Марию Нагю. Это был его седьмой брак. Правда, к чести русского самодержца, следует отметить, что, в отличие от Генриха VIII, он, насколько

*Смерть
Ивана
Грозного*

это известно, не казнил ни одну из своих жен.

Здесь как раз уместно будет заметить, что союз с Англией был едва ли не навязчивой идеей у Грозного. Чтобы добиться такого союза, он готов был пойти на многое. Даже предлагал руку и сердце королеве Елизавете, дочери уже упоминавшегося Генриха VIII и Анны Болейн, которой Генрих приказал отрубить голову.

Елизавета дипломатично отклонила это предложение, однако Грозный не успокоился. Узнав в 1581 году, что у Елизаветы есть племянница, Мэри Гастингс, он решил посвататься к ней. Переговоры длились достаточно долго. Английская сторона напомнила Ивану, что он женат. Кстати, как раз в это время Мария Нагая родила Ивану сына — царевича Дмитрия. Иван, однако, зая-

вил, что его брак с Марией не признан церковью, а, следовательно, не законен, и если Гастингс согласится приехать к нему в Москву, он удалит от себя Марию Нагую. К счастью для Марии, Иван получил из Лондона вежливый отказ.

Примерно в это же время в жизни Грозного произошла большая трагедия. В приступе дикого, неконтролируемого гнева он собственноручно убил своего старшего сына и наследника Ивана. К тому времени у Грозного из всех его детей осталось всего два сына — старший, Иван, и Федор, болезненный и не очень сильный умом. Он редко появлялся в царском окружении и во время всех поездок отца не сопровождал его, а оставался в Москве. Совсем иным было отношение царя к старшему сыну, который находился при

отце, присутствовал вместе с ним на приемах иностранных послов, участвовал в военных походах. Говорят, что характером царевич очень сильно походил на Ивана Васильевича.

Историки до сих пор спорят о причине, вызвавшей ярость царя. Согласно одной версии, царевич слишком настойчиво требовал от отца войско, чтобы сразиться с армией польского короля Батория, чуть ли не впрямую упрекая отца в трусости. Грозный вспылил и взмахнул своим посохом с острым железным наконечником. Роковой удар пришелся царевичу прямо в висок. Ему было двадцать семь лет. По другой версии, Иван будто бы встретил свою беременную невестку Елену Шереметеву во внутренних покоях дворца и заметил, что ее одежда не вполне соответствует приличиям того времени. Возможно, она при своем положении не надела пояса на сорочку, или же на ней была одна рубашка вместо положенных двух или трех. Оскорбленный подобным «непотребством» царь, строгий ревнитель нравственности, с такой силой ударил ее, что она на следующий день преждевременно разрешилась от бремени. Царевич, естественно, вступился за жену, чем и вызвал гнев отца.

Кстати, Елена Шереметева была уже третьей супругой царевича. С первыми двумя женами он вынужден был расстаться по настоянию отца. Грозный сослал их в монастырь.

Иван IV очень тяжело переживал смерть сына. Ведь теперь его наследником становился болезненный и слабоумный Федор.

Последний день жизни Грозного известен историкам более или менее хорошо. Он протекал за обычными занятиями. Царь занимался делами, а, освободившись, в три часа отправился в баню. Оттуда он вышел около семи и позвал своего любимца, дворянина Родиона Биркина. Принесли шахматы. Неожиданно царь вдруг ослабел и повалился навзничь. Наступило всеобщее замешательство, поднялся крик. Кто-то посылал в аптеку за розовой водой, кто-то за духовником и лекарями. Но когда они явились, царь уже скончался. Скорее всего, причиной смерти был удар. Правда, некоторые современники и историки подозревают, что Грозного отравили. Называют фамилии боярина Богдана Бельского и Бориса Годунова. Вряд ли эти обвинения имеют под собой почву. Хотя Годунову действительно была выгодна смерть царя, однако, как утверждают серьезные историки, у него не было реальной возможности отравить Грозного. Бельскому же просто ни к чему было это делать, поскольку со смертью царя он терял все.

Как бы то ни было, Иван IV, Грозный, скончался. Это случилось 18 марта 1584 года в его дворце в Кремле. Русь ждали тяжелые испытания Смутного времени ... □

ВЫСТРЕЛ

На спиритический сеанс Володя попал случайно. Точно по расписанию, что бывало редко, он вышел из здания УВД и пошел, как всегда, по центральной улице, хотя жил он теперь далеко, и разумнее было бы сесть на троллейбус. Но он любил проходить здесь — нет, «любил» — не то слово, вся душа его теплела при виде этих старых домов, среди которых прошло его послевоенное детство, где жизнь и чувства каждого были открыты другим — здесь всегда вместе пели, плясали, смеялись, горевали и плакали... Он помнил все — к кому, когда и как вернулись с фронта отцы, а кто остался сиротой, кто на ком женился, у кого кто родился, кто и как ушел из этой жизни... Помнил, как дядя Шура, покалеченный еще в первый год войны, плясал с молодой и красивой тетей Валею, белокурой и голубоглазой, и баянист из соседнего дома тоже не сводил с нее глаз, а она ждала своего дядю Мишу и дождалась... Помнил, как они, ребяташки, лазающие по чужим садам и огородам, нашли однажды дядю Шуру висящим в своем большом и пустом сарае. Тогда решили, что он повесился, никому и в голову не приходило, что могло быть иначе. Наверное, решили правильно, но сегодня Володя, со своим опытом следователя, не отложил бы это дело просто так... А через некоторое время дядя Миша, опьяненный радостью встречи со своей Валентиной, радостью мира и тишины, повез свою семью кататься на грузовике, и во время этой прогулки перевернувшаяся машина задавила их сына Веню, Володиного наставника во всех мальчишечьих делах...

Этот дом их растил, кормил и спасал. Однажды всем двором пошли купаться на Волгу, Володя нырнул с плотов, и там, внизу, нога каким-то образом попала под камень. Он не знал, вырвался бы сам тогда или нет, но ловкие руки Пашки Киселева вызволили ногу и вытащили его наверх. А вот Жанну, прекрасно умеющую плавать, какая-то неведомая сила затащила под пристань. Когда ее хоронили, ребята выпустили белых голубей, и они летели над гробом...

Многие Володины соседи побывали в тюрьме, и не по одному разу, но продолжали воровать. Однако в этом доме никогда ни у кого и ничего не было украдено. Часто приходил «на побывку» Рудик, высокий худой сын тети Нюры, почему-то всегда стеснительный и какой-то загадочный — на свободе он явно не знал, куда себя девать, и через некоторое время исчезал вновь в недрах исправительных заведений. И жену Раю он себе отыскал там же — высокую и худющую, как и он сам. Иногда они освобождались вместе, а порой Рая приезжала одна и жила у свекрови на правах дочери, много работала, много молчала, а в свободное время выходила на улицу, ставила рядом со скамейками что-то наподобие большой деревянной рамы и плела кружево. Потом Володя не раз видел, как работают кружевницы, но так, как Рая, на его памяти кружево не плел никто. А однажды Рудик вернулся один, и они узнали, что Рая умерла в тюрьме. Целыми днями он неподвижно сидел на скамейке, горестно всем улыбался и молчал. У него начали болеть ноги, он не мог ходить, и тетя Нюра взваливала его на себя и тихонько вела домой — выбегали соседи, помогали поднять его на второй этаж...

Володина квартира была рядом, от Рудика его отделяла одна стена. Как-то ночью за этой стеной он услышал топот чужих сапог, плач тети Нюры и тихий голос Рудика, пытавшегося что-то сказать, а потом крики, возню, звон разбитой посуды... Рудика увели, его обвинили в очередной краже, хотя весь дом знал, что в этот раз он не был виноват...

Володин отец всегда считал, что школа МВД, которую закончил сын — это его, отцовская заслуга, это он направил парня по пути, который считал единственно верным. Но Володя-то точно знал, что на эту дорогу его отправил тот тихий голос оправдывающегося Рудика, та смерть Раисы, тот дядя Шура в сарае... Ведь если бы тогда докопались до истины, если бы вовремя поняли, что к чему... Вовремя понять — вот что главное. Теперь он это уже знал. Благодаря своему дому, к которому сейчас приближался. Благодаря его людям, сроднившимся между собой крепче кровных родственников.

Дом был на другой стороне улицы, и иногда Володя переходил через дорогу, чтобы заглянуть в низкие окна к бывшим соседям, кивнуть им,

а если открыта форточка, то и спросить, как дела. Сейчас решил пройти мимо, но тут из ворот показалась сгорбленная фигура Рудика, которому тогда, много лет назад, повезло вернуться живым.

— Дядя Рудольф! — не удержавшись, крикнул Володя. — Привет!

— У! Давай сюда, подруливай! На сеанс идешь?

— Какой сеанс?

— Да спириты у нас собираются. У Тамары Михайловны. Помнишь Тамару Михайловну? Пела еще хорошо? Хор из вас делала?

— Как же, конечно, помню.

— Ну, так они уже давно с ума сходят. Я думал, что ты знаешь. Со всего города иногда собираются. За руки у нее возьмутся в темноте и духов вызывают. Ну, умерших.

— А ты-то сам, дядя Рудольф, был там?

— Да был. Я вообще-то не хотел, но и Тамарка эта, и Валентина, и Лиза — помнишь Лизу-то, вы еще с Геркой с ней дружили, — да и Петька с Пашкой, так вот, они мне сказали, что Райку мою будут вызывать. Ну, я и пошел...

— И что, вызывали?

— Вызывали... Да чего-то не явилась она. Тамарка говорит, надо вызывать тех, кто давно умер, у них, мол, там, в другом-то мире год смерти — это вроде как год рождения. А Райка моя тридцать лет как померла, по тем меркам, младенец еще, сказать ничего не может. А вот князя Потемкина вызывали. И Ивана Грозного. И Наполеона. Ну что, пойдешь? Всех наших заодно бы и увидел.

— Ладно, пошли. Ничего срочного на вечер вроде бы не намечено.

— Погоди только, сейчас Александрову встретим. Помнишь, деревянный дом во дворе стоял, его снесли давно, они внизу жили? Так вот дочка их длинноногая, вся такая фифа ходила, сейчас придет. Экстрасенс. Я слово-то это еле выучил. В Москве живет, а теперь вот на родину прикатила — в отпуск, что ли. Меня встретить ее послали.

Александрова сидела во главе стола, и Володя лихорадочно вспоминал ее имя. Забыл. Жаль, что ее никто не представил. Когда после войны они играли в войну, она всегда была медсестрой с белой сумкой на боку и красным крестом... Вспомнил — Ирина! Ира. В памяти промелькнули смешные эпизоды детства, и он улыбнулся... Как же все замечательно! Вокруг — родные лица. Постаревшие, но такие хорошие, смотрят на тебя понимающими глазами...

Ирина Володю явно не узнала.

— Ирочка, это же Володя Комов! Не помнишь?

— Да? Это вам отец с фронта привез шоколадного зайца?

— Да. Вы откусили ему уши, а я от обиды даже расплакался.

— Как интересно... Ну что, начнем?

— Ира, а, может, плюнем на всю эту чушь и просто посидим, поговорим? В кои-то веки вот так встретились... — предложил Володя.

— Ну, почему же чушь, Володя? Впрочем, если честно, я тоже иногда так думаю и сама над собой посмеиваюсь,— призналась Ирина. — И все же... Разве вы не помните? Моя бабушка умела гадать. Кстати, у нее было восемь сестер, и все обладали каким-то даром, лечить могли. Правда, я их не знала, они все были красавицы и еще до революции удачно вышли замуж, а потом разбежались после переворота кто куда. За границу. Может, мои двоюродные братья, сестры и сейчас практикуют, а, может, и в живых нет никого. Ну а мне моя бабушка кое-что передала. Но сначала — моей тете, Ирине Алексеевне. Помните, мы — я и братишка — с тетей долго жили, когда родители на север уехали...

— Конечно. Привет ей от нас передай, хоть бы раз вместе с тобой приехала, — сказала Тамара Михайловна.

— Теперь уж не передам. Не приедет. Похоронила я тетю.

— Я тебе очень сочувствую, — сказала молчавшая до сих пор тетя Паня, у которой еще и в шестьдесят лет была идея-фикс — выйти замуж. — А муж-то ее, стало быть, один остался?

— Муж? — Ирина как-то странно посмотрела на всех и добавила: — Муж-то ее и позвал.

— Куда? — чуть ли не хором спросили Рудик, Пашка и Петька.

— Ну, что ж... Видимо, присутствие неверующего Володи не дает нам возможность как следует провести сеанс, так что слушайте. Только уж всем придется поверить мне на слово. А вам, Володя, это будет урок. Не все в жизни так просто, как в вашей конторе. Кстати, кем вы работаете?

— Я — следователь.

— О, уважаю! Ну, так вот вам история и урок. Очевидное-невероятное? Нечистая сила? Я до сих пор голову ломаю.

Как вы знаете, тетя уже там, в Москве, вышла замуж. Это был ее второй муж. Мне казалось, она никого до него так не любила. Он был отставной летчик, жизнерадостный весельчак, кладовая всяких забавных историй, анекдотов. Пел хорошо. Знаете, он промелькнул в ее жизни как фейерверк. И погас. Умер. Вроде как грибами отравился. Он любил шумные компании, везде бывал с тетей. А еще они очень любили танцевать. Помните, у нас всегда играл патефон на окне, а вы во дворе танцевали... Так вот, их в гости пригласили, а оттуда его увезли на «скорой»... В ту же ночь он умер.

С тех пор как Володя стал следователем, в его жизни появился «звонок». Это было чисто профессиональное, «звонок» означал — внимание, думай! Тут что-то не так! Тревога! Тревога! Ни разу еще за всю его более чем двадцатилетнюю практику «звонок» его не подводил. Он врывался в голову, раздвигал границы памяти, бежал извилистыми дорожками догадок, интуиции, прятался за оставленными следами, уликами, показаниями, но при этом звенел и звенел, призывая действовать! Так было и сейчас, и Володя мгновенно отреагировал:

— Что показало вскрытие?

— Вскрытие? Да то и показало, что он отравился.

— Чем?

— Ну, там, как оказалось, грибы были такие, что ими иногда травилась. Грибы-то были тетины любимые, черные такие, знаете? Помню, в бабушкиной деревне их раньше все собирали, а в других местах считали поганками...

— А тетя? Она тоже ела эти грибы? — не отступал Володя.

— Вроде бы да. А, может, и нет. Она не помнила. Володя, не у вас одного такие мысли появились подозрительные. Хозяев вечера не раз в милицию вызывали, тетя там что-то подписывала, не помню, что. Ну, хватит об этом. Я, очевидно, уделила слишком много внимания этой трагической случайности. Мороженое можно купить на улице и им отравиться.

— Ну, не скажите, — протянул Пашка. — Мороженое контроль проверяет.

— А после твоего контроля везут его по улице на тележке, какой-нибудь микроб в воздухе в него — шась! — и хана! — вставил Петька, и братья дружно расхохотались.

— Я ведь не о том хочу сказать, — продолжила Ирина, — а о таинственном, необъяснимом, что за этим последовало.

Однажды тетя пришла ко мне рано утром очень взволнованная и сказала, что слышала во сне дядин голос, который произнес буквально следующее: «Я умер, но я есть. Если ты хочешь увидеться со мной, приходи к кинотеатру сегодня ровно в три часа». И кинотеатр назвал. И еще будто щелчок ей потом послышался. Я тогда собиралась на работу и не придавала этому никакого значения. Только спросила — пойдешь? Она кивнула. Мы вышли вместе, я проводила ее до рынка — она хотела купить продукты для своей приятельницы, одинокой старой женщины, у которой тетя очень любила бывать. Я не знала, что вижусь с ней в последний раз. Дальше уже говорю все со слов той приятельницы. Тетя пришла к ней, они стали готовить обед, как это делали раньше, в коммуналке, заговорились, время прошло незаметно, и когда тетя взглянула на часы, было уже ровно

два. К трем она уже не успевала пешком, поэтому вызвала такси. А приятельница, которой тетя все рассказала, решила поехать вместе с ней, поддержать подругу в таинственную минуту.

Было без двух минут три, когда показался кинотеатр. Тетя стала просить, чтобы таксист высадил их поскорее, но машину нельзя было остановить, надо было проехать мимо кинотеатра и повернуть направо, к стоянке, это заняло бы минуту-другую. Водитель медленно ехал в правом потоке машин, и тут, когда часы показали ровно три, тетя с силой открыла дверцу, выпрыгнула из салона и кинулась к бордюру, на ходу поднимая юбку, чтобы через него перелезть. Вот тут-то все и произошло. Какая-то иномарка подняла ее мгновенно вверх и бросила назад, в гущу других автомобилей, которые подмяли ее под себя... А потом вдруг раздался миллисекундный свисток, и молчаливая толпа окружила неподвижное тело тети. На часах было ровно три...

«Звонок» не умолкал ни на секунду, Володя обдумывал свой первый вопрос, когда Тамара Михайловна тихо спросила:

— И что же ты обо всем этом думаешь, Ирочка?

— Знаете, трудно делать выводы, но я думаю, что тетю действительно позвал ее муж, и теперь они вместе. Ведь не раз уже было, что голоса из того мира прорываются к нам, и тогда...

— И где же прорвался этот голос? — решительно проговорил Володя. — Я хочу знать, на каком этаже он прорвался?

— Ну, тетя жила на первом этаже...

— Я убежден, что за всем этим что-то кроется. Я верю, есть иные миры, но все земные трагедии можно объяснить чаще всего преступными намерениями. Об этом надо всегда помнить. Кстати, ту машину нашли?

— Нет. Но... вы, Володя, заиклены на своей профессии. Вам везде видятся преступники и преступления. А ведь голос действительно был, тетя не могла соврать, это не в ее характере.

— Но голос мог раздаваться и с улицы! Ведь первый этаж. Можно встать под окно и изобразить любой голос.

— Предположим, Володя, что вы правы. Предположим. — Ирина вдруг напряглась и с большим усилием выдавила: — Ну а если я скажу вам, что совсем недавно, на днях, я слышала тетин голос на восьмом этаже? Я живу на восьмом...

— И... что же вам сказала ваша тетя? — изо всех сил сдерживая себя, спросил Володя.

— Она сказала, чтобы я в следующий понедельник пришла на закате на ее могилу, в это время она лучше всего может меня видеть, попросила у нее все, что я захочу, и это обязательно сбудется. Я, честно говоря,

приехала сюда не только по делам командировки, но и пришла на сеанс, чтобы спросить тетю, приходит ли мне туда. Дело в том, что потом, позже... — Ирина на секунду задумалась, словно решая, сказать или нет что-то важное, но произнесла лишь дежурное: — Мне почему-то страшно...

Рудик не преминул заметить, что тетя только что умерла, и ее дух вряд ли сможет что-нибудь поведать.

— Да, да... Но...

— И как это ваша тетя не понимает, что в понедельник на кладбище вообще нет народа, а уж на закате тем более, — проговорил Володя. — Всякое может случиться... Я надеюсь, вы туда не пойдете?

— Не знаю, — таинственно улыбнулась Ирина. — Может быть, с кем-то? Нет, наверное, не пойду. Но... что вы скажете про голос?

Володя молчал. Все смотрели на него.

— А у вас есть балкон?

— Да, да! Я тоже задала себе этот вопрос!

— Значит, вы тоже не верили?

— Я... В какие-то моменты я сомневалась... Даже открыла балкон, чтобы проверить, но там, естественно, никого не было. Мне вообще не следовало ничего проверять, этот голос я, скорее всего, слышала во сне...

— А балкон у вас отдельный, или рядом есть еще?

— У нас балконы смежные, парами. Мой, и рядом еще один. Но там совсем недавно поселился совершенно незнакомый парень. И бывает он редко — кажется, студент. А до этого квартира вообще пустовала...

— А кому была бы выгодна, предположим, ваша смерть? — вдруг спросил Пашка, а Володя почему-то вспомнил, как Пашка схватил его за руки и вытащил на берег, какими отборными ругательствами покрывал его, а сам улыбался, потому что, как потом признался, вовсе и не надеялся, что он, Володька, еще живой... Спаситель.

— Моя смерть? Господи, да никому. Наследства я не оставлю, у меня же нет ничего. Три тысячи на книжке были, взяла вот на днях пятьсот рублей...

— А квартира?

— Квартира служебная. Мы даже без ордеров живем. Мебель старенькая — помните, еще продавали гарнитуры румынские «жилая комната». С тех пор и стоит...

— Нет, если рассматривать вопрос под таким углом, то надо говорить о тете, — решительно сказал Володя, снова беря инициативу в свои руки.

— Вот, вот, давайте об этом и подумаем, — вновь ожила разумная Тамара Михайловна. — Нас здесь сколько? Восемь человек... Превратим наши мозги в один коллективный разум...

— А я вам советую все-таки обратиться в милицию, — начал, было, Володя...

— А уж потом думать? — вставил Петька.

В коридоре вдруг залаяла собака. Лай становился все громче и громче, а потом начал стихать.

— Матильда на кого-то лает, — заметила тетя Паня.

— Матильда? — удивился Володя. — Неужели она еще жива?

— Да что ты, Володя! Это уж ее праправнучка, наверное. Матильда почти никогда и не лаяла, чувствовала, что сразу выгонят. Но чужих не больно любила. Твоя бабушка ее однажды в парадном заперла... Ой, Ирина, а ведь знаешь, почему Володькина бабушка Матильду заперла? Потому что твоя бабушка к ней пришла и попросила ее написать письмо под диктовку. Ир, твоя-то неграмотная была, а письмо куда-то далеко писала. Матильда своим лаем не давала им сосредоточиться, вот Володина бабушка и заперла ее.

— Да ладно вам про собаку-то, — вмешался Рудик.

— Я ведь почему про собаку-то, — не унималась тетя Паня. — Твоя-то бабка, Ира, колдовала немного, а собаки таких боятся, чувствуют, что-то нечисто. Они и тогда про колдовство говорили, чего-то искали вместе.

— Да моя бабушка не колдовала! — возразил Володя. — Она не умела.

— Нет, вместе! Ирнина колдовала, а твоя писала. И мой Виталька все около них крутился. Чего это вдруг вспомнилось-то? Что-то важное ведь писали.

— Ира, я тоже твоей бабке как-то письмо писал. Тебе вроде и писал, — сказал Рудик.

— Елки зеленые! Извините, граждане следователи, что отвлекаю, — рисуясь, произнес Петька, — но не о том ли письме речь, что бабушки ваши, закрывшись, несколько вечеров писали? Нам Виталька тогда сказал, что никогда его не гнали, а тут и к столу не подпустили!

— Да ладно, хватит детство вспоминать! Не могу я... Виталька как живой перед глазами... Каюсь, сама виновата, про собаку эту вспомнила... — чуть не заплакала тетя Паня.

— Пойдите, пойдите! И что же вы сделали? — поинтересовался Володя.

— Ха! А догадайтесь, что мы сделали! Думай, Вова, думай! Что тогда твоя мать Пашке-то подарила, вспомни! За то, что он тебя за уши из воды-то вытащил?

— «Любитель»...

— Правильно! Ну?

— Господи, какой еще «Любитель»? — простонала Тамара Михайловна.

— Фотоаппарат. И нас с Раей у огорода как-то сняли. У меня до сих пор фотография сохранилась, — сказал Рудик.

— Ну, и?.. — нетерпеливо подтолкнул Петьку Володя. — И что же?

— А мы решили это письмо сфотографировать! Ух, и ржач был! Примусы-то у всех в парадном стояли. Никого там не было, одна Матильда запертая. Пашка зашел в парадное, взбежал по лестнице, да как заорет — горим, горим! Обе бабки кинулись к дверям, думали, видать, что кто-то примус оставил без присмотра, а Пашка тем временем к столу, и — сфотографировал! Правда, только две страницы, а там еще две были...

— А потом? — хором спросили все.

— Потом? — Петька посмотрел на Пашку, но тот молчал. — Потом не знаю. Не помню...

— Проявили пленку-то? — ухмыльнулся Рудик.

— Не... Точно нет, — уверенно ответил Пашка.

— А почему? — спросил Володя.

— Да я знаю, — вмешалась тетя Паня. — Веню же потом хоронили, пацанам не до этого было. А не у Виталика ли моего ваша пленка тогда осталась? Он ведь вас проявлять-то учил, вы сами не умели. Какая она из себя, может, я вспомню. Виталик в армию ушел, я все его вещи по местам разложила, ничего не выкинула. Так все до сих пор и осталось...

— Она как катушка из-под ниток, только подлиннее, тетя Пань, — пояснил Пашка. — И цвет такой темно-розовый, а сама катушка черная...

— А-а-а... — Тетя Паня, казалось, не расслышала. — Что-о-о? Повтори-ка! И вдруг за спиной Володи неожиданно послышались глухие удары. Кто-то стучал в стену с той стороны. Первым вскочил Рудик.

— Тише вы! Тихо! — Он приложил ухо к стене, повернулся к присутствующим и недоуменно проговорил: — Мама плачет... Что-то случилось... — Потом заколотил в стену: — Мама, слышишь? Я иду, мама! Не плачь!

Рудик бросился к двери и выскочил в темный коридор — а ведь час назад, когда они шли сюда, в коридоре ярко горели лампочки. Он шагнул, было, за порог, но Володя, у которого «звонок» готов был превратиться в колокол, остановил его:

— Погодите, дядя Рудольф. У меня фонарик...

Луч фонарика осветил дощатый пол, порог, отделяющий один коридор от другого, и остановился на бесформенной человеческой глыбе, возвышавшейся у дверей квартиры Рудика. Его мать, тетя Нюра, изо всех сил старалась открыть дверь, и от каждого ее толчка глыба тихо подрагивала, но не сдвигалась с места.

— Володь... Господи, Володька, да что это? — запричитал Рудик. — Мам, ты погоди, мы сейчас тебя выпустим, сейчас откроем, посиди пока!

— Постой здесь, дядя Рудольф, не подпускай никого. И ничего не трогай.

— А, может, хоть узнать, кто? Перевернуть?

— Узнаем после. Телефон у тети Вали?

— Как всегда...

Дверь Валентиновой квартиры была рядом. К ней примыкала узкая деревянная лестница, ведущая на чердак, там всегда сушили белье. Володе показалось, что чердачный люк был чуть приоткрыт. Он решил, что займется этим после, и стал трясти дверь Валентины, потому что на стук никто не отвечал. Наконец внутри отодвинули засов, и показался заспанный сын тети Вали, Юра.

— Телефон, Юра. Телефон нужен! — выкрикнул Володя.

Сначала он позвонил в «скорую», потом дежурному в управление, все объяснил, попросил прислать людей и снова вышел в коридор. Рудик стоял с его фонариком, направляя его прямо на сгорбившегося, будто сложенного вдвое неподвижного человека в каком-то полосатом костюме и черных кожаных спортивных тапочках. За дверью причитала тетя Нюра. Из квартиры Тамары Михайловны вышли все, но так молча и застыли поодаль — очевидно, предупрежденные Рудиком.

Тишину разорвала тревожная сирена. Милиция прибыла первой...

Когда милицейская, а вслед за ней и медицинская бригады зафиксировали все, что положено, и медики, быстро погрузив неизвестного в машину, отъехали с пронзительным завыванием, когда были сняты отпечатки пальцев с пыльной старой табуретки, а тетю Нюру, наконец, выпустили, все, кроме Володи, вновь вернулись к Тамаре Михайловне. Володя же уехал с бригадой, и после небольшого совещания было решено, что разгадка, очевидно, связана с домом и его обитателями. Полосатая пижама, бывшая на пострадавшем, могла принадлежать любой лечебнице. Более того, из телефонного разговора выяснилось, что сегодня в психиатрической клинике недосчитались одного больного...

С тех пор как Володя с семьей переехал в новый дом, его почти каждый вечер приглашали на «интеллектуальный разговор». Все шло по одному и тому же сценарию: он приходил домой, его верная и все понимающая Елена подавала ему ужин, затем следовал звонок в дверь, в прихожей появлялся актер местного драматического театра Павел Генераторов и громко, жизнерадостно провозглашал:

— Честь имею пригласить вас на интеллектуальный разговор, Владимир Иванович. Зрители ждут-с!

И Володя шел. Честно говоря, на этих вечерах, проведенных в квартире у соседа, где собирались не только артисты, но и писатели, поэты, драма-

турги, журналисты, он получил как бы второе высшее образование. Друзья Павла, эти вечерние собеседники, спорщики, оппоненты и так далее, заставили его переворачивать энциклопедические словари, музыкальную, театральную и литературную энциклопедии, массу толстых журналов... Может быть, в литературном образовании Володи еще оставались белые пятна, но что касается театра, то подобные пробелы Павел ликвидировал начисто. Не зря же он таскал его на репетиции, приглашал на премьеры спектаклей — собственно, и убийство жены рабочего сцены вряд ли было бы раскрыто так быстро, если бы не это доскональное знание всех закулисных дел. Кстати, и само преступление произошло в присутствии Володи, только преступник, конечно же, не знал, что друг Павла Генераторова, сидящий в зале за спиной режиссера, представитель правоохранительных органов. Володя часто вспоминал о тех страшных минутах, когда во время репетиции в театре умирала женщина, и судьбе было угодно распорядиться так, что последнее ее дыхание утонуло в оглушительном хохоте всех присутствовавших на репетиции.

А произошло следующее. Пожилая актриса Татьяна Овечкина закончила на сцене свой монолог и ушла за кулисы. Действие же продолжалось, и минут через пять Татьяне вновь надо было выходить на сцену и подавать свои реплики. Многие артисты в такие перерывы устраивали себе перекур. Татьяна не курила и, стоя сбоку от сцены возле сваленных для строительства новых декораций досок, начала, от нечего делать, ковырять одну из них. Надо же было случиться так, что именно в этой доске оказалась маленькая дырка, в которую и угодил Татьянин палец, причем застрял так прочно, что Овечкиной пришлось выйти на сцену для продолжения репетиции прямо с этой доской... Ее встретили хохотом. По мере того, как актриса объясняла ситуацию, хохот усиливался. Вдруг Татьяна в ужасе посмотрела себе под ноги — на пыльных досках пола появились блестящие красные пятна. Это была кровь... Она закричала, чтобы ей немедленно помогли освободить палец, даже не предполагая, что палец тут совершенно ни при чем. Овечкину увели со сцены, отдали в руки умельцев, которые быстро справились с доской. Женщины прибежали к ней с бинтами, йодом, зеленкой и только тут увидели, что бинтовать-то, собственно, нечего... И тогда вернулись на сцену, где несколько алых пятен превратились в большую темно-малиновую лужу...

Володя же понял это несколько раньше и сорвался с места еще тогда, когда Овечкину увели со сцены. Вместе с Павлом и машинистом сцены Егоровым он осмотрел все, что было на сцене и под сценой. А когда убрали занавес и включили свет, чтобы высветить верхнее пространство, все трое застыли как вкопанные — на узкой железной лестнице, перекинутой

через сцену, неподвижно лежал человек... Мужчины вмиг очутились наверху — на лестнице с ножом в спине умирала молодая женщина. Она лежала лицом вниз, и ее длинные темные волосы свисали с лестницы над сценой, как над глубоким колодцем, в который капала кровь... Володя вызвал оперативную бригаду и медиков, а сам тут же приступил к действиям. Дело в том, что у директора театра была привычка — во время генеральной репетиции он сам лично запирает все театральные двери и забирает себе ключи, так что улизнуть с репетиции никому не удавалось, да и проникнуть туда незваным гостям тоже не представлялось возможным. Поэтому Володя был уверен, что убийца еще находится в театре, если... Со всем недавно Павел поведал ему удивительную историю — когда в театре, а здание это старинное, начали ремонтировать мужской туалет, то неожиданно обвалилась стена, и открылся ход, похожий на те, где проходят подземные коммуникации... Вызванные специалисты убедительно попросили накрепко заделать стену и не вспоминать ни о каких подземных ходах. Вот почему Володя, попросив директора встретить оперативников с врачом, ринулся именно туда. За ним побежали и Павел с Егоровым. В туалете были вырублены все лампочки, пришлось воспользоваться неизменным Володиным спутником — карманным фонариком. Таинственную стену накрепко заделать еще не успели, ее просто забили досками и загородили все это зрелище занавесом, причем доски болтались, готовые вот-вот сорваться и упасть... Володя раздвинул их и, оглянувшись на своих помощников, шагнул в подземный ход...

Интересно, что потом, на суде, они рассказывали об этом по-разному: Павел говорил, что, когда очутился под землей и понял, что это очень старый, если не сказать, древний подземный ход, то подумал — а вдруг именно здесь спрятана библиотека Ивана Грозного, не найденная до сих пор? Егоров же прикидывал, как можно увеличить возможности сцены, установив здесь дополнительные механизмы, ибо подземелье находилось именно под сценой. А Володя досадовал на то, что это место слишком удобно для преступников. Они обнаружили убийцу быстро — он спрятался за трубу недалеко от непроходимой ямы с водой, которую не решился преодолеть вплавь... Володю поразило, что он был совершенно спокоен, хотя убитая оказалась его женой...

Сегодня Володя вернулся домой поздно. Он выключил, занавесил, закрыл все, что могло бы помешать ему думать, и погрузился в размышления, пытаясь найти какую-то едва уловимую ускользающую ниточку, которая могла помочь разгадке. Но хаотичность впечатлений, происшествий, образов никак не давала места спокойному анализу, да и анализировать пока

было нечего — никаких новых фактов. Странно все-таки получается — в родном доме, где каждая половица знакома, в родном коридоре находят труп... Стоп! А почему труп? Ведь стопроцентной уверенности в этом нет. Однако, если парень жив, и он не совсем псих... У него не было при себе оружия, он шел с какой-то целью... Но с какой? Сбежал из больницы в одной пижаме... Для чего-то сбежал! Может, что-то важное хотел сообщить, иначе не стал бы в таком состоянии и в таком виде лезть в чужой коридор. Если он, конечно, был в здравом уме. Честно говоря, Володе очень не нравились эти его «если» да «если». А вдруг его появление связано как-то с рассказом Ирины, и он хотел о чем-то предупредить? Тогда, следуя логике, не лишним будет предположить, что ему может грозить опасность. Опыт давно научил Володю простой и важной вещи: чувствуешь опасение за человека — все проверь, все сделай, чтобы ему ничего не грозило. И он протянул руку к телефону...

Парень действительно оказался жив. Более того, врач «скорой» довольно точно установила его диагноз — гепатит, то есть желтуха. У парня он оказался сывороточный, от укола в стоматологической клинике, где ему вырывали зуб. Так вот, по этому признаку, да еще по пижаме, врач уверена, что его прежнее местонахождение — инфекционная, а не психиатрическая больница. Там сразу же узнали своего пациента Певцова, из-за него несколько часов все первое отделение «стояло на ушах» — больной был тяжелый и исчез с постели прямо из-под капельницы, или, как здесь называли, — системы. Причем лежавшие вместе с ним в палате — мужчина, Володя фамилии не разобрал, и подросток Олег дружно утверждали, что парень сильно бредил, в основном слов было не разобрать, но одно повторял как заведенный — стрела, стрела... И мычал, как от боли. Так что получалось: м-м-м-м...стрела...м-м-м-м...стрела..., а Олег даже уточнил — «как стрела»... Об этом Володе уже доложила дежурная медсестра Валя, которую он хорошо знал — с ее мамой учился в одной школе.

— Валечка, а как он сейчас?

— Сейчас спит, дядя Володя. А почему им полиция заинтересовалась?

— Понимаешь, он в чужом доме оказался, и, можно сказать, что при таинственных обстоятельствах.

— А-а-а... А мы подумали, что он все-таки на фестиваль сбежал.

— На какой фестиваль?

— Авторской песни. Фестиваль-то у нас сейчас проходит, слышали? Он же бард. Из Москвы.

— Кто?

— Бард. Ну, автор-исполнитель. Геннадий Певцов. Неужели вам его фамилия ничего не говорит? Дядь Володь, у него ведь песни хорошие.

— Так он что, на этот фестиваль приехал?

— Ну, конечно! Приехал, а накануне зуб выдрал. Он у нас в «Вольном ветре» обосновался, знаете же, там в каждом номере зеркала по стенам, утром проснулся и не узнал себя — желтый как лимон. Его привезли к нам очень тяжелого, с температурой. Он все порывался взять у нас таблетки и уйти, говорил, дескать, сам вылечусь. Но наша заведующая ему красочно обрисовала все последствия этого заболевания...

— И... когда это было, Валюша?

— Позавчера.

— А в гостиницу сообщили?

— Конечно. Он сам попросил сообщить горничной, что его положили в больницу, и чтобы его вещи убрали в камеру хранения. Он очень за них переживал.

— А какие вещи, не говорил?

— Говорил. Гитара и чемодан. Да, и просил, чтобы костюм не складывали в чемодан, а прямо на вешалке оставили.

— Почему?

— Как? Так ведь он надеется выступить в нем.

— Валечка, а ты сейчас далеко от его палаты? Кстати, в какой он палате?

— Недалеко. В седьмой. Это рядом с ординаторской. Там у нас не любят лежать — больным кажется, что они под усиленным надзором.

— Сходи-ка, посмотри, как он.

— Да я же была недавно.

— Еще раз сходи. Трубку не вешай, я подожду.

— Хорошо.

Мысленно Володя уже составил план действий — осмотр вещей в гостинице, более тщательная проверка коридора и чердака его дома, запрос в Москву, но, прежде всего, конечно, разговор с самим потерпевшим... Стоп! Почему с потерпевшим? Разве есть доказательства какого-то насилия над ним?

— Дядя Володя, все о'кей!

— Что именно — все?

— Ну, спит.

— А ты уверена, что спит? Что он не... того?

— Не умер, что ли? Да нет, дышит.

— А... его никто навестить не хотел?

— Да он же не местный! Откуда?

— Ну, может... барды эти. У них ведь фестиваль, ты сказала?

— Да. Только его никто не навещал. Ой, ладно, дядя Володь! Там какой-то шум внизу, зовут вроде.

— Ладно. Спокойной ночи. Присматривай там за ним.

И все же он позвонил к себе на работу дежурному и попросил организовать охрану инфекционной больницы.

Вот так. Московский бард Гена Певцов приезжает в их город на фестиваль, попадает в больницу, оттуда сбегает вечером — но бежит почему-то не в сторону гостиницы, где ему надо переодеться для выступления, и не в сторону ДК, где проходят все фестивали, а совсем в другую... Чего он хотел? Ведь что-то же он намеревался сделать, если, конечно, его приход — не случайность, не действия человека под влиянием высокой температуры, помутнения сознания и так далее.

Володя посмотрел на часы — больше часа он потратил на Певцова, не продвинувшись ни на шаг. А он по опыту знал, что нужно на время отключиться от всего и постараться в мельчайших деталях воспроизвести тот вечер — может быть, и появится какой-то кончик, который поможет распутать весь клубок. Он ведь уже начал это делать, и не надо было отвлекаться, все равно с бардом можно будет поговорить только завтра, и то, если разрешит лечащий врач. Володя снова и снова возвращался в тот вечер, мысленно шел по улице — сначала по одной ее стороне, потом, когда увидел Рудика — по другой... Было еще нечто, привлекавшее его внимание. Ну, не привлекавшее, а так, что-то прошло мимо... Может, машина? Нет. Лицо в окне? Нет, не лицо и не в окне. Но что? Он буквально всем нутром чувствовал нечто необычное. Какая-то штука была явно не на своем месте. Володя решил еще раз прокрутить в памяти все подряд, до мельчайших деталей, слева направо, снизу вверх. Соседний дом, забор, его родной дом, Рудик у ворот, колонка, где брали воду... Все на своих местах. И все-таки... Необычное фиксировалось где-то слева... Но слева был соседний пустовавший дом, который сейчас перестраивали, и забор. А там, за забором, раньше семья Мищенко разбила огород и выращивали овощи и цветы. Они никого не пускали за заветную огородную черту, поэтому с правой стороны дома всегда бывало оживленно и весело, а с левой — тишина и покой...

Стоп! Володю обдало жаром... Вот оно! А ведь дело-то в этом самом заборе. В этом самом огороде, где никогда не было посторонних. Никогда. Но не теперь. Там кто-то двигался. Не шел, но двигался. Стоял? Сидел? Непонятно. Но — был! И, скорее всего, это был мужчина. Неясно отпечатавшийся образ давал еще одну подсказку — пожилой мужчина. Но как и зачем он там оказался, в этом запретном огороде? Еще одна загадка, еще одно задание себе — опросить соседей, чьи окна выходят сейчас на огород, а именно — тетю Дашу со второго этажа, она постоянно торчит у окна, наблюдая за всеми, и девушку, живущую теперь в квартире

Мищенко, — Юлю, кажется. Конечно, если удастся ее застать, она подолгу живет где-то у родных или знакомых, наведываясь в свою клетушку лишь время от времени.

А может, именно в этом все и дело? В квартире никого нет, а через нее можно проникнуть в дом. И что? В дом можно проникнуть и нормально — через двор и входную дверь, правда, это будет у всех на виду. Но что-то же ведь надо было человеку, который находился в огороде. Просто пьяный? Исключено, пьяному туда не попасть. Впрочем, может, теперь все иначе? Да нет, не может, огородную эстафету Мищенко приняла тетя Даша, и замки остались прежними...

Загадка за загадкой. Но самое главное — Володя пока не видел, для чего их надо разгадывать, и вообще не был уверен, надо ли. До тех пор, пока уже утром ему не передали, что его разыскивает москвичка Александра в связи с каким-то чрезвычайным происшествием. Володя тут же набрал ее московский номер...

Ирина стояла перед большим старинным зеркалом, окаймленным черным деревом, — единственным предметом мебели, оставшимся ей от бабушки. В зеркале отражалась ее высокая и все еще стройная фигура, однако новое платье ей явно не шло, ибо подчеркивало остроту ее плеч и аскетизм лица. Все это могли сгладить только мягкие тона и плавные, округлые формы воротников, плечиков, различные воланы и всякие другие приспособления, которые она не любила. Ну, что ж, придется отказаться от этого платья, обменять в магазине на что-нибудь другое — деньги-то там вряд ли вернут.

Она застегнула платье несколько по-иному, надела пояс, и на миг ей показалось, что выглядит отлично, как-то по-новому. Но тут же приуныла: зеркало просто стояло в выгодном для нее свете — не специально, просто его больше некуда было повесить, так что утешение, увы, слабое. Да оно и понятно — сколько неудач в последнее время! С ордерами квартирными не вышло. Смерть дяди. Ужасная гибель тети. Этот труп в родном городишке, в старом доме, рядом с которым прошло ее детство. Эти ужасные голоса, предвещающие беду. Вернувшись оттуда, она решила не ходить на кладбище. Вообще-то, если бы не обещание Володе, она поступила бы иначе. Ирина представила, как она звонит своему племяннику Игорю, как уговаривает его пойти вместе с ней, как они идут по пустому кладбищу... А потом... Ну, как она будет общаться с тетей при Игоре? Наверное, никакого разговора не получится... Впрочем, что сейчас об этом думать, она ведь уже сказала себе — нет. Она вообще никуда не пойдет. В институт ей только послезавтра, а сегодня какая-то сила удерживала ее дома. Она

всем своим нутром это чувствовала. Да и сон был странный и непонятный — ее подруга, умершая семь лет назад, все звала ее к себе и очень сердилась, что Ирина отказывается идти куда-то вниз, где сплошной песок, как в пустыне... Взять себя в руки, никуда не ходить, ни о чем не думать, выключить телевизор. А потом позвонить Игорю — ей все равно надо с ним встретиться, все рассказать, в конце концов, он один у нее остался, сын ее брата, которого она очень любила и который забрал мальчика у матери-пьяницы еще в годовалом возрасте. Не было слов, чтобы описать всю эту трагедию, но главное — Полина вовремя была лишена материнства, ребенок остался жив и вырос вроде бы неплохим парнем. Вообще-то Ирина не была с ним особенно близка — жили они с братом в разных городах, но после его смерти уже вполне взрослый самостоятельный Игорь поменял квартиру на Подмосковье, поступил в Москве учиться и время от времени ее навещает. Много в нем нравилось Ирине — его целеустремленность, эрудиция, начитанность, а что-то даже немного раздражало. Что именно, она не могла для себя четко сформулировать. Случайно замеченная жесткость во взгляде? Или то, что он не пришел на похороны тети и не счел нужным извиниться, а когда она спросила, почему, он сказал что-то невразумительное о том, что надо было спасать друга, и показал его фотографию, мимолетный снимок, сделанный у газетного киоска?

Внезапно на Ирину нахлынуло ощущение чего-то страшного, холодного, неотвратимого, что вот-вот должно произойти. Она включила свет, шагнула к окну и вдруг почувствовала необъяснимую опасность. Эта опасность таилась там, за окном, в недрах двора, где еще час назад мирно играли дети. Просто великолепная мишень — темный силуэт в этом освещенном окне! Опасность пронзила ее с такой силой, словно в тело впились сразу тысячи стрел. Она быстро задернула шторы, каждую минуту ожидая услышать выстрел — почему-то именно выстрел! — и выключила свет, затем чуть раздвинула шторы и стала всматриваться во двор. Детская площадка была пуста. За ней стояло несколько гаражей для машин инвалидов, а на специально отгороженной стоянке безмолвно сгрудились другие автомобили.. И — ни души кругом. Однако она четко сознавала, что опасность таится где-то там. Позвонить Игорю? Он далеко, полтора часа езды. В милицию, как советовал Володя? Но ведь у нее нет никаких доказательств... Удивительно все-таки, как человек чувствует опасность. Она была уверена, что не ошибается. И голос, тот голос был связан вот с этой угрозой ее жизни, это было одно целое, снежный ком опасности, которая нарастала с каждой минутой... Ей казалось, что, включи она сейчас свет, раздвинь шторы, и тут же от удара пули задребезжит стекло, и наступит конец...

Помня увещевания Володи, пытавшегося доказать ей, что все не так просто, и надо быть настороже, она, оцупью набрав номер, позвонила в опорный пункт милиции — он находился недалеко от дома. Выслушали ее внимательно, записали адрес, пообещали придти, однако особой заинтересованности и готовности к действиям она не почувствовала. И тут ее осенило — она вспомнила читанные еще в юности рассказы о Шерлоке Холмсе, вернее, тот из них, где в кресле вместо знаменитого сыщика сидел его манекен, представлявший отличную мишень для преступника. Она открыла шкаф, сняла вешалку с платьем, все в той же полутьме нашла внизу зимнюю шапку и шарф, которые до сих пор не убрала в кладовку, примотала с его помощью шапку к вешалке, взяла швабру, и, перевернув ее, попыталась укрепить на ней весь этот силуэт. Вешалка сползала со швабры вместе с головой, пришлось взять пояс и закрепить им это чучело. Получилось. «Ну, с богом!» — подумала Ирина и, оставив чучело у стены возле окна, включила свет. Затем подползла к окну, взяла чучело за палку и стала осторожно поднимать его вверх. Вот над подоконником показалась «голова», вот она снова опустилась, и так несколько раз — Ирина надеялась, что создается впечатление мытья пола. Но надо ведь когда-то и разогнуться! Палка стала подниматься вверх, выше, еще выше... В это время раздался звонок в дверь и одновременно еще один звук, как будто что-то просвистело над ухом, разбив заодно и стекло. Ирина бросила чучело и кинулась к двери. В глазок она увидела родную милицию с дубинками. Быстро распахнув дверь, она потянула их в прихожую...

Милиционеров было двое — молодые, толковые ребята. На их лицах читалось явное недоумение, однако реакция была быстрой и верной. Они подхватили Ирину, находившуюся в полуобморочном состоянии, посадили ее в кресло и принялись осматривать комнату. Быстро разобравшись, что к чему, разумно решили, судя по направлению пули, что преступник мог стрелять и из-за гаражей, и из лоджии соседнего дома. Один оперативник тут же отправился в указанном направлении, другой доложил обо всем по рации, а потом сказал Ирине, с трудом пришедшей в себя, что сейчас будут проверять весь район, но при этом смущенно добавил, что особых надежд на результат он лично не возлагает, и попросил Ирину написать обо всем, что произошло. Она присела к столу и предельно четко изложила на бумаге, как все случилось. А перед глазами стоял, вернее, лежал тот человек в пижаме в коридоре старого дома и увещевания Володи — быть осторожней, не ходить на кладбище... Она и не пошла — и тогда кто-то попытался устроить ей кладбище в ее же собственной квартире...

— Ну, что ж, Ирина Вадимовна... Придется вас еще потревожить... В десять часов мы за вами пришлем машину, чтобы вам самой не ходить.

Приедете вот по этому адресу... К кому — здесь все написано. — И молодой милиционер, тот, что докладывал по радиации, протянул ей пропуск.

— А что мне делать сейчас? Вы уйдете, а он может опять...

— Надо кого-нибудь из родственников вызвать... Из друзей...

— Из родственников у меня здесь только племянник, но ему далеко до меня добираться. А друзей неловко беспокоить...

— Так уже утро... Конечно, кто-то из нас может пока с вами остаться...

— Нет, нет, ребята, все в порядке, — покачала головой Ирина. — Вы идите.

— Соседи в курсе. Вы, наверное, не заметили, вы как раз писали, когда они заходили. Так что, в случае чего, можете их позвать, — предложил милиционер.

— Спасибо. А... кто именно заходил? Дело в том, что я знаю только одних соседей — Гладышевых, из двухкомнатной квартиры. А в однокомнатной живет один паренек, он здесь недавно, и мы еще не познакомились.

— Гладышевы и заходили. А в однокомнатной никто не отозвался.

— А вы стучали?

— Конечно. У вас ведь балконы смежные. Окна рядом. Мы подумали — может, оттуда что-то было видно?

— Вам, наверное, надо связаться с городом, в котором я родилась. Дело в том, что я только что оттуда, и там произошло странное происшествие... Обо всем знает Владимир Иванович Комов, следовательно, мы росли вместе. Он предполагал, что здесь со мной может случиться нечто подобное.

— Вот в отделении обо всем и расскажете. В десять часов. Не спускайтесь во двор — наш человек за вами зайдет и покажет свое удостоверение.

— Спасибо вам. Я ведь думала, что вы и не приедете...

— Мы обязаны были выехать. Долг есть долг, — нахмурился милиционер и по-мальчишески горячо добавил: — А тут действительно, елки-палки, происшествие!

Когда Ирина осталась одна, мысли ее потекли по новому, лишь слегка нащупываемому пока руслу — выстрел, человек в пижаме, голос, призывавший ее сходить на кладбище, потрясшая всех гибель тети, неожиданная смерть дяди. Но... Она вдруг вздрогнула, вспомнив еще одно странное происшествие, когда жизнь ее буквально висела на волоске.

Несколько месяцев назад группа ученых из их института пришла на вокзал встречать делегацию из Питера, приглашенную к ним на конференцию. Делегация была очень представительной, к ним ехали два знаменитых англичанина, труды которых Ирина хорошо знала, поляк, его имя

Ирина слышала впервые, и много наших специалистов, потому и встретить их пожелал чуть ли не весь институт. И вот, когда поезд подходил к платформе, она, стоявшая в первом ряду, с краю, вдруг ощутила резкий толчок, вылетела вперед, и бог знает, чем бы это закончилось, если бы не бывший директор института, а ныне почетный член ученого совета, маленький, сухонький старичок. Он среагировал на удивление быстро, цепко ухватился за нее своими скрюченными пальцами и ловко удержал ее от падения, с юмором заметив:

— Ну, куда же это вы, милочка. Туда нельзя, там... вечность. Поезд идет...

Иринины коллеги хотели, было, обратиться в милицию, но поезд уже остановился, и все бросились к вагону, где ехала делегация. Никто об этом происшествии больше не вспоминал.

Что-то еще билось в Ирининой памяти, какое-то важное воспоминание, но тут же утекало, как волна. Ба! Это сравнение напомнило о другом происшествии, от которого, оказывается, до сих пор осталось недоумение — почему? Почему тот парень, совсем еще пацан, разыграв на пешеходном мостике через речку какую-то нелепую сцену, размахивая руками и пытаясь ей что-то объяснить, едва не столкнул ее в воду? Она тогда кинулась за ним, но он удрал. Это было еще прошлым летом, но теперь Ирина была уверена, что дело здесь не в случайностях, а в том, чего она еще не знает. Между прочим, мальчишку она запомнила, и ей казалось, что после этого она его встречала не раз. Думая обо всем этом, Ирина выделила из всех своих ощущений главное — чувство, что последнее время, и довольно длительное, за ней следят. Она ругала себя за то, что раньше не придавала этому значения, убеждая себя, что такого не может быть. Может! Но почему? Зачем?

Она продолжала перебирать в памяти буквально все, что помнила, все события своей жизни, родных, близких. И чем больше она думала о людях, которые ее окружали, тем больше понимала, что загадка могла быть связана с любым из них. Взять хоть ее бабушку, в прошлом красавицу, которая не очень любила рассказывать о своей жизни у господ, где она была прачкой, потом горничной. Но однажды она проговорилась, что кое-кто из ее родственников весьма богат, и, когда придет, как она выражалась, черный день, она сможет обратиться к ним за помощью... Ирине вдруг вспомнилась одна фраза, один завет, который бабушка не раз повторяла: «Иринка, смотри эту газету, где объявляют о наследстве из-за границы. Как она называется-то? «Известия»? Вот, смотри ее. Может, нам кто что отпишет — мне, матери твоей и тебе, значит. Гляди, не пропусти!»

А Иринина тетка и неизвестно откуда взявшийся ее муж, весельчак и балагур? То есть Ирина знала, где и как они познакомились, но что было у этого человека в прошлом, она так и не успела спросить. Да и не пыта-

лась — было ни к чему. Да что далеко ходить за теткинм мужем — взять хоть ее родню по отцу. Отец был из многодетной семьи, его братьев, сестер, их жен, мужей, детей было так много, что еще Ирина мать отчаялась со всеми перезнакомиться и махнула на это рукой. Зато Ирина не махнула и, начав составлять свою родословную, даже выработала для этого специальную подробную схему — недаром же она училась на историко-филологическом факультете. Чтобы заполнить все пустые прямоугольники записями о конкретных людях, родных ей по крови, а, значит, и по характеру, привычкам, по вкусам, а, возможно, и по жизненным устремлениям, она отправилась к одной из своих двоюродных сестер — Инне, самой старшей, у которой имелись все сведения об отцовской родне.

Но еще задолго до этого ее пригласили в спиритический кружок, работавший подпольно в их институте, и она неожиданно пошла, решив для себя, что, возможно, узнает там больше о своих предках. Спириты сказали ей, что она обладает огромными способностями и вполне может быть медиумом, то есть вызывать души умерших и разговаривать с ними. И она стала вызывать — сначала вроде бы в шутку, а потом, действительно, решила как-то вызвать предков своего отца — прадеда или прапрадеда, сейчас она уже не помнила, и вдруг в ее мозг ударило слово: «Золото»! Оно било ее как молотом, и она невольно повторила: «Золото»... Все присутствовавшие на сеансе сделали вывод — Ирину ждет богатство. А через несколько дней она получила премию — целый оклад!

Это отношение Ирины к спиритизму — с верой, но порой и с юмором — всегда мешало ей погадать на себя по-настоящему. После того же случая на вокзале, например. Хотя... Господи, как же она могла забыть! Однажды, и это было не так давно, в том старом доме, в присутствии того же Рудика, тети Пани, Тамары Михайловны и кого-то еще, когда они «крутили блюдечко», и оно ползало по буквам, ей выпало слово — «Бойся!» Поскольку блюдечко больше ничего не сказало, Ирина попросила Тамару Михайловну просто погадать ей на картах, которые и показали, что опасность исходит от бубнового валета — молодого человека, который с Ириной чем-то связан. Что ж, у нее был один студент-тупица, которого она хотела отчислить, и, естественно, он был на нее зол. Был у нее и родной племянник с колючим взглядом, интересующийся, кстати, родословной... Тогда Ирина одернула себя — не забывай, что Игорь вырос без матери, а потом лишился и отца. Между прочим, у нее был еще один племянник, о котором никто ничего не знал. Он должен быть лет на пять старше Игоря. Дело в том, что пьяница Полина была второй женой ее брата, он ушел к ней от Анны, первой жены и первой любви, ушел неожиданно, ошеломленный Полининой красотой и Полининой любовью. К тому времени его сынишке было, наверное, года три-четыре. Гордая Анна не отвечала на письма бывшего мужа, не ответила она

и на Иринино письмо, а потом письма брата возвращались со штемпелем «по указанному адресу не проживает»... Вспоминая об этом, Ирина всегда чувствовала свою вину, но за делами и заботами об этом забывала...

Во всем этом хороводе мыслей, лиц, слов, происшествий, в этом омуте догадок, предположений, гаданий, наверное, было какое-то связующее звено, но Ирина никак не могла его нащупать. К тому же она вдруг вновь явственно пережила ту встречу с двоюродной сестрой Инной, дочерью брата ее отца...

Ирина постучала в дверь. Потом, увидев кнопку звонка, которую от волнения не заметила, позвонила. Много раз бывала она в этом городе проездом, но никак не решалась познакомиться с двоюродной сестрой. Их отцы умерли в начале пятидесятых — от фронтовых ран. Однако на этом, кажется, сходство их судеб заканчивалось. Инна успешно вышла замуж, родила двоих детей — сына и дочь, и тот, и другая были уже семейные люди, а дочь Варя, пианистка, вышла замуж за своего однокурсника-аргентинца — вместе учились в консерватории, а сейчас со своими аргентинскими детьми гостила у матери. Ирина заранее созвонилась с сестрой и вот теперь, вооружившись тортом и решимостью наладить, наконец, семейные отношения, терпеливо ждала у двери. Дверь открылась тихо — на пороге стояла низенькая седая женщина с короткой стрижкой, за ней — высокая, крепкая, но очень стройная девушка с крупными и красивыми чертами лица. Бывают люди, которым совершенно не нужна косметика, ибо она может лишь испортить то, что дано природой. Варя оказалась из таких. Более того, в ней чувствовалась порода, которая передается из поколения в поколение и несет в себе не только осанку и гордость предков, но и их способность к выживанию, умение применяться к разным условиям. Иначе как сохранишь породу? Потому и не удивилась Ирина, поняв, что Варя, на вид двадцатилетней, должно быть, уже далеко за тридцать... Познакомившись со степенным и важным мужем Инны — Герасимом, с потрясающими Вариными детьми — Настенькой и Степой, которые хорошо говорили и по-испански, и по-русски, рассказав немного о себе, вспомнив прошлое, Ирина разложила на столе листы бумаги с частями их родословной и принялась за осуществление главной цели своего приезда — заполнению «белых пятен». Инна, Герасим и Варя склонились над столом, вместе вспоминали, обсуждали, исправляли неверно написанные даты. Инна заметила, что в родословной часть их родни вообще отсутствует, но ее прервала Варя:

— Степочку вы неправильно записали, это по-русски так, а на самом деле его зовут Эстебан.

— А Настю?

— А Настя и там Анастасия. Как у нас. Здесь все правильно.

— Где тут я, покажите! — подбежала к ним Настенька.

Ирина показала прямоугольник с ее именем, фамилией и датой рождения.

— Как мало... А почему не написано, что мне десять лет?

— Но тут написан день твоего рождения. От него отсчитать — и получится десять лет, — объяснила Ирина.

— Что ж, я согласна, — важно ответила Настя. И вдруг сказала то, что повергло Ирину в полнейшее недоумение: — Но тогда запишите, что я баронка!

— Кто-кто?!

— Баронка!

— М-м-м... Настенька, я ведь тебя уже поправляла: не баронка, а баронесса, — спокойно заметила Инна, как будто речь шла о чем-то совершенно будничном.

— А почему баронка? То есть — баронесса? — дрожащим голосом, предвкушая интересное открытие, спросила Ирина.

— Вот тебе раз! — всплеснула руками Инна. — Да де... то есть прадедушка-то наш кем был? Барон! Самый настоящий. А прабабушка была из простой семьи... Он сбежал с ней из дома... Потом его простили. Слушай, как получилось, что ты ничего не знаешь? Бабушку-то помнишь, Наталью Ивановну?

— Помню.

— Ну вот... Она ведь часто про него рассказывала.

— Про барона?

— Про барона.

— Он тоже был Александров? Я спрашиваю потому, что барон — слово вообще не русское.

— А он и был нерусский. Рауш. Его фамилия — Рауш. А раньше — вроде даже Раушенбах. Он немецкий барон. Правда, мать его русская, Воронцова. А жили они в Риге. Подожди, ну, твоя мама ведь должна была тебе все рассказать... За золотом-то вместе ездили на озеро...

— За каким золотом? На какое озеро? — в недоумении спросила Ирина.

— Так. Быстро ликвидируем полное неведение. Барон еще до переворота перебрался в Польшу, купил там усадьбу. Он был очень богат. Но к деньгам относился, как бы это тебе сказать... высокомерно. Потом стал более практичен, разрешал приказчику приобретать золотые монеты, называл их «желтыми одуванчиками». И все это прятал в своей усадьбе, в конюшне. Вернее, тоже не он, а его приказчик.

— Как-то это не по-баронски... Не по-светски...

— Время было такое...

— А швейцарский банк?

— Может, был и банк, неизвестно. Так вот, умер он еще до войны. О золоте знали прабабушка...

— Это с которой он сбежал и на которой женился?

— Да. Их сын, то есть наш дед, и приказчик.

— А кто этот приказчик?

— Всю жизни с ними. Семен Николаевич. Самое доверенное лицо. Прабабушка тоже вскоре умерла. А сын-то их, дед наш, уже после войны нас всех нашел, представляешь?! Эта их усадьба... она уже в состав СССР входила. Он в тюрьме сидел, на севере где-то, но недолго. Тяжело заболел, и его выпустили.

— А приказчик?

— Он умер. Так вот, дедушка Алексей собрал нас всех в Минске и рассказал все, что знал обо всех наших предках. Говорил, что барон этого очень хотел — мол, революция заставила многое скрывать, но мы все должны знать правду о своем происхождении...

— Честно говоря, мы тогда очень всего этого боялись, — вставил слово Герасим. — Слушали и боялись.

— Он и про золото рассказал, — продолжала Инна. — И про то, что надо его найти. Всем вместе. Господи, ты не представляешь, как все это странно и страшно было слушать. И он боялся...

— Органов? НКВД?

— Может быть... А у всех нас было странное такое ощущение — из грязи, да в князи...

— Значит, мы — Рауши?

— Раушенбахи. Потом этот «бах» — бах! — и отпал. Но Александровы — это тоже родная фамилия, дед говорил, что кто-то еще в давние времена с этой фамилией среди них затесался... Да, так вот тогда мы с ним и поехали на место этой усадьбы. И твоя мама тоже. Почему она все-таки тебе ничего не рассказала, а?

— Наверное, тоже боялась, она ведь член партии была.

— Да... Приехали, а там все разрушено.

— А конюшни?

— А конюшни под водой. На этом месте теперь озеро. Нам объяснили, почему, да я забыла. Вроде там смерч какой-то прошел...

— Смерч войны...

— Нет, природный смерч. Дети наши попробовали понырять — вроде там стены целы. И где деньги были запаяны — никаких трещин, дыр нет... И решили тогда все разъехаться по домам, а потом снова собраться с водолазным оснащением, или водолазов, в конце концов, нанять. Так до сих пор и нанимаем...

— Вот это да! Значит, мы — потомки барона, потенциальные обладатели несметных богатств... Стоп! Но отец-то мой, Инна, родился в Фурманове...

— Да и мой отец — там же. Деда где только ни носило с семьей! У него ведь не было определенной профессии. Но кузнец он был неплохой. Барон, говорят, и сам умел в кузнице работать. А еще дед конюхом работал в колхозе. Он о своем баронстве и заикаться не мог.

— Вы меня и обрадовали, и... Господи, в голове все перепуталось! Ну вот почему ты об этом знала, а я нет! И тетя никогда ничего не говорила... А теперь она уже не с нами... Я телеграмму вам давала, думала, приедете на похороны...

— Ирина Вадимовна, мы в Аргентине были. У них вот, — сказал Герасим, обнимая Настеньку и пришедшего с улицы Степу. — Мы вообще теперь почти всегда там, Вареньке помогаем. Правда, пенсия туда не идет — нет у нас с этой страной о пенсии договора...

— Может, тетя ничего не знала?

— Знала, Ира, знала. Она тоже тогда в Минске была. А молчала — жизнь тебе осложнять не хотела, я думаю, — уверенно произнесла Инна. — Наверное, потом, попозже рассказала бы... Ты ночевать останешься?

— Нет. Сейчас за мной институтская машина придет, я ведь командировку со встречей с вами совместила...

— Тогда сейчас Степочка тебе сыграет, чтоб с тяжелым сердцем не ехать. Настенька у нас — виолончель, а Степочка — пианино.

Восьмилетний Степа мигом очутился за фортепиано, торжественно объявил, что играть он будет «По долинам и по взгорьям», и комнату заполнила тревожная, но и ликующая музыка. Ирина улыбнулась. Степочка стал петь по-русски, выговаривая некоторые слова на испанский лад, и ей стало совсем весело, словно весь этот камнепад загадок пролетел мимо, оставив ее целой и невредимой.

В тот день она ушла от сестры наполненная каким-то новым чувством причастности к древнему роду и никак не могла состыковать неизвестные ранее факты с тем, что уже знала...

Ирина очнулась от уличного шума — было уже девять часов. Она позвонила в институт, где учился и работал лаборантом Игорь, и узнала, что его не будет в Москве с неделю — уехал на уральский завод с практикантами. Быстро собравшись и посчитав, что до прихода машины есть еще десять-пятнадцать минут, она набрала номер Володи Комова... Дома его уже не оказалось, а на работе еще не было. Ирина назвала себя Лене и Володиным коллегам, сообщила, что ей срочно нужно с ним поговорить, положила трубку и с надеждой стала ждать. Она ругала себя за то, что не позвонила раньше, упустила время, но вдруг телефон захлебнулся от звона. Володя!

— Ирина Вадимовна, всю ночь о вас думал...

И тут Ирина, не выдержав, расплакалась. Плач перешел в настоящие рыдания, они мешали ей говорить, но с ними уходил и ночной ужас, от которого ее жизнь пошла по новому руслу — с оглядкой, подозрением, с естественным желанием спастись, уцелеть в этом непонятном мире, где запросто пускают пулю в незнакомого и ни в чем не повинного человека... Когда Володя пообещал немедленно выехать в Москву, Ирине стало намного легче, потому что к этому моменту она твердо знала, что только с ним могут быть разгаданы, извлечены на свет мрачные тайны, которые буквально опутали ее всю, да, похоже, и ее семью — тоже.

Водителя она встретила уже окончательно успокоившаяся. Но, выйдя на лестничную площадку, буквально наткнулась на острый взгляд, скрывавший, как ей показалось, злобу и... отчаяние. Этот взгляд пронзил ее всю, Ирине вновь стало холодно и страшно, она схватила своего спутника за руку, и он, как поводырь, осторожно повел ее вниз. А тот человек, молодой, незнакомый, вышедший из однокомнатной квартиры, шел за ними следом и сверлил Ирину глазами. Нет, она не хотела думать о нем ничего плохого, но была уверена — дай такому пистолет, и он, не задумываясь, выстрелит, ибо зол на весь белый свет... Она остановила водителя, чтобы пропустить этого странного человека, и, когда он проходил мимо, лицо его вдруг исказила усмешка. Ирина побледнела, она поняла в этот момент, что человек был ей знаком! Они уже встречались с ним, и, кажется, не однажды. Ее словно током ударило — он был на похоронах тети! И на том мостике, когда чуть не столкнул ее в воду, а потом убежал...

После Ирениного звонка Володя понял, что медлить нельзя ни секунды. Он доложил обо всем начальству, попросил, чтобы ребята еще раз хорошо осмотрели его дом, коридор, где нашли Певцова, и особенно чердак, получил добро на командировку, заказал машину, чтобы успеть на ближайший поезд, и выбежал из подъезда, направляясь в больницу, чтобы еще раз поговорить с бардом — утренний разговор ничего не дал. Конечно, Гена плохо себя чувствовал, еще не оправившись от ночного потрясения, однако у Володи сложилось впечатление, что Певцов не так болен, как прикидывается. Свое путешествие в старый Володин дом он объяснил высокой температурой и тем, что «его вдруг куда-то понесло»... Все это было наивно, факты явно не складывались в какое-либо логическое целое, но лечащий Гену врач заверила, что при гепатите у человека с нарушенной психикой и не такое может быть. Теперь же, после разговора с Ириной, и шестое, и десятое, и двадцатое чувство говорили ему — появление Гены в старом доме и выстрел в московской квартире связаны между собой одной причиной, одними людьми.

Во дворе управления Володя буквально нос к носу столкнулся с тетей Паней.

— Володечка! А я к тебе. Нашла ведь ту пленку. В кладовке нашла. Вот. Не трогала я тут ничего.

Господи! Володя смотрел на пленку «Любителя», которым несколько десятилетий назад мальчишки сфотографировали какое-то тайное письмо Ирининой бабушки. Обняв тетю Паню, он пообещал, что обязательно подарит ей снимки, если получатся — как-никак, пленка-то принадлежала ее Виталику... Он тут же вернулся в управление и рассказал о находке. В лаборатории заверили, что, если пленка не засвечена, все должно получиться, и попросили подождать.

Не успел Володя зайти в свой кабинет и занять рабочее место, как ему уже позвонили из лаборатории и сказали, что просмотрели все кадры — оказалось, ни одного испорченного! Честно говоря, он на это не надеялся.

Вскоре в кабинет вошел лаборант, неся, как знамя, специальное приспособление с висящими на нем мокрыми фотографиями.

— Вот, Владимир Иванович. Вы просили срочно, так мы уж не стали ждать, когда просохнут. Все видно...

Володя принял от него снимки, укрепил их в вертикальном положении на столе и залпом прочел письмо, написанное крупным школьным почерком...

«Господин Седашов!

Кланяется вам сестра Аделаиды, жены вашей, Анастасия. Помните бал у банкиров Кукалевских в Царицине? Это я вас тогда познакомила с Аделаидой, когда вы пришли в комнаты прислуги привести в порядок свой костюм, а я его вам гладила. Мы тогда немножко поговорили, а больше и не пришлось. Я ведь не думала, что сестра с вами уедет, что будет переворот, и мы не свидимся более.

А прописываю я сейчас это письмо потому, что очень хочется свидеться с Аденькой, пока живы. Есть и другая причина. Живем мы сильно голодно. Внучка моя от этого болеет. И одеть нечего. Все, что было, на хлеб выменяли. И муж мой в тюрьме сидит в Рыбинске — по доносу. Помощи ждать неоткуда. Помогите нам от чистого своего сердца! Коли сумеете... Адрес свой пишу на конверте. Не откажите, коли у вас самих что осталось...

Бывшая прислуга Кукалевских Анастасия, сестра Аденьки.

Аденька, найди нас, милая, приезжай! Свидимся хоть разок».

Голос из прошлого... Судя по тому, что о внуке, брате Ирины, не было сказано ни слова, можно предположить, что письмо писалось в конце сороковых — начале пятидесятых годов, когда он еще не родился, а Иринины родители, завербовавшись, жили и работали в Магадане. Поскольку

Петька говорил еще о каких-то страницах, которые они не сфотографировали, Володя сделал вывод, что там содержалась просьба найти этого самого Седашова и переслать ему письмо. Бабушка явно не знала его адреса. А подобного рода письма люди, как правило, отправляли в Международный Красный Крест, руководящие органы которого находились в Женеве. Однако письма эти редко доходили до адресата — железный занавес висел плотно, не оставляя никаких щелочек и лазеек. Поэтому нет ничего удивительного, что бабушка Ирины не получила никакого ответа. Хорошо еще, что сама не держала за это ни перед кем ответ... Володя счел, что бабушкина ниточка никуда не ведет, ведь и сестры ее, очевидно, давно уже умерли. Во всяком случае, он не видел связи между покушением и этим письмом. Да и всезнающий его «звонок» молчал, словно вокруг не происходило ничего примечательного. Хотя, при необходимости, можно будет отработать версию о наследстве из-за рубежа — наследстве, о котором сама Ирина не знала...

Выезжая в больницу к барду, Володя все-таки взял письмо с собой. Идя в накинутом на плечи халате по длинным больничным коридорам, он больше всего на свете хотел, чтобы Певцов его понял и перестал ломать дурака со своими заходами в старые дома якобы по причине горячки. Дверь в палату возле ординаторской была открыта. Поздоровавшись со всеми больными, Володя предложил Гене пройти в холл и там поговорить. Но только они вышли в коридор, он взял Гену за руку и медленно, с расстановкой, произнес:

— Вчера поздно вечером в Москве хотели убить Ирину Вадимовну Александрову. В нее стреляли. Пуля пробила окно, ударила в зеркало, и...

— Тетя Ира... что с ней?! Она не пострадала? Скажите скорей! — перебивая его, воскликнул Гена. Его рука напряглась, в глазах стоял неподдельный страх.

— Тетя Ира? Почему тетя Ира? — переспросил Володя. Он ожидал чего угодно, только не этого семейно-родственного обращения. Однако во всем другом Володя оказался прав — это внезапное сообщение заставило Геннадия рассказать ему невероятную историю.

Певцов рассказывал долго, больше часа. Володя забыл о времени, о том, что его ждет машина, что он может опоздать на поезд... То, что говорил Гена, было неведомо даже Ирине, которую это непосредственно касалось. Однако Володя не знал, как распорядиться полученной информацией. Он вместе с Геной «прилаживал» к ней письмо бабушки, которое дал ему почитать, историю с бароном и его золотом и множество других событий, о которых ему стало известно в последние дни. Но Гена подозревал конкретного человека, который по описанию походил на того, что прятался в огороде Володиного старого дома и был им косвенно замечен. Кстати,

Володя уже располагал сведениями, что при осмотре чердака его родного дома были обнаружены следы пребывания мужчины, хотя никто из жильцов туда в эти дни не заходил... Певцов не раз общался с этим неизвестным — тот познакомился с ним как бы случайно и представился иностранцем, не уточнив, правда, своей принадлежности к той или другой стране. Только когда Геннадий как-то посетовал на то, что у него нет хорошей концертной гитары, этот человек привез ему гитару из Германии буквально за день до концерта... Володя сразу же уточнил, когда был концерт, чтобы узнать, в какой именно день тот пересекал границу... Следы, ведущие в Германию, скорее всего, могли быть связаны с бароном — как никак, это был именно немецкий барон. Впрочем, и письмо Седашову должно было попасть неизвестно куда — вполне возможно, что в ту же самую Германию...

С этим багажом новых загадок и тайн Володя отправился в Москву, предварительно наказав Геннадию беречь себя. Охрану с больницы он не снял.

Удивительно, но «звонок» молчал. Ниточка, ведущая к барону, а, значит, и к богатству, была, как казалось теперь Володе, наиболее перспективной. Там, где золото, всегда присутствуют черные силы, черные мысли, блеск этого металла во все века ослеплял людей и не давал им возможности смотреть на мир чистыми глазами. Володя знал, как все будет дальше — из Москвы уйдет запрос в Ригу, Польшу, Германию — и где-нибудь следы этого барона обязательно обнаружатся. Возможно, тогда станет ясно, какое конкретно отношение имеет связанное с ним прошлое к Ирине Александровой, не стремящейся овладеть никаким золотом или иными ценностями, тянущимися из тех давних лет. То есть, возможно, ей элементарногодились бы деньги, но вырывать их из чьих-то рук она уж точно не будет. А еще Володя теперь хранил сюрприз для Ирины Вадимовны. Семейный сюрприз. Такой, что будь здоров! Но он не будет в это вмешиваться, это не его дело. Ребята сами разберутся, что к чему. Похоже, они уже разобрались. Осталось сделать последний шаг... Хотя, конечно, он обязательно поговорит с молодым соседом из однокомнатной квартиры. Тем более что у них смежные балконы...

Ирина встретила Володю с радостью — по его тону она поняла, что ее мучениям приходит конец, что свет в тоннеле уже определенно появился... Они прошли в комнату, сели за письменный стол — Володя еще в прихожей сказал, что ему надо будет кое о чем ее спросить и записать ответы. Ирина уже знала, что он не любит пользоваться диктофоном, считая, что своя рука надежнее, поэтому придвинула ему несколько ручек, пачку бумаги и вдруг замерла, услышав его слова:

— Понимаете, Ирина, я сейчас к вам прямо от наших московских коллег... Мы определили, так сказать, направление поиска. И остановились на одном. Кое-какие предположения ведут нас за границу. Точнее — в Германию.

— Какие предположения?

— Человек, который, как мы полагаем, хотел вас убить, живет там. С войны. Его туда привезли как рабочую силу. Он работал у одной фрау. А потом... женился на ней.

— Господи!

— Что ж, все бывает. Во всяком случае, она не монстр какой-нибудь, а, говорят, нормальная женщина, над нашими «рабами» не издевалась. Всякие ведь были...

— Но... я-то тут при чем?

— Этого мы пока не знаем. Я вашу анкету смотрел — за границей вы не были, так что там с ним никак соприкоснуться не могли. А вот здесь вы нередко встречаетесь с иностранцами, иногда они просто оккупируют ваш институт...

— Да, но... — Что-то во всех этих Володиных словах было не так, какое-то несоответствие, но Ирина не успела мысленно за него зацепиться, ее волновало другое: — Володя, ведь когда меня хотели столкнуть под поезд, мы как раз иностранцев встречали... Господи, кому и что от меня надо? У меня ведь ничего нет. И я никому ничего не должна. Наш прадед, как выяснилось, — я вам про него рассказывала — что-то имел, но все потеряно. Я гол как сокол. Как соколиха. Хотя... В том районе, где он прятал свои «желтые одуванчики», где все это затопило, недавно была засуха. И на это надо обратить внимание.

— Надо. Но если предположить, что убивают не только из-за денег...

— Я никому не делала зла! Не думаю, что студент, обиженный на «неуд», может такое сотворить...

— А вы не пробовали задавать какие-то вопросы на эту тему во время... спиритических сеансов?

— Пробовала! Хотя я в это теперь и не верю. Я спрашивала о причине — за что? О первоисточнике, так сказать.

— И что же?

— Я ни разу не услышала ответа.

— А раньше на другие вопросы ответы... были?

— Если честно — да. Не улыбайтесь. Я слышала ответы, которые звучали в моей голове, но на этот вопрос ответа не было ни разу. Хотя...

— Что — хотя?

— Хотя каждый раз, когда я спрашивала, кто и за что, у меня в ушах раздавался... выстрел!

— Выстрел? Вы не ошибаетесь?

— Нет. Очевидно, кто-то хотел меня предупредить о покушении. Странно только, что и после той ночи, когда я снова обратилась к высшим силам — ну, вы понимаете? — я опять услышала тот же выстрел... Может быть, в меня будут стрелять еще?

— Да... Вперед мы с вами не двигаемся, это факт. А какие-нибудь научные разработки связаны у вас с Германией?

— Нет, не связаны. То есть немцы приезжают иногда, что-то делается для них и вместе с ними на других кафедрах, а на нашей — пока нет. Мы с англичанами в основном завязаны.

— Ирина, давайте сделаем так. Я сейчас схожу пообедать, а потом мы опять сядем вместе и набросаем всю вашу биографию. И с родственниками, и с любимыми людьми, и с наукой. Идет? Где-то ведь собака зарыта.

— Зарыта. Володечка, пожалуйста, не уходите. Пообедайте у меня, как моя бабушка говорила — чем бог послал. А у меня сегодня классический обед — щи да каша.

— Щи да каша — еда наша, — повеселел Володя. — Идет! Мечите на стол! А каша какая?

— Перловая!

— Перловая? Ее сейчас так редко варят...

— А я ее люблю еще с Бранденбургских ворот! — крикнула с кухни Ирина.

— С каких... ворот?

— С Бранденбургских, Володя. Сейчас налью щей и все вам расскажу...

Володя сел за обеденный стол, не отрывая глаз от Ирины. Она продолжала говорить, но он плохо слушал — в глубине его подсознания какие-то клеточки медленно раздвинулись, давая дорогу сначала чуть слышному колокольчику, а потом уступая место все более настойчивому и резкому «звонку». Он никогда не обманывал Володю, надо только внимательно прислушиваться к нему...

Ирина принесла тарелки со щами и со сметаной, хлеб, деревянные ложки, села напротив и вновь заговорила о детстве. Володя ел вкусные щи и уговаривал себя слушать спокойно, не торопиться, хотя «звонок» не оставлял его ни на секунду. Причем он не сомневался, что это связано именно с Бранденбургскими воротами...

Ирина отнесла пустые тарелки из-под щей на кухню и вернулась с другими, наполненными хорошо разваренной перловой кашей с расплавляющимися кусочками сливочного масла.

— Может быть, вам с вареньем?

— Нет, нет, — поспешил ответить Володя и, взявшись за ложку, тихо спросил: — А что там с воротами-то?

— С какими воротами?

— С Бранденбургскими, вы сказали. Ну, когда я удивился, что у вас перловая каша, а вы сказали, что с тех ворот ее любите. Это какая-то метафора, аллегория или что-то еще?

— Да нет, Володя. У тех ворот меня перловой кашей солдат наш накормил. Прямо из котелка. Мы с мамой и отцом несколько дней голодные были. Нам паек выдали... банками с джемом. На джем долго потом смотреть не могли...

— А когда это было?

— Да сразу же после войны. В сорок шестом. Мне четыре года было, а я многое помню, Володя. Кое-что и по дням могу рассказать, представляете?

— Так, значит, вы... были в Германии? В Берлине?

— Да... Господи, я была в Германии. Но ведь я была там... ребенком...

— И не указали это в анкете...

— Конечно. Я дат не знаю, понимаете? Когда приехали, когда уехали...

— Ирина, извините, но я так взволнован, что не могу доесть вашу кашу. Вы ешьте, я подожду, а потом вы расскажете о Германии, и мы что-нибудь да выловим...

— Я тогда тоже не буду, — решительно проговорила Ирина. — Пойдемте к письменному столу.

Они пересели, и Ирина начала рассказывать... Перед глазами Володи проплывал длинный путь в Берлин — на поезде и машине «скорой помощи», выделенной для семьи военного врача, разрушенные города и странно контрастирующие с руинами оживленные вокзалы... Голодная маленькая девочка, которой в Польше что-то выменяли из продуктов, а в Берлине, на площади недалеко от рейхстага, ее накормили этой самой перловой кашей... Володя спокойно вбирал в себя этот рассказ, не прерывая и не спрашивая ни о чем — он запрограммировал себя на ключевую информацию, на событие, человека, эпизод, которые помогут раскрыть тайну, и старался не пропустить главного.

— ...мне стало плохо. В машине укачало. Мама меня вывела, тут я солдата и увидела. Он сидел, опершись спиной о колонну этих самых ворот, и ел кашу из своего котелка. Я встала возле него и смотрела на эту кашу, не отрываясь. Он обтер ложку, протянул мне, и котелок подставил. А когда я поела, показал мне какой-то подземный ход и сказал, что это был вход в метро. Я подошла, встала на лестницу, она вниз вела, а там — вода, все затоплено, вещи, тряпки какие-то плавали... Мама меня схватила — и обратно в машину... Мы там в маленьких городках жили. Дольше всех — в Людвигслусте...

«Звоночек» издал мягкий, чуть слышный звук и умолк. Володя стал записывать каждое слово. А Ирина достала карту, нашла на ней городок Людвигслуст.

— Странно, но я не видела там разрушений. Дома как дома. На нашей улице были все серые, стояли ровно, как по линейке. Тот, где были мы, — двухэтажный. Мы жили на втором этаже. А наша хозяйка фрау Анна — еще выше, там было что-то типа чердачка, но переделано под жилье. Помню, мама с ней была в очень хороших отношениях. И меня эта женщина любила. Она меня однажды нашла... Мы играли во дворе в дочки-матери, дети все немцы, я одна русская, а игры такие же, как у нас. Вдруг во дворе появились ребята постарше, отозвали моих друзей и что-то им долго шептали, поглядывая на меня. И тут «мои» внезапно разбежались в разные стороны, а те подошли ко мне, схватили за руки и повели. Я кричала, но мамы с папой дома не было, а другие... словом, никто не отозвался. Привели меня в какой-то двор, пальтишко с меня сняли, бросили в яму, вырытую посреди двора, и забросали хламом каким-то, ветками. Я от боли долго пошевелиться не могла, а потом, слышу, ветки кто-то разгребает. Это наша фрау Анна была. Она, оказывается, видела все со своего чердака. И пальто мое они потом вместе с мамой нашли... Отец все просил хозяйку показать ему этих ребят, но она отказалась...

Отец работал в госпитале. В нашем госпитале... О! Я вспомнила потрясающий эпизод! Как-то нам совсем нечего было есть, и отец надел свой белый халат и смело пошел в магазин под видом проверяющего из санэпидемнадзора. Его одарили буханкой хлеба и большим куском копченой колбасы. Мы ждали его недалеко от магазина, за углом, и страшно волновались — вдруг они обнаружат обман. А когда увидели его со всем этим богатством, бросились навстречу и побежали, только ветер в ушах свистел!

— А эту вашу фрау Анну угостили?

— А как же! Кстати, если бы меня не обокрали — это случилось лет десять назад, — я бы вам сейчас ее кольцо показала. Золотое. С гравировкой — «LG 1937». Инициалы не ее, но кольцо ей принадлежало. Она его маме подарила — за что, не помню. Кажется, они просто поменялись кольцами на прощанье — для памяти, так сказать... И все же мне кажется, что за что-то...

«Звонок» захлебнулся в собственном звоне и снова умолк, заставляя Володю гадать, стоит ли «копать» этот эпизод. Но Ирина так разволновалась, что он решил — надо!

— Давайте, Ирина, вспоминайте. События, людей, что-то еще... Представляйте во всех подробностях все, что с вами происходило. Это только кажется, что невозможно. А начните-ка — и все само будет всплывать в памяти... Если это действительно был подарок — может, и правда, за что-то?

— Володя, я вот помню, какая бумага у нас была во время игры во дворе — мы ее разрывали на кусочки, кусочек — «тарелка»... В крупную клетку бумага... Всю обстановку в комнате помню... Даже где мамины лекарства лежали, помню. А это — нет. Правда, иногда мне кажется, что я вспоминаю что-то чрезвычайно важное... Но мало ли что могло казаться важным четырехлетней девочке!

— И все-таки расскажите, что вам кажется...

— Ну, иногда я как будто вспоминаю какую-то тревогу, суету, все бегут, кричат, а потом меня берут на руки и говорят...

— Что говорят? — быстро спросил Володя. — Что говорят?

— Только не смейтесь. Говорят, что я кого-то от пули спасла... Чушь это! Четыре года мне было, и кого я могла спасти, как? Но мне это вспоминается... И еще кое-что, но только на слух... — Я имею в виду... Я запомнила... звук выстрела. Вроде ничего особенного, время такое было, а как начну думать о той Германии, так и слышу этот... Господи! — У Ирины задрожали руки, она прижала их к груди и, горячо дыша, отрывистым шепотом добавила: — Володя, это ведь тот самый выстрел... Тот самый...

— Какой... самый?

— Который проникает в мою голову вместо ответа на спиритических сеансах...

— Вы уверены? Но почему? В принципе, выстрел есть выстрел...

— Нет, Володя, там... еще какой-то звук был характерный. Крик. И вот этот-то крик смешивается с выстрелом, как бы накладывается на него...

— А говорите — не помните...

— Да больше ничего и не помню... Сто лет прошло... При чем здесь выстрел, фрау Анна? Она, наверное, давно уже умерла...

— А фамилии ее не помните?

— Фамилии... В детстве знала, а сейчас и не сказать. На какую-то реку похожа...

— На немецкую?

— Не знаю. Подождите-ка, Володя... Когда мы были маленькие, смотрели какой-то известный фильм про наших пограничников. Там эта река называлась, я потому и помнила...

— «Ко мне, Мухтар!»?

— Нет, в самом названии фильма была река. «Над...» какой-то рекой...

— Да «Над Тиссой» же!

— Тиссен! Ее фамилия — Тиссен! Анна Тиссен! Да, да, это точно! Я вспомнила! Анна Тиссен...

Володя подбежал к Ирине, схватил ее за плечи и, глядя прямо ей в лицо, отрывисто произнес:

— Слушайте меня внимательно. Здесь она, разгадка. И вот почему я так думаю. Человек, которого мы подозреваем, женат на Анне Тиссен...

— Но... Володя, когда мы были там, фрау Анна не была замужем... Во всяком случае, она жила одна...

— Да сколько вы там были-то! Четыре-пять месяцев... А он, кстати, женился на ней только в сорок восьмом году...

— Надо же...

Ирина подошла к шкафу и стала рыться на верхней полке, под простынями и наволочками. Наконец извлекла маленький полиэтиленовый пакетик, а из него — длинную цепочку с необычными звеньями. Володя видел такую впервые — аккуратные продолговатые золотые пластины, по две сразу, перемежались, а, вернее, сцеплялись между собой коротенькими и тоже золотыми завитушками с каким-то необычным оригинальным плетением.

— Нравится, Володя? Это ведь тоже ее подарок, фрау Анны. Мама рассказывала, что, когда мы оттуда уезжали, Анна предлагала ей взять с собой все, на что глаза смотрят. Мама, конечно, ничего не взяла. Но фрау Анна так умоляла взять эту цепочку! И тогда мама оставила ей свою, обычную... Так что они не только кольцами поменялись...

— А почему? Они были так дружны? Или — с пулей вам не показалось, вы и впрямь ее спасли? Как — это уж я не знаю, но только тогда все логически увязывается. Можно, например, предположить, что Анна Тиссен, обязанная вам вторым своим рождением, встав после войны на ноги, восстановив свое хозяйство, решила отблагодарить вас по-настоящему... Конечно, если тогда ее жизни действительно угрожали, и тот выстрел был настоящим, а не...

— А не моей детской фантазией? Не знаю...

— А детей у этой фрау не было?

— По-моему, нет.

— Понимаете, Ирина, женщины на старости лет часто склонны искать смысл жизни, который они не уловили, упустили или пропустили в лучшие свои годы. Склонны совершать непредсказуемые, на первый взгляд, поступки, однако за ними, как правило, скрыт высокий смысл. И чем необычнее поступок, тем с большим вдохновением они его совершают. Женщина говорит себе: «Я жила серо, буднично. Наверное, удобно. Может быть, даже красиво. Но в своих определенных, монотонных рамках. А, между тем, есть человек, — это я предполагаю, что конкретно ваша фрау Анна могла так думать, — есть человек, которому я обязана всей своей жизнью. Это та маленькая девочка Ирочка... И почему бы мне сейчас не завещать все свои драгоценности не жирному борову — моему мужу, который уже так же стар и немощен, как и я, а той девочке, если она жива, или ее родне, если...» И так далее. Она ведь знала вашу фамилию, и откуда вы приехали, из какого города?

— Мне все это кажется неправдоподобным... Тем более что между нами с тех лет не было никакой связи...

— Но ведь существуют организации, через которые она могла узнать о вас...

— Ой, Володя, на меня поступал какой-то запрос ректору... Но мне тогда не сказали, в чем дело, а я не стала допытываться. Собственно, я была уверена, что мне предстоит какая-то командировка за рубеж...

— Даже так? Видите... Работы нам прибавилось, но теперь хоть понятно, в каком направлении двигаться. Вот вам и Бранденбургские ворота! И перловая каша!

— Если, Володя, ваши догадки верны, то мне «грозит» наследство? А этот мужчина хотел убить меня из-за него?

— Предполагаю, что так. Если мы изначально встали на правильный путь...

— А где он сейчас? На свободе?

— Он... Кстати, зовут его Виктор Плешнев, это вам ни о чем не говорит?

— Нет...

— ...задержан за хулиганство. Напал только что в больнице... вернее, в больничном саду на барда Певцова... На того самого, которого тогда обнаружили в коридоре нашего дома, помните? Под дверью у Рудика... Думали еще, что он мертв... Я об этом нападении уже здесь узнал, перед тем как к вам идти...

— А... откуда они знают друг друга? Этот бард и Плешнев?

— Тут... длинная история, Ирина. Пока мы знаем, что Плешнев продал ему замечательную немецкую гитару. Знал, что бардам нужны хорошие гитары, вот и предложил... С этой гитары началось их довольно тесное знакомство. А потом Певцову показалось, что этот человек за вами следит... Впрочем, всего я вам вот сейчас, сию минуту рассказать не смогу. А у вас нет на этот счет никаких догадок?

— Нет... Но, значит, этот ваш Певцов знает меня? Вообще-то, когда я первый раз его увидела, мне показалось, что мы уже встречались... Знакомые черты... Но, наверное, видела по телевизору. Да нет, Володя, не обращайтесь на это мое «показалось» никакого внимания, а то я вас только запутываю. Это вообще моя природная черта — запутывать и запутываться... Я вот сейчас родословную нашу составляю, и так запуталась, что каждое семейство решила обозначать на отдельном листе, а потом все соединить, иначе прямо каша получается...

— Опять каша? — улыбнулся Володя и попросил Ирину позволить ему взглянуть на эту родословную...

Она достала папку, на которой так и было написано — «Родословная» и положила ее перед Володей. Он внимательно прочел каждую страницу.

Собственно, ничего нового здесь для него не было, почти о каждом родном человеке Ирина рассказала ему все, что знала, причем рассказы эти были очень подробными. Читая все эти имена, фамилии, даты, Володя вдруг почувствовал себя как на кладбище среди множества надгробий... Однако на памятниках или крестах всегда стояли имена и даты, а тут попадались полупустые и вовсе пустые «клеточки»... Почему?

— Почему? — переспросила Ирина. Оказывается, Володя задал свой вопрос вслух. — Да потому, что я не все знаю. Вот эти две «клеточки», например, — внуки моих двоюродных сестер. Сестры в Сибири живут. Обе мне на письма пока не ответили... А эта «клеточка» — мой племянник, сын моего брата от первого брака... Я, к стыду своему, не знаю точно, в какой день он родился. Брат его не воспитывал, он как-то сразу второй раз женился... И сын у них родился, Игорь. Он, кстати, навещается ко мне иногда, я вам говорила. Характер не из легких. Хотела его позвать, когда мне особенно тяжело было, а он на практику уехал, на Урал. Да, может, и к лучшему — я иногда его как-то побаиваюсь, хотя сама не понимаю, почему...

— Но вы его ни в чем не подозреваете?

— Я не могу его подозревать, я его все-таки люблю. А первая жена моего брата уехала с сыном на Дальний Восток. Она и от алиментов даже отказалась, так что мы про них ничего не знаем... Брат их искал — и по своей фамилии, и по ее девичьей, она Зина Бочигина, но не нашел, а потому решил, что бывшая его жена вышла замуж...

— Ну, я думаю, что вы его найдете, и очень скоро. С моей помощью, — скромно прибавил Володя.

— Попробуйте. Брат очень виноват был перед ними. Да и мы все виноваты... Я себе, честно говоря, простить не могу, что не вмешалась тогда, когда надвигалась трагедия, да и потом в их жизни не приняла никакого участия. Диссертацией была занята...

Володя еще раз просмотрел каждый лист, переспросил, не жил ли кто-нибудь из них в Германии, и, получив отрицательный ответ, ушел, условившись, что завтра или он, или его московские коллеги свяжутся с Ириной по телефону.

Ирина осталась одна. Нынешние события настолько выбили ее из колеи, что она чувствовала себя очень усталой. Включив магнитофон, она закрыла глаза и погрузилась в чарующие звуки, наслаждаясь голосом своего любимого певца Лучано Паваротти и стараясь ни о чем не думать...

И тут неожиданно лязгнула балконная дверь. Ирина тупо уставилась на нее, чувствуя, как бешено заколотилось сердце, а в следующую секунду в комнату буквально ввалился тот самый злобный тип, который попался Ирине и ее сопровождающему на лестнице, когда после страшной ночи

покушения она поехала на беседу к полковнику. В этот раз лицо его не было ни перекошенным, ни злобным, а, напротив, очень молодым и приятным. Ирине он даже понравился, и она, выключив магнитофон, спокойно сказала:

— Добрый вечер, сосед. Вы ко мне в гости? Только перепутали входную и балконную двери? Немудрено — балконы-то у нас смежные... Прошу вас, дайте мне вон с той полочки лекарство... Вот это красное. Нитроглицерин. С сердцем плохо... Нет, нет, «скорую» пока не надо... Побудьте со мной...

Незванный гость, ничего не говоря и не извиняясь, сел напротив нее, и она впервые смогла хорошо его разглядеть. Молодые люди его возраста обычно носят джинсовые куртки и брюки, футболки и свитеры, а на нем — строгий темно-серый костюм, прекрасно выглаженная светлая рубашка, небросающийся в глаза галстук. У него чудесные каштановые волосы и — вот интересно! — такого же редкого оттенка, как у нее... И лицо довольно волевое, но при этом очень теплое, симпатичное... Господи! Вновь что-то ударило в грудь, ей стало жарко от догадки — да нет, не догадки, а от правды, которую она поняла, глядя на его глаза, брови, лоб, манеру сжимать губы...

Он тоже смотрел на нее, не отрываясь, и вдруг наклонился, взял ее за руку и тихо, просто сказал:

— Тетя Ира...

— Димочка... — выдохнула Ирина и, не удержавшись, заплакала — горько, навзрыд.

Парень явно не знал, что делать, сел на стул поближе к ее креслу и стал гладить ее руки, приговаривая:

— Тетя Ира, успокойтесь. Если вы так из-за меня — не надо. Я понял, что вы... все поняли. Я давно в Москве, но в ваш дом перебрался всего месяц назад. Специально. И не ожидал, что мне так повезет — прямо рядом с вами... Я эту квартиру на полгода снял, деньги заплатил вперед. Днем учился, а ночами афиши расклеивал в одном рекламном агентстве.

Ирина всматривалась в него и не могла поверить в то, что случилось. Ей хотелось обнять его, крепко прижать к себе, говорить ему ласковые слова, называть его Димочка, Димуля, но она не решалась этого сделать, только провела рукой по его волосам:

— Как похож-то... похож-то... в нашу ты родню...

— И мама так говорила...

— Как Зина? Не болеет? Только что с Владимиром Ивановичем, со следователем из нашего города, мы о маме твоей говорили. И о тебе. Родословную ему показывала — он все проверяет, и московские оперативники тоже, меня ведь убить хотели, а он и спросил, почему твоя клетка не вся заполнена. А мы ведь твоего дня рождения не знаем...

— 14 марта... А мама не болеет. Мама умерла. Год назад. Отчим сейчас там один остался. Мы с Геной — это мой брат — оба в Москве, он тоже учится, только заочно.

— Гена — это сын... отчима?

— Да, но он нас не делил. Мы очень дружно жили. Но — трудно... Отчим много болел. Маме приходилось надрываться на работе... Потому она так рано и... ушла.

— Ты простишь нас, родственников, что мы от вас... от тебя отстранились? Меня простишь? Плохо вышло-то все как! Прости меня, Димочка!

— Я простил. Я к вам и шел, чтобы — простить. Подслушивал ваши разговоры с балкона... Решил простить и ринулся к вам, совсем забыл, что это не входная дверь...

— Вот ты какой...

— Нет, вы меня не знаете. Я все про вас узнавал, я давно за вами следил, потому что еще после смерти мамы принял важное решение.

— Какое... решение?

— Может быть, лучше об этом потом? А то как бы вам хуже не стало...

— Хуже, Дима, некуда. Бросили мы вас все, выходит. Мама твоя гордая, от алиментов, подачек этих, отказалась, а мы и пальцем не пошевелили, чтобы вам помочь. Что уж говорить! По уши виноваты. Так что выкладывай все из-за пазухи, тебе же легче будет!

— Я в суд хотел подавать. На отцовское наследство.

— Что?!..

— Нет, Ирина Вадимовна, я не жадный. Я бы все, что высудил, в детдом отдал или еще куда. Но я хотел, чтобы вы все вспомнили, что есть такой Дмитрий Певцов, что я существую, что обо мне тоже надо было заботиться, что...

— Стой! Почему — Певцов? У тебя разве не наша фамилия? Не Александров?

— Отчим меня усыновил и дал мне свою фамилию. Пусть так и будет, я его не предаю...

— А твой брат — Гена... Певцов?

— Да, конечно.

— Он... песни поет? Он бард?

— Еще как поет! На всех конкурсах туристских песен у него — призовые места. И на гитаре он отлично играет. Так вот, я не договорил. Понимаете, простите, но я хотел ударить по вашему эгоизму. В законодательство посмотрел, с адвокатом посоветовался, и — вперед! Ох, как я вас всех, благополучных, тогда ненавидел! Это ведь я вас однажды на мостике встретил, все хотел вам высказать, и вы тогда чуть в воду не упали. А несколько дней назад...

— Дима! У нас с тобой все будет хорошо, понимаешь? А фамилия... какая разница? Все равно родная кровь... Отец твой был несчастный человек, его судьба за вас наказала... Эта женщина, вторая жена, принесла ему столько зла! Сын у них есть, Игорь, твой брат...

— Я с ним знаком. Мы даже случайно сфотографировались вместе... Как-то раз, когда я за вами... наблюдал, он это заметил, стал спрашивать. Ну, я ему все и рассказал.

Ирина вспомнила ту мимолетную фотографию в руках Игоря. По тому, как Игорь ее показал, можно было догадаться, что за этим что-то скрывается, а она вот не догадалась... Но сейчас Ирина решила говорить только о главном.

— А ты знаешь, что Гена Певцов лежит в больнице с желтухой? И что на него несколько часов назад напали?

— В какой больнице? Как?!

— В инфекционной. В том городе, где мы с твоим папой родились. Там конкурс песенный был, он приехал, остановился в гостинице и заболел. А потом — полная загадка: оказался в беспамятном состоянии в старом доме, где Владимир Иванович жил, в нашем дворе. И я как раз там была, к соседям заходила. Наш-то дом давно снесли, а этот, каменный, стоит, все там до сих пор и меня, и папу твоего помнят... Владимир Иванович вызвал и «скорую», и милицию. Сначала даже думали, что он мертв... Но сейчас с ним все нормально, состояние стабилизировалось.

— Вот это да! То-то я волновался, почему его давно нет... Думал, гастроли. Мы ведь вместе живем. Когда я еще в общежитии жил, то и он со мной — нелегально... Заочник, ему-то общежитие не положено. Потом на заводе стал работать, там ему общагу дали. А когда я квартиру снял, то уж вместе поселились...

— Знаешь, давай про суд потом договорим. И про детство твое, и про все хорошее и плохое. А сейчас про Гену расскажи. Похоже, он хотел нас о чем-то предупредить, от чего-то избавить... Ну, Владимир Иванович! Ведь явно что-то знал, а не сказал! Может, хоть ты свет прольешь?

— Тетя Ира, я, когда вас выслеживал, несколько раз столкнулся с каким-то странным мужичком. Он тоже вроде как по пятам за вами ходил. Я уж, грешным делом, подумал — не друг ли ваш... ну, ухажер... Только он намного старше вас. Однажды я с балкона видел, как он за гаражами прятался... Собирался об этом сказать, когда к вам милиция приходила, но... зол на вас был. Да и Генку подставлять не хотелось... Тут ведь дело-то какое... Я однажды Гене этого мужика показал, мы случайно на него наткнулись. А, может, не случайно, теперь уж не знаю, что и думать... Так Гена сказал, что этот мужик к нему вяжется, и именно он продал ему концертную гитару. У него ведь долго не было хорошей гитары.

Что ж, прибавилась еще одна загадка, подумала Ирина. Они, эти загадки, стали уже наслаиваться одна на другую, и похоже, что всем им этот «таинственный пирог» окажется не по зубам. Всем, кроме Володи. Стоило ей так подумать, как зазвонил телефон — Володя поздравил ее со счастливой встречей, признался, что он уже беседовал с Димой, и попросил, чтобы несколько последующих дней Ирина провела дома и никуда не уходила. Она пообещала. Они с Димой проговорили всю ночь и заснули только под утро, причем Ирина не отпустила племянника в свою квартиру, а постелила ему в зале, на диване...

А Володя тем временем продолжал раскапывать все новые и новые факты, мотался, казалось, уже по всей стране. Один из московских следователей спешно выяснял со своими немецкими коллегами, кто такие Анна Тиссен и ее муж. Были получены даже их фотографии, и Дима узнал в Аннином муже того самого «странного мужичка», а точнее, как выразился один из следователей, — «зверя в образе человека». Захваченная новыми людьми, сведениями, вообще новым отношением к жизни, Ирина со странным чувством вспоминала свои прежние мистические настроения и способности — все это казалось ей смешным, нелепым и никак не вязалось с реальностью. И смерть тети выглядела теперь для нее иначе, ибо она догадывалась, что никто из потустороннего мира не мог назначить ей свидание, это сделал человек, убийца, причем так искусно, что его даже не заподозрили в тетиной гибели... Дима просил подключить его к расследованию, заметив, что они на историческом факультете изучают и право, стало быть, он без пяти минут профессионал, но Володя наотрез отказался от его помощи и прямо сказал, что для всех будет спокойнее, если Ирина проведет эти дни не одна, а с ним.

В это утро Ирина встала раньше обычного. Ей вдруг показалось, что новый день будет особенным, он внесет ясность в ее жизнь, положит конец всем страхам и напастям. Предчувствие ее не обмануло. Пока она умывалась, Дима открыл дверь, в которую торжественно вошел Володя и нерешительно — Гена, осунувшийся и еще слабый после болезни. Володя нес его чемодан и кейс с гитарой. Дима крепко обнял брата, приговаривая: «Дил, я так за тебя переживал! Отцу ничего не сообщал, написал, что все в порядке! А то он разволнуется...»

Володя предложил всем сесть за стол и послушать его. Он выложил свои записи, окинул всех многозначительным взглядом и начал рассказывать...

— Загадок больше нет, господа присяжные заседатели! У нас было несколько версий всего происходящего, но основных — две. Одна, как вы

понимаете, не могла быть не связана с бароном — молодые люди, вы вряд ли о нем знаете...

— Я Диме все рассказала, — вставила Ирина.

— Прекрасно! А вторая — с Анной Тиссен и ее мужем Виктором Плешневым. Вы, Ирина Вадимовна, действительно спасли ей жизнь, это было осенью сорок шестого года. И она в конце, так сказать, пути решила вас отблагодарить. То есть наши с вами последние предположения были правильными. Муж, естественно, восстал, он очень любил деньги, но переубедить жену не смог и решил действовать по-другому, тихо и жестоко. Прежде всего, надо было покончить с вами, Ирина Вадимовна, и это логично, вы уж меня простите. Но погибает муж вашей тети, а потом и сама тетя. Почему? А потому, что Плешнев ошибся! Он принял вашу тетю за вас, Ирина Вадимовна! Сначала эта ошибка показалась мне невероятной, но потом... Смотрите, у вас и у тети были одинаковые имена, фамилии, сходные профессии. И по возрасту вы не так уж сильно отличались друг от друга. А главное — жили-то вы раньше вместе, по ее адресу. Мы пока не знаем, какими источниками он пользовался, когда вас искал, но получилось — напутал... Он долго выжидал удобный момент, и когда ваша тетя с ее мужем были в гостях, решил отравить обоих, убить сразу двух зайцев, ибо муж — тоже наследник. Но получилось так, что ваша тетя не прикоснулась к отравленному блюду... Тогда после похорон ее мужа этот подонек инсценировал его пришествие с того света — якобы он назначает свидание жене возле кинотеатра. В этом месте всегда автомобильные пробки, и немудрено, что она выскочила из зажатой со всех сторон машины и стала пробираться к кинотеатру пешком... Но убийца ее уже поджидал, он рассчитывал на подобную ситуацию...

— А когда он узнал, что она — это не я? — нетерпеливо спросила Ирина.

— На ее похоронах. И сказал ему об этом не кто иной, как... Дима. Да. Ты ведь потихоньку изучал свою родню. Пришел и на похороны. Народу было много. И никому не показалось странным, что кто-то кого-то спрашивает о том, кем, скажем, у погибшей Ирины Алексеевны работал отец... Чугунные решетки отливал... Как просто при этом сказать — о, а я думал, что он хирург! А Диме — ответить, что хирургом был ее брат, отец Ирины Вадимовны... И даже ее показать... То есть вас... Кстати, это он, затесавшись в компанию пьяных на перроне, чуть не столкнул вас под поезд. Но когда Плешнев вас выслеживал, чтобы убить, — на допросе он подтвердил эту цель, — то поневоле сталкивался с Димой, которому хотелось как можно больше о вас узнать. А где Дима, там и Гена. Плешнев познакомился с вами, молодые люди, поближе — ему надо было через вас получать нужную информацию. Гене даже привез из Германии гитару, чтобы окон-

чательно войти в доверие. И в один прекрасный момент он, наконец, наметил расправу над Ириной Вадимовной. У него был ключ от вашей квартиры, Дима. Однажды поздно вечером, когда вас не было, а Ирина Вадимовна уже спала, он проник на балкон и вещал оттуда про кладбище, на которое она должна пойти в понедельник вечером... Тетя, якобы, зовет... Впечатлительная Ирина Вадимовна не почувствовала подвоха и на кладбище не пошла только после моего запрета. Но кладбище — это был его запасной вариант, так как еще до этого самого понедельника Ирина Вадимовна поехала на выходные дни в свой родной город, о чем Плешнев узнал от вас же, молодые люди. Он даже точно выяснил, где этот дом расположен. И вполне возможно, что самое страшное должно было произойти во время спиритического сеанса... Но в это самое время Геннадий — именно Геннадий, не накачивающий себя злобой к Ирине Вадимовне, а относящийся ко всему больше как сторонний наблюдатель, начал подозревать, что Плешнев вовсе не так безобиден, как кажется. И когда Ирина Вадимовна поехала в родной город, он бросился за ней, ничего не сказав брату. А то, что там в это время проходил песенный фестиваль, было просто совпадением. Он поехал бы туда и без всякого фестиваля, потому что почувствовал — тетка его брата в опасности, и отчасти они с Димой в этом виноваты. Однако уже в поезде ему стало плохо, а когда приехал и поселился в гостинице, то дежурная была вынуждена вызвать ему «скорую помощь»... Дальше, в общем-то, все логично — Гена сбежал из больницы, чтобы предупредить Ирину Вадимовну — он должен был сделать это быстро, но в ее доме, в коридоре вдруг потерял сознание... Однако уже само его появление там спугнуло Плешнева, который прятался возле дома, а потом на чердаке. Я ведь его тогда заметил в огороде, но — краем глаза, не зафиксировав это в памяти, а потом долго мучился — что же там было, что я упустил? Кто-то прятался, но кто? Оказывается, он. После всей этой катавасии с Генной Плешнев оттуда ушел и попытался проникнуть в больницу — он утверждает, что просто хотел поговорить с Генной, чтобы он его ни в чем не подозревал. Но днем в инфекционное отделение не пускают, там с этим строго, и ночью не попасть — каждый этаж запирается отдельно, в окна не влезть... Словом, крепость. К тому же мы там и охрану поставили. И все же через несколько дней Плешнев подстерег Геннадия в саду и, не выдержав, набросился на него... Тут негодяя и скрутили... Но еще до этого нападения он поехал в Москву, чтобы подстеречь Ирину Вадимовну на кладбище. Но она, как мы знаем, туда не пришла... Тогда, в тот же вечер...

— Я видел его тогда за гаражами... И хлопок слышал, но не подумал, что это выстрел. А до этого он меня во дворе встретил, спросил про Гену... Про тебя, Дил, спрашивал... Хотел в гости к нам прийти...

— А почему «Дил»? — как-то не к месту спросила Ирина.

— А это с детства — крокодил Гена.

— Хорошие у вас родственники, Ирина Вадимовна. Геннадий сразу навел меня на мысль о Германии — Плешнев там явно не гость, гитару вот запросто привез... Кстати, Гена точную дату назвал, когда гитара из-за границы «приехала», а уж по документам, по описанию и личность нетрудно было установить... Далее поработали немецкие коллеги — так мы вышли на Анну Тиссен. Но связи с Ириной Вадимовной не прослеживалось, пока несколько дней назад мы с ней не сели обедать... Щи да каша... да Бранденбургские ворота... Оказывается, наша Ирина Вадимовна сразу после войны была с родителями в Германии, и жили они у этой самой Анны Тиссен. Жили и даже... дружили. И вот там-то произошло нечто, за что Анна через много лет решила отблагодарить Ирину Вадимовну. Одарить ее своим наследством...

— Но за что, Володя? Вы узнали, за что?

— Узнал, Ирина Вадимовна. И не буду вас больше томить. Представьте себе нашего солдата, который получил известие, что у него умерла мать. В войну ее ранили фашисты, и она умерла, не дождавшись сына... Солдат идет по улице немецкого городка, его психическое состояние можно сравнить с кипением воды, когда она клокочет изо всех сил, и брызги вырываются наружу. И вдруг он видит идущую впереди немецкую фрау, не страдающую от ран, от голода, непосильного труда... Не могу судить, насколько естественным или справедливым было его решение — кровь за кровь! — но он погнался за фрау Анной. Это было недалеко от ее дома. Фрау оказалась очень проворной, она вбежала в дом, бегом поднялась к себе наверх и в изнеможении упала на пол... Но чувство мести сделало солдата тоже очень проворным — он вбежал вслед за ней, в руке его был пистолет... Возможно, солдат колебался какую-то секунду... Именно в эту секунду маленькая русская девочка Ирочка, которая любила фрау Анну, не обращая внимания на солдата, вбежала в комнату и бросилась к ней... Прогремел выстрел, но пуля прошла мимо — не мог же он стрелять в ребенка... А потом...

— А потом кричал отец! Он спустил этого солдата с лестницы... А фрау говорила, что, если бы у нее было много золота, то она осыпала бы меня им с головы до ног... Я это вспомнила потому, что тогда мне стало страшно — не оттого, что случилось, я и не поняла ничего, а оттого, что представила, как мне тогда будет под этим золотом тяжело, и нечем дышать... Я ведь к тому времени уже побывала в яме...

— Как верно вы говорите, Ирина, — грустно заметил Володя. — Когда много золота — людям всегда тяжело и нечем дышать. Оно давит...

— И раздавит, — закончила за него Ирина. Она говорила очень тихо, голос ее дрожал. — Так мне что, отказываться от наследства? Я уже

думала об этом. Конечно, это все неожиданно и глупо. Но, с другой стороны, почему я должна не уважать волю этой женщины? Тем более, что мне есть для кого приобретать... что там, марки, золото?

— Текст завещания мы еще не получили, но нам сообщили, что там — и то, и другое.

— Ого! Ну, держитесь, Дима с Геной! И Игорь... И вы, Володя, держитесь! Мы будем богатыми людьми! И все благодаря моей смелости в четыре года! Подумать только! Пули не испугалась! Немку спасла! А она ведь действительно была очень хорошей... Господи! Я ведь хотела что-то вам сказать... Вот вы, Володя, рассказывали, а я что-то хотела... Что-то меня удивило... Ну, конечно! Выстрел! Зря вы не верите в оккультные науки... Ребенок не заметил, не запомнил стреляющего солдата, но, выходит, меня всю жизнь преследовал этот выстрел... Господи, как я хочу на свободу! Недавно я была в театре на Таганке, смотрела «Мастера и Маргариту». Маргарита, перед тем как уйти от всего этого бедлама к своему Мастеру, раскачивается по сцене на огромных качелях, причем летит прямо на зрителя и кричит в зал: «Господи, как вы мне надоели! Как я вас всех ненавижу!» А я думала — почему она ненавидит? Отчего не тратит свою энергию, чтобы стать свободной? Отряхнуться от них, очиститься... А я вот не умею ненавидеть. Я и этого... как его... Плешивого...

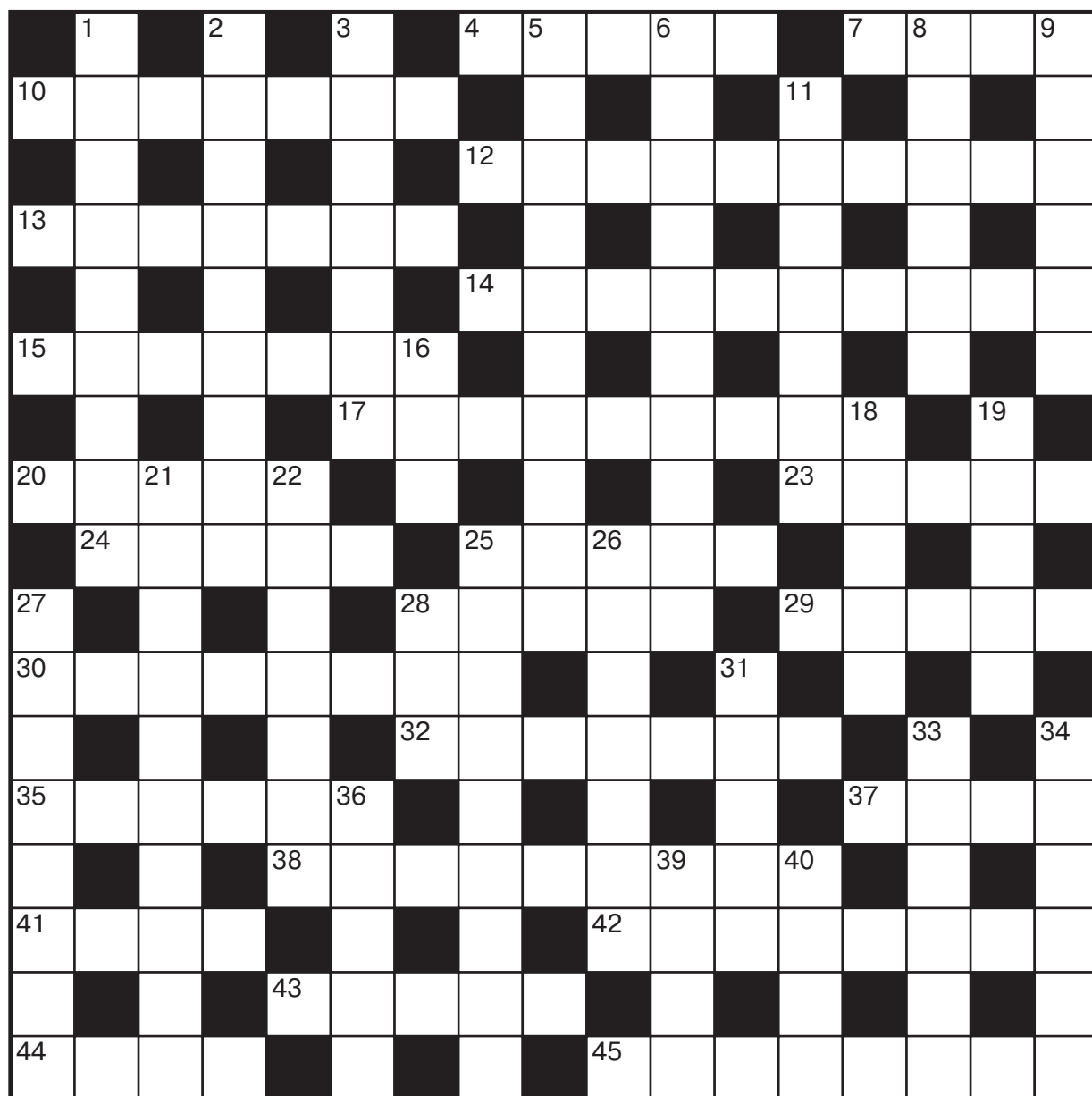
— Плешнева, — поправил Володя.

— Плешнева не ненавижу. Я его даже понимаю. Прошное показало ему хорошую дулю. Фигу с маслом. В тюрьме пригодится. Маленькая девочка спутала ему все планы. Выстрел! А фрау Анна жива... Нет, ребята, я опять займусь спиритизмом. Это же надо! Сколько раз спрашивала у... словом, у тех, кто уже там, далеко, по ту сторону жизни, кто и за что хочет меня убить, и слышала в ответ этот самый выстрел... Это я для вас повторяю, мальчики, Владимир Иванович об этом знает. Отряхну всю эту зависть, ненависть ко мне — как пыль. Наверное, это будет второе рождение. Займусь диссертацией. Буду помогать Диме с Геной, Игорю. А главное — буду спокойно и свободно ходить по улицам, не прячась и не вздрагивая от каждого резкого движения прохожего. Я буду свободна, счастлива...

— И богата, — вставил Володя.

— И богаты. Мы все, — улыбнулась Ирина. Она немного помолчала и, задумчиво глядя куда-то вдаль, тихо проговорила: — Право слово, не мог же он стрелять в ребенка... □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Брызгалка на английский лад. **7.** К чему приводит расслабление мускулатуры мягкого неба и глотки, если это происходит во сне? **10.** Что в советские времена продавали «из-под прилавка»? **12.** Если верить еврейским преданиям, Ной не пустил Ложь на ков-

чег одну! Тогда она привела своего супруга — ... **13.** Учитель с глобусом. **14.** Свой труд «... песка» великий античный математик Архимед посвятил нумерации больших чисел. **15.** Какое взрывчатое вещество и по сию пору подпитывает Нобелевскую премию? **17.** Кто «придельывает но-

ги» чужим кошелькам? **20.** Балагур на сцене. **23.** «Причесон» у Вупи Голдберг. **24.** На чем умел играть Сергей Эйзенштейн? **25.** Хлебная конфигурация. **28.** «Шулерский тайник». **29.** Деликатес «во времена оны». **30.** Планета, из которой может родиться комета. **32.** Первый, кто пришел навестить новорожденную Лайзу Миннелли. **35.** «Приют разврата». **37.** Японские палочки для еды. **38.** «Зебра» на моряке. **41.** Какой из секс-символов Голливуда из принципа не читает письма от своих фанатов, предпочитая тратить свободное время исключительно на общение со своими близкими? **42.** Какая оперная дива исполнила гимн при открытии Сочинской Олимпиады? **43.** У кого самый изощренный ум? **44.** Лесенка к лайнеру. **45.** У кого «забот полон рот»?

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Французский комик Фернандель считал, что «... по сравнению с радиоприемником имеет целый ряд неоспоримых преимуществ, поскольку помехи в нем можно не только слышать, но и видеть».

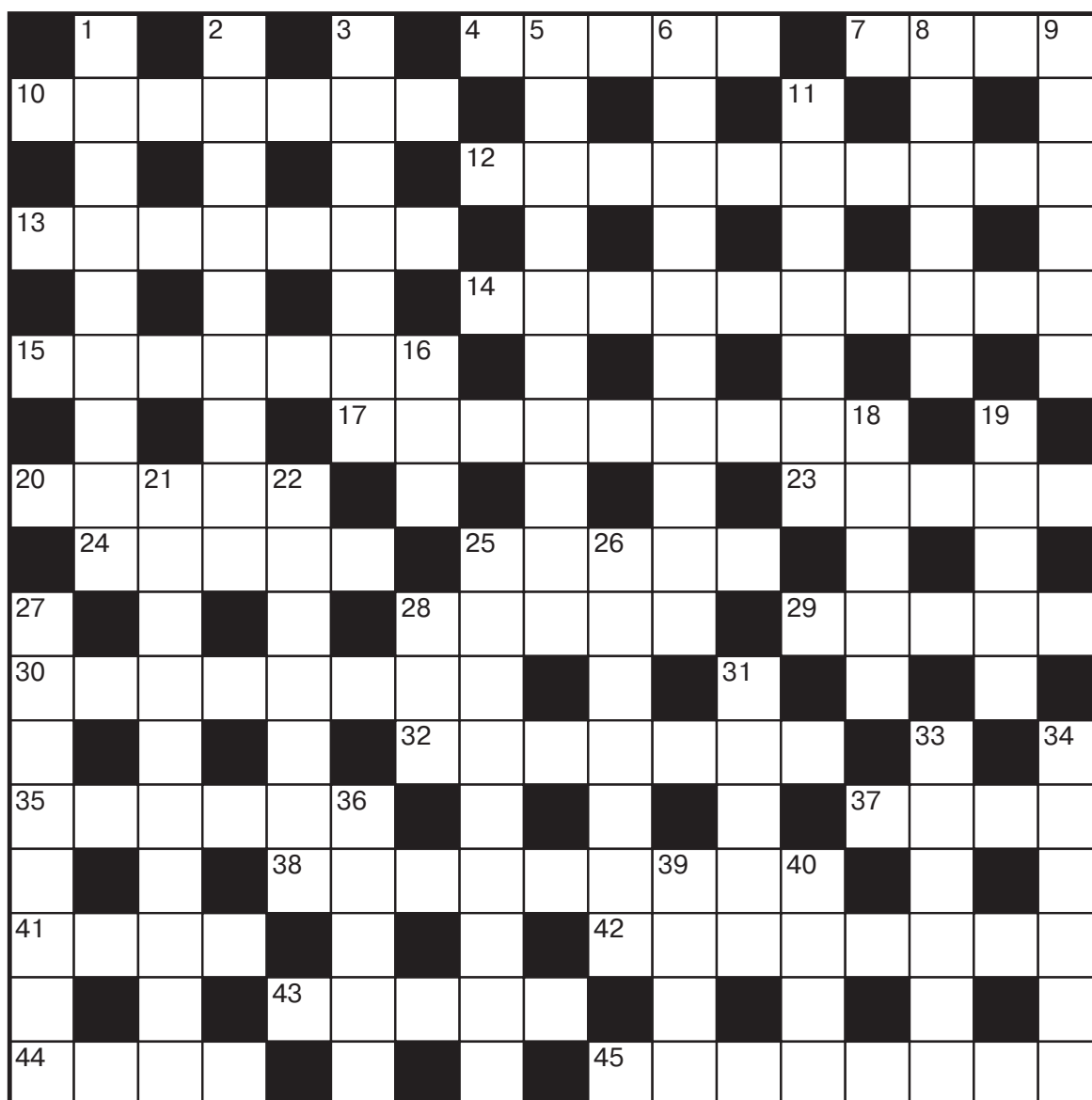
2. Складное изложение нескладной жизни. **3.** Какое судно своей гибелью сумело заработать одиннадцать «Оскаров»? **5.** «Романтическое освещение» ужина. **6.** Кто связал Плейшнера с профессором Преображенским? **8.** Что «сводит жизнь» до минимума? **9.** Как назван в Библии рай-грас английский? **11.** «Неиссякаемый источник» звездных скандалов. **16.** Десятнадцатый шаг на пути к омеге. **18.** Спартаковский обидчик. **19.** Мадам Грицацуева. **21.** Шоферский ломик. **22.** На каком музыкальном инструменте играет Вуди Аллен, чтобы убежать от невротиков? **25.** Японцы изобрели ..., который в нужное время издает аромат какого-нибудь цветка. **26.** Кто написал музыку к «Покровским воротам»? **27.** Изменение курса ровно на 180 градусов. **28.** Злак на роллы. **31.** Природный «борец с авитаминозом». **33.** Жертвенный дебют в шахматах. **34.** «Самый колбасный» из сталинских наркомов. **36.** Будущий Феникс. **39.** Турмалин, чтобы варить любовные зелья. **40.** Клубный мошенник в дореволюционной России.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Холст. **9.** Недосып. **11.** Дверь. **12.** Табачок. **14.** Бетон. **15.** Гобоист. **16.** Порок. **18.** Желоб. **20.** Карапуз. **23.** Лимож. **25.** Сара. **28.** Зубрила. **29.** Абсент. **30.** Кабо. **32.** Донос. **33.** Аллен. **34.** Алексеев. **36.** Бельмондо. **38.** Делегат. **39.** Алтын. **40.** Отрасль. **41.** Стадо. **42.** Оникс. **43.** Лакрица. **44.** Фродо.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Перелет. **2.** Колокол. **3.** Быт. **5.** Осадок. **6.** Слог. **7.** Автобус. **8.** Крест. **10.** Паровоз. **13.** Корабль. **17.** Кабриолет. **19.** Бизнесмен. **21.** Запал. **22.** Барон. **24.** Жуков. **26.** Палач. **27.** Успех. **30.** Клеопатра. **31.** Безделица. **32.** Дезертир. **35.** Вьетнам. **36.** Багдад. **37.** Бланк. **38.** Дырка.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Шелковая салфетка для японской чайной церемонии. **7.** Терьер, ставший первой собакой, что участвовала во вручении премии «Оскар». **10.** Японский Дед Мороз. **12.** Шотландский археолог, «король британских кубков». **13.** «Безвыходная ситуация» на молодежном сленге. **14.** Иранский футу-

ролог, попавший на страницы романа «Инферно» Дэна Брауна. **15.** «Игла Клеопатры», привезенная в Лондон из Египта. **17.** Квартира холостяка. **20.** Вечерняя молитва у иудеев. **23.** Мотоцикл с дополнительным колесом. **24.** Из чего делают птифур? **25.** Нож для просфор. **28.** Девичья фамилия первой жены Альберта

Эйнштейна. **29.** Придворный ювелир, сделавший первые наручные часы для супруги Наполеона Бонапарта. **30.** Трехлитровая бутылка шампанского. **32.** Какому зверю подражал бегун Чарльз Шерилл, когда придумал низкий старт? **35.** Один из языков, знакомых волшебнику Ринсвинду из романов Терри Пратчетта. **37.** «Счастлирое положение» в карточной игре. **38.** Сарафан на древней египтянке. **41.** Какой лейб-медик первым ввел в медицинскую практику лечебное голодание для императорских особ? **42.** Основательница школы гетер в Коринфе, отличавшаяся прямо-таки страстью к математике. **43.** Священный камень. **44.** Мэр города в Казахстане. **45.** Сплав алюминия, хорошо противостоящий не только влажному воздуху, но и соленой воде.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Глава почтового департамента, при котором в России ввели почтовые марки. **2.** Красящее вещество в чернике. **3.** Столица с памятником адмиралу Федору Ушакову. **5.** Любимый фасон

меховой шапки у Михаила Горбачева. **6.** Поэтический друг Сергея Есенина. **8.** Веер судьи сумо, которым он указывает на победителя. **9.** Какому из африканских народов мир обязан появлением слова «танго»? **11.** Рассказ «... природы» русского писателя Николая Лескова. **16.** Французская пелерина XVII века. **18.** Лучшая растительная шерсть. **19.** Югославский каравай. **21.** Какой окунь стал символом Австралии? **22.** «Строительный стиль» «имени братьев Grimm». **25.** Личный помощник Папы Римского. **26.** Единственная птица, ходящая стоя. **27.** Африканский музыкальный инструмент с корпусом из тыквы. **28.** Цветочный символ богини Венеры. **31.** Армянский суп из овощей и крупы. **33.** Грузинская печь. **34.** Какому немцу история приписывает создание первого в мире глобуса? **36.** Один из шести мифических титанов. **39.** Какое пурпурное полотнище древние римлянки надевали по особому торжественным случаям? **40.** Индийский обряд сожжения вдовы на погребальном костре умершего супруга.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Оккам. **9.** Автолик. **11.** Диокл. **12.** Фонолит. **14.** Яргак. **15.** Макондо. **16.** Антиб. **18.** Боннэ. **20.** Кирхгоф. **23.** Окрин. **25.** Флай. **28.** Лапхунд. **29.** Ачкупс. **30.** Раку. **32.** Тулку. **33.** Зитон. **34.** Селькирк. **36.** Энтелодон. **38.** Карвинг. **39.** Гамен. **40.** Женеввер. **41.** Отоми. **42.** Энрио. **43.** Агэмаку. **44.** Акойя.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Сверчок. **2.** Бонанно. **3.** Тиф. **5.** Клотик. **6.** Аким. **7.** Философ. **8.** Акыда. **10.** Корнмил. **13.** Тархана. **17.** Биохакинг. **19.** Экспектан. **21.** Флюат. **22.** Уйсун. **24.** Нанук. **26.** Байсл. **27.** Юкола. **30.** Ринодерма. **31.** Короленко. **32.** Тревитик. **35.** Меренга. **36.** Эномай. **37.** Фаэна. **38.** Кебир.

Уважаемые читатели! Открыта подписка на 2-е полугодие 2016 года через редакцию.

1. Оплатить квитанцию на сумму, соответствующую Вашему выбору подписки, в любом отделении Банка или через личный кабинет по реквизитам. 2. Заполнить купон:

Ф.И.О. _____
 Дата рождения _____ Индекс _____
 Обл./край _____ Район _____
 Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____
 Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

3. Выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д.14, стр.1 или на электронную почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 93 рублей 50 копеек	За 1 номер — 121 рубль 00 копеек
За 6 номеров — 561 рублей 00 копеек	За 6 номеров — 726 рублей 00 копеек

Для чтения журнала в электронном виде (компьютер, iPhone, iPad и иные гаджеты).

Стоимость подписки на 3 месяца	Стоимость подписки на 6 месяцев
108 рублей 90 копеек	217 рублей 80 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>		
	Расчетный счет		40702810410150414401
	ПАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>		
	Корреспондентский счет		30101810400000000555
	ИНН 7714026110		КПП 771401001
	БИК 044525555		Код ОКПО 11396455
	<small>другие банковские реквизиты</small>		
	Адрес:		
	Ф.И.О.		
	Вид платежа	Дата	Сумма
Подписка на журнал «Смена»			
Подпись плательщика			
Кассир			

Приглашаем на наш сайт: <http://smena-online.ru/>

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на 2-е полугодие на журнал «Смена» во всех отделениях почтовой связи. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ ФГУП «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс П2446 — льготный (11 категорий) Индекс – П2431 — для всех подписчиков.
КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков.
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс 99406 — для всех подписчиков возможность оформления подписки через сайт www.vipishi.ru
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Московский дом
книги на Новом Арбате»

Вся
пресса
в одном
месте!

ВНИМАНИЕ ! КОНКУРС !

Дорогие читатели!

В вашей жизни и жизни ваших близких наверняка было что-то яркое, незабываемое, веселое и грустное, счастливое и трагическое, забавное и нелепое...

И даже на первый взгляд в обыденном таится нечто интересное и неожиданное. Как написал Евгений Евтушенко:

*Людей неинтересных в мире нет.
Их судьбы — как истории планет.
У каждой есть особое, свое,
И нет планет, похожих на нее...*

В этой связи **редакция «Смены» объявляет среди своих подписчиков конкурс «Житейские истории» на лучший рассказ** о том, чем бы вы хотели поделиться с нашими читателями.

На конкурс принимаются рассказы объемом 10–15 страниц (до 27 000 знаков) желательно в электронном виде на адрес: **tomasmena@mail.ru до 15 ноября 2016 года.**

Вместе с рассказом присылайте, пожалуйста, копию подписной квитанции на 2016 год или доставочной карточки.

Не забудьте указать свой возраст и профессию, а также, что рассказ предназначен для конкурса.

Итоги конкурса будут подведены в конце 2016 года.

Лучшие произведения будут опубликованы на страницах журнала и на нашем сайте, **а победители получают денежные премии!**

Первая премия — 3 999 рублей
Вторая премия — 3 000 рублей
Третья премия — 2 000 рублей

*Ждем от вас интересных историй.
Удачи, друзья!*

